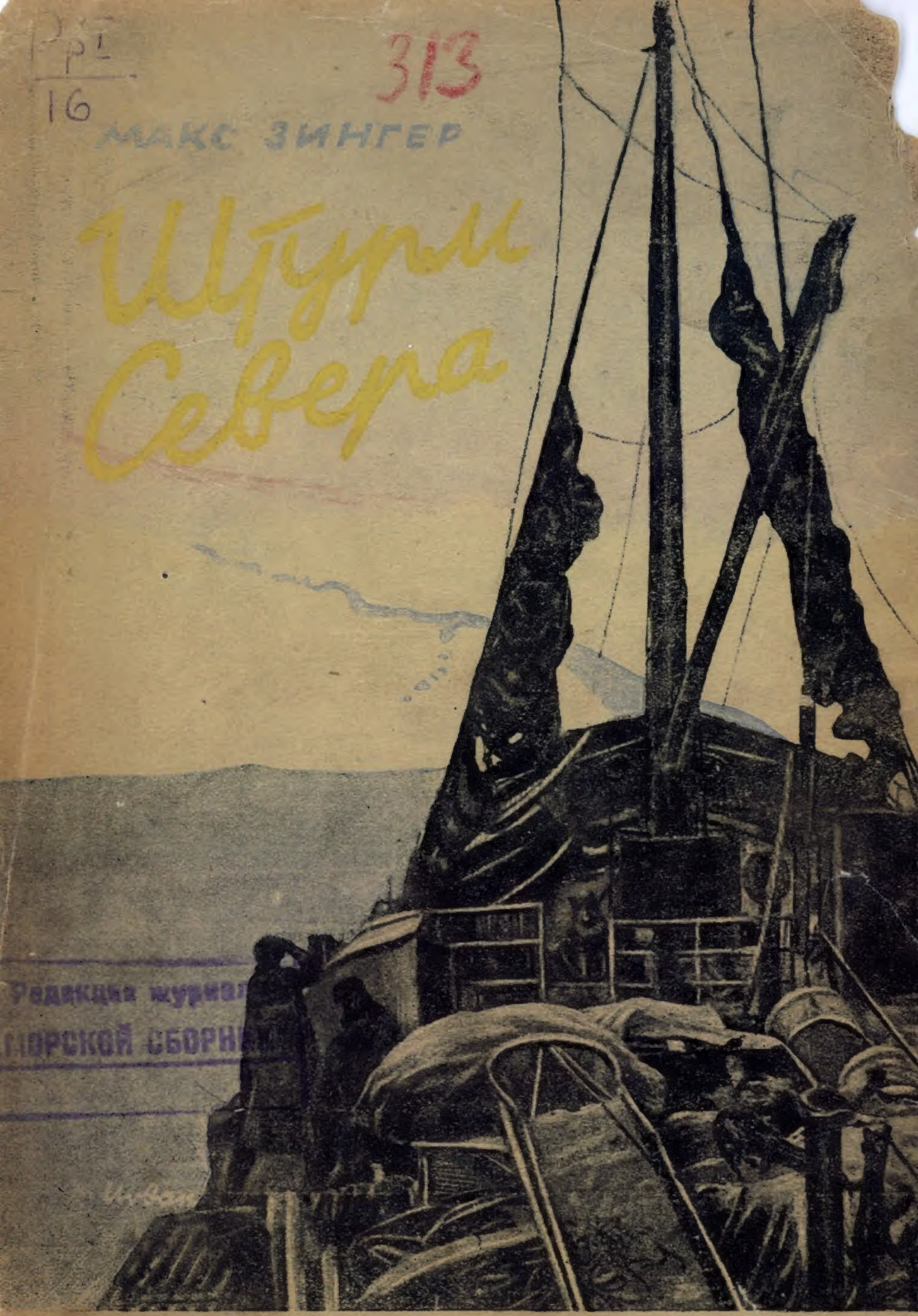
Рр I
16
313

МАКС ЗИНГЕР

Штурм Севера



Редакция журнал
МОРСКОЙ СБОРНИ

МАКС ЗИНГЕР

Шкуры Севера

ШТУРМ СЕВЕ

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ
обозначенного здесь срока

		К4		
		363-Ш		

Тип. им. Котлякова. 14 — 5 000 000. 5/I-72 г.

26/153

ПЛАН ПОХОДА ШХУНЫ „БЕЛУХА" 1930 г.

ПОЛЕТ ЧУХНОВСКОГО НА „КОМСЕВЕРПУТИ I"

ПОХОД ЛЕДОКОЛОВ „ЛЕНИН" И „МАЛЫГИН"

РА

СЕВЕРНОЕ ПОЛЯРНОЕ МОРЕ

Земля Франца Иосифа

СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ

МОРЕ ЛАПТЕВЫХ

50 ПАРОХОДОВ ИЗ ЛОНДОНА И ДАНЦИГА

БАРЕНЦЕВО МОРЕ

КАРСКОЕ МОРЕ

НОВАЯ ЗЕМЛЯ

„МАЛЫГИН"

„ЛЕНИН"

МАТОЧКИН ШАР

ПОЛУОСТРОВ ТАЙМЫР

О-ва Бегичев

Оз. ТАЙМЫР

ЗИМОВЬЕ ПЯСИНО

О-в Диксон

ЯМАЛ

ГОЛЬЧИХА

МЫС ПЕСЧАНЫЙ

ЕНИСЕЙСКИЙ ЗАЛИВ

Оз. ПЯСИНО

НОРИЛЬСК

ПОРТ ИГАРКА

ТУРУХАНСК

НИЖНЯЯ ТУНГУСКА

ЛЕНА

АНАБАР

ХАТАНГА

ОЛЕНЕК

ХРЕБЕТ ВИЛЮЙСКИЙ

МАРХА

ВИЛЮЙ

ЕНИСЕЙ

ГЫДА

ОБСКАЯ ГУБА

НОВЫЙ ПОРТ

ПЕЧОРА

УСА

ОБЬ

ПУР

ТАЗ

МАЛОЗЕМЕЛЬСКАЯ ТУНДРА

БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКАЯ ТУНДРА

ПРОЛИВ КАРСКИЕ ВОРОТА

ПРОЛИВ ЮГОРСКИЙ ШАР

МУРМАНСК

КОЛЬСКИЙ П-о-в

КАНИН

О-в Колгуев

АРХАНГЕЛЬСК

БЕЛОЕ МОРЕ

ФИНЛЯНДИЯ

ОНЕГА

ВАГА

СЕВ. ДВИНА

ПИНЕГА

МЕЗЕНЬ

СЕВЕРНЫЙ ПОЛЯРНЫЙ КРУГ

ВОЗВЫШЕННОСТЬ СЕВЕРНОГО УРАЛА

ТОС. ГРАНИЦЫ СССР

ЖЕЛ. ДОРОГИ

МАСШТАБ

0 100 200 300 400 500 км

Уважаемому
П. К. Хмызникову
— Мако [illegible]

10/V-1952
Москва.

Редакция журнала
„МОРСКОЙ СБОРНИК"

Роальд Амундсен.

ПРОВЕРЕНО 61 г.
91
3-63
Pp I
16
Проверено-85

Макс Зингер

Штурм Севера

5943
398962
3070

Полярная экспедиция шхуны „Белуха". Гибель „Зверобоя" („Браганцы"). Жизнь зверобоев-зимовщиков на крайнем севере Советов. Полет воздушного корабля „Комсеверпуть 2" с острова Диксон в Гыдоямо. Карский поход ледокола „Малыгин" в 1930 году

С 27 фото

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва — Ленинград ★ 1932

З—63

ФАБРИКА КНИГИ
„Красный пролетарий", Москва,
Краснопролетарская ул., д. 16

Введение

Тысяча девятьсот тридцатый год был переломным в истории необжитого советского Севера. В этом году люди забросили зимовку и установили радиостанцию на крайнем севере Союза Северной Земле. В этом году сорок шесть кораблей под руководством полярного исследователя Евгенова прошли через Карское море в сибирские порты и вернулись за границу с грузом советского экспортного леса. Неприступное Карское море стало служить пятилетке.

Шхуна «Белуха», ведомая капитаном Бурке, забросила зимовку в шхерах Минина, где никогда не жил человек. На Диксон пришел коллектив зверобоев Комсеверпути и под командой Буторина набил в короткую навигацию до полутораста морских зверей белух, которых здесь прежде не промышляли. С острова Шокальского, где человек в этом году зимовал впервые, Советский союз получил в одну зимовку около трехсот ценных шкурок белой пушистой лисицы севера песца. Ветеран Севера ледокол «Малыгин» сменил на острове Шокальского первых зимовщиков. Летчик Иванов доставил по воздуху через Карское море из Гыдоямо (в Обской губе) первых пассажиров на Диксон. Это были плотники, построившие там первый дом фактторию для обмена с ненцами (самоедами) продуктов на пушнину. Ледокол «Таймыр» обследовал район крайнего севера Новой Земли - мыс Желания, где решено ставить новую радиостанцию.

Шхуне Комсеверпути «Зверобою», бывшей «Браганце», спа-

савшей экспедицию Нобиле, было поручено обследовать Пясинский залив и вход в реку Пясину—дорогу к норильским ископаемым богатствам и высадить в Пясине смену зимовщиков. «Зверобой»—это отличное судно из дуба и мыльного дерева - стало единственной жертвой на крайнем Севере, в сильный ветер сев на камни коварного Пясинского залива.

Комсеверпуть купил у норвежцев шхуну «Хобби» и переименовал ее, назвав «Белухой»[1].

Маленький корабль «Белуха» должен был пройти сквозь ледяные барьеры Полярного океана, дать северу Якутии продовольствие, обогнуть берег полуострова Таймыр, равного по величине Италии и Франции вместе взятым, забросить две зимовки на севере Таймыра: с Карской стороны и со стороны моря Лаптевых. Зимовки послужат форпостами для дальнейшего продвижения советской культуры на север и северо-восток и очагами организации зверобойного промысла. На месте зимовок будут установлены радиостанции, и малоизведанный север окажется в цепких руках радио.

«Белуху», которая должна была в этом году пронести советский флаг северным морским путем из Архангельска в устье Лены, обязали выполнить незаконченные погибшим «Зьеробоем» операции по развозке зимовок. Ленский поход был отложен. Но корабли проложат дорогу в Лену и с запада и с востока. Смелые и отважные советские моряки добьются этого.

Два ледокола ходили в дозоре в ледовом патруле Карского моря. Служба погоды — синоптики Синягин и Вительс ежедневно давала прогнозы на русском и английском языках. Ледокол «Седов», ходивший к Северной Земле, «Белуха», бродившая в шхерах Минина, «Мейснер», «Малыгин», «Ленин», пятьдесят иностранных пароходов и три воздушных корабля прислушивались к этим предсказаниям погоды в Карском море.

Зоркие глаза кораблей—мощные летающие лодки, на ко-

[1] Белуха — морское животное (Delphinapterus leucas), кочует стадами до ста и больше голов. Весом доходит до полутора тонн. (Прим. авт.).

торых ходили бесстрашные люди, следили за подвижками полярного льда в Карском море.

Десять полетов в туманы, снегопады, пургу, над крошевом льдов сделал летчик Иванов на «Комсеверпути 2» и столько же сделали Чухновский и Алексеев. Над Карским морем летала полярная эскадрилья из трех воздушных кораблей.

Не пройдет и десятка лет, наш полярный Север станет важнейшим узлом мирового воздушного сообщения. Кратчайшие расстояния между крупнейшими центрами атлантических и тихоокеанских стран проходят через полярный Север советов. Из Лондона до Токио через Сибирскую железную дорогу около тринадцати тысяч километров, а через полярные области—всего лишь около девяти-десяти тысяч километров.

Огромную пользу окажет полярный Север земледелию в нашей стране. «Погода делается на Севере»,—так говорят метеорологи. Изучение Севера даст возможность получать верные прогнозы погоды и тем увеличит урожай наших необхватных полей.

О зверопромышленниках, зимовщиках—пионерах советского Севера, о долгой полярной ночи, о зверях и птицах, о кораблях, самолетах, о людях науки в Карском море, о жизни на его унылых, приземистых островах говорит эта книга. Она говорит о людях, развернутым фронтом прокладывающих дорогу на советский Север к его пушным и ископаемым богатствам.

Автор

Куда идете?

Необычайная для Архангельска июльская жара сменилась холодом. Задули нордостовые, крепкие ветры, и пароходы, стоявшие на якорях, повернулись, словно флюгера, по ветру. В последний солнечный день, перед самым закатом, над Соломбалой послышался рокот мотора воздушного корабля. Самолет «Комсеверпуть 3» шел на посадку к тому месту, где лишь за два дня до него покачивался на серой двинской зыби его двойник, работавший теперь в Карском море.

Наступило 24 августа. В этот день капитан шхуны «Белуха» Бурке твердо решил отвалить от Соломбальской пристани. Небольшая группа прибрежных рабочих и близкие тех, кто шел в дальний Ленский поход к неизведанным местам, долго приветствовали тарахтевшую своим мотором «Белуху».

Начальник экспедиции Бурке дал три прощальных салюта, и Соломбала скоро скрылась из виду.

Двина привела нас к небольшому деревянному дому, где находился пункт пограничной охраны.

Бурке поднял небольшой рупор и стал прислушиваться, ожидая вопроса с берега. Сильный ветер относил слова. Наконец ясно послышалось:

— Куда идете?

Капитан Бурке громким, чуть хриплым голосом крикнул:

— В Карское море!

На берегу не расслышали ответа.

Несколько раз поднимал рупор капитан, и наконец с берега донеслось:

— Хорошо!

Белуха дала полный ход и пошла к Лапоминке брать разборный дом для зимовки.

Через два часа после выхода из Соломбалы в кают-компании громкоговоритель с исключительной четкостью передавал концерты Западной Европы. Словно на сказочном ковре-самолете мы облетали все страны и подслушали музыку разных народов.

Белуха ушла в экспедицию к устью Лены, загруженная до самого капитанского мостика. Вся палуба была заложена бочками с горючим, тесом для зимовок, сетями на морского зверя белуху и ящиками всевозможных размеров.

На вантах, лестницей взбегающих к верхушкам мачт, висели туши свежего мяса. Трюмы «Белухи» не могли вместить больше ни одного кило груза. Мы уже сидели ниже ватерлинии по самую марку.

На маленьком деревянном судне находились аммонал, термит, детонаторы, бензин, керосин, нефть, пакля. Мы жили на плавучем пороховом погребе, но никто не терял из-за этого бодрости.

Белое море встретило шхуну неприветливо. С вечера погода предвещала шторм. Всю ночь глубокосидящее судно швыряло по высоким волнам. Огромные накаты били о борт корабля, заливали палубу. Наши четвероногие друзья — сибирские ездовые лайки, жившие на верхней палубе, впервые видели море. С большой неохотой они взошли по трапу на «Белуху», и теперь каждой волной захлестывало их теплые шубы.

У Канина носа, где десятки советских и иностранных тральщиков ловили рыбу, море притихло, и «Белуха», слегка покачиваясь, продолжала свой путь

Моторный двигатель заставлял судно ритмично постукивать и вздрагивать. Порой казалось, что мы мчимся в поезде и под нами все время переводят стрелки.

В полдень 25 августа миновали полярный круг—воображаемую черту, отделявшую нас от теплой и благодатной стороны.

На «Белухе» шел груз для авиационной части Карской экспедиции. Его нужно было сдать на ледокол «Ленин», неизвестно где находившийся.

Радисту была дана боевая задача обязательно разыскать ледокол. И рано утром он перехватил радио с «Ленина», который сговаривался с ледоколом «Малыгин».

«Ленин» стоял в Юшаре в становище Хабарово. Туда должна была притти «Белуха».

Когда забрезжил рассвет, открылся остров Колгуев, а незадолго до этого на горизонте по правому борту маячил какой-то огонек.

Люди на корабле сначала думали, что это мигалка, но потом выяснилось: впереди шло судно, и на нем горели ходовые огни. Очевидно, оно направлялось из Печоры в Архангельск.

Несколько тюленей «выставали» из воды; пробегали по зыби нырки, хлопали крыльями и скрывались снова под водой.

Лаг не переставал вертеться за кормой и отсчитывать пройденные мили, изредка доносился писк судовой радиостанции и глухо, словно где-то в близлежавшей деревне, лаяли пленники корабля—остроухие псы.

Мы шли на восток к узким воротам, которые много тысяч лет назад пробил океан между материком и островом Вайгач. Эти ворота носили название Югорский Шар.

Таинственный знак

Лениво проворачивал руль вахтенный матрос. Но как только картушка компаса уходила от намеченного курса, рулевой заставлял ее снова принимать заданное положение. Море и небо были иззелена-серы. Несколько чаек кричало где-то за кормой. Неожиданно перед самым носом высоко подпрыгнула касатка и ушла под воду. Еще несколько прыж-

ков сделал морской зверь, показав свою могучую спину, и исчез из виду.

Ночь наступила быстро, свободные люди на корабле все спали. Лишь вахтенный штурман, машинист и один матрос бодрствовали на корабле, да радист, ловя колебания эфира, водил карандашом по бумаге, лежавшей на столе, смотрел за накалом лампы, включал или выключал рубильники на распределительной доске.

Вдруг оконце его рубки открылось, он свистнул, подзывая к себе вахтенного матроса.

— Вот принял обрывки,—крикнул радист Сысолятин.

...Окажите «Зверобою» помощь... держите непрерывную связь.. На «Зверобой»... 41 557 Комсеверпуть...

- - А мне Ваня Блинов вчера говорит в кубрике:—со «Зверобоем» авария! Сон мне снился, будто Петранди, капитана «Зверухи», арестовали.—Сон в руку, -сказал штурман Розин, разглядывая радиограмму.

- - И мы здесь где-нибудь воткнемся в этом чортовом море,—нараспев протянул радист.

Видимость была плохая, слегка туманило горизонт, а, по времени судя, скоро должен был открыться Вайгач, Югорский Шар или Юшар, как говорили моряки.

- - Не снесло бы нас к северу печорским течением, - вскользь бросил старший штурман.

Мерный ход машины действовал, как лучшее снотворное. Я проснулся, почувствовав перемену в этом стуке. Машине дали средний ход. Минут пять прошли средним ходом, затем перешли на малый. Медленно постукивая поршнем, машина чуть двигала корабль.

Накануне команде роздали ватную одежду, сапоги, теплые шапки, и люди не мерзли больше от холода на верхней палубе.

Коричневая полоса земли тянулась на горизонте, горбя свою голую спину. На холме стоял неизвестный знак обелиск.

— Будто бы Лямчина губа, но откуда же здесь знак? – сказал капитан.—Никаких знаков здесь в прошлом году не было!

Капитан Бурке перевел корабль на холостой ход, пронзительно свистнул, и матрос побежал с лотом на бак брать глубину моря.

На суровом безжизненном куске земли, где сейчас не было человека, высился таинственный знак, словно памятник человеческой отваге, пытливому уму мореходов.

В штурманской рубке, склонившись над картой, капитан отсчитывал расстояния измерителем, всматривался сквозь лупу в микроскопически малые буквы.

- Фу ты, чорт! Поставили новый знак и не предупредили! Нас миль на тридцать к северу течением снесло! Вон видите залив это Лямчина губа. Мы вышли севернее Юшара.

Бурке отдал команду. Коленчатый вал встрепенулся, и все поршни машины запели дружно песнь о полном ходе. Это была радостная песнь о верном курсе, о близости Югорского Шара, о недалекой встрече с кораблями, с новыми людьми.

Ушел высокий знак, скрылся горбившийся остров, и новые острова коричневыми, чуть красноватыми полосами вставали из воды, словно морские звери подышать и отлежаться.

- Этот знак только три недели назад поставили, забыли вас предупредить о нем,—сообщили потом капитану «Белухи» на ледоколе «Ленин» в Югорском шаре.

Моря Белое и Баренцово—за кормой. Первый этап экспедиции к устью Лены был пройден.

Впереди лежало коварное Карское море.

Югорский Шар

Густо-зеленая вода Югорского пролива была неподвижна. Желтая церковка становища Хабарова ярко выделялась среди нескольких домиков, расположенных возле нее. Недалеко от становища стоял двухтрубный красавец—проводник кар-

ских пароходов—ледокол «Ленин». К нему шла «Белуха». Низко над проливом, почти касаясь воды, тянула стая турпанов. Шхуна дала протяжный сигнал, извещая о своем прибытии, и вскоре пришвартовалась к ледоколу. Невольно вспомнилась рекламная картинка, которую печатали хозяева крупных заграничных пароходств. Рядом с гигантом-пароходом обычно помещалась одна из каравелл Христофора Колумба, на которой он открыл Новый Свет. Наша «Хобби», наша «Белуха» была каравеллой-крошкой по сравненню с левиафаном-ледоколом. И наша совесткая каравелла, так же как и колумбова, шла в неизвестные края к малоизвестным и необследованным островам и землям.

Еще совсем недавно путешествие к Новой Земле было стважным и смелым предприятием, а сегодня, двадцать девятого августа 1930 г., в холодную и темную ночь, сюда в Югорский Шар пришли без проводников два щеголя, два теплохода-буксира из Германии. Они самостоятельно шли из Данцига в Обь и Енисейский полярный порт Игарку. Об этом мог только мечтать знаменитый Сибиряков энтузиаст северной Сибири, северного морского пути.

Зеленые и желтые блики ярких огней буксиров играли ночью в темной воде Югорского Шара. Светящиеся, отраженные водой иллюминаторы, словно звезды, рассыпались по бортам этих нарядных пароходов.

Пятьдесят кораблей должны были пройти в этом году Карским морем за богатейшими экспортными товарами Сибири. Мощные ледоколы «Ленин» и «Малыгин» ходили по Карскому морю, высматривая льды. Два воздушных корабля делали ледовые разведки, и третий самолет на-днях должен был прилететь в Карское море из Архангельска. За ледовым морем была установлена неусыпная слежка. Место встречи всех кораблей, Югорский Шар был главной улицей Карского моря.

Не успела «Белуха» пришвартоваться к ледоколу, как затянуло туманом берега и сразу повеяло холодом.

На ледоколе знали, что «Зверобой» вылез на банку и по-

лучил пробоину. На помощь ему вышел «Малыгин» во главе с начальником Карской экспедиции Евгеновым. Чухновский вылетел вчера с Диксона на северо-восток, но сжег в воздухе свою радиоустановку, связь с самолетом прекратилась, и его местонахождение не было известно. Узел запутывался.

На утлых лодочках к нам подъехали ненцы-самоеды. Они отлично говорили по-русски и чувствовали себя на «Ленине» и «Белухе», как дома. Перелезали через фальшборт и релинг, заходили в каюты и всем интересовались. Один из них—Тайборей, председатель островного совета Вайгача—встретил на «Белухе» старого зимовщика этого острова и пришел «на рюмочку». Тайборей один промышлял зверя на всю свою семью, о размерах которой говорил с усмешкой: «Семь детишек». Тайборей был в одежде из звериных шкур, на голове его вместо шапки была копна нечесаных жестких черных волос. Он охотно курил и пил рюмку за рюмкой, рассказывая о богатом промысле в этом году.

«Белуха» сгрузила на «Ленин» несколько бочек авиагорючего и тридцатого августа, выбрав десяток минут ясной видимости, дала полный ход. Ледокол «Ленин» и стоявшие неподалеку от него два новых буксира, купленные нами в Германии, салютовали «Белухе» гудками и флагами.

Экипаж «Белухи» спал крепким сном, когда мы были на траверзе того места, откуда, захваченная льдами, уходила в дрейфе на чистый север шхуна Г. Л. Брусилова «Святая Анна» в 1912 году.

Только вахтенный штурман Розин всматривался в темноту, да матрос Иван Голубин, всегда чем-нибудь недовольный, проворачивал штурвал, лениво поглядывая на картушку главного компаса, по которой ходила магнитная стрелка, около заданного вахтенным градуса. Штурвал слушался человека, и стрелка, слегка уклоняясь то влево, то вправо, говорила о том, что «Белуха» идет верно по положенному курсу на Диксон.

Радист «Белухи», Сысолятин, проведший свои молодые

годы в зимовках на Севере советов, также не спал в эту ночь. Радиограммы подтверждали безнадежность положения «Зверобоя», который сидел на камнях Пясины, покинутый людьми.

Сегодня на Карском море было волнение. Лед держался лишь узкой лентой вдоль Карской стороны Новой Земли, море освободилось от льдов. Ветер раскачивал и гнал зеленые, пенящиеся валы на «Белуху». Корма шхуны иногда поднималась на несколько метров и ударяла со всей силой об воду. В каютах сами раскрывались двери. По палубе гуляли волны, и судно стонало и скрипело. Целые сутки море било маленький корабль, не давая отдыха людям.

Ночью «Белуха» шла ощупью, стопоря каждый час свой ход и беря лотом глубины. Нельзя было доверяться неточным картам: мощные течения—обское и енисейское могли отнести «Белуху» от курса на мели и банки.

Низко над морем тянулись серые облака, так низко, что порой, казалось, их можно было достать руками. Облака стелились в Карском море, словно гигантские ватные одеяла.

Радист Сысолятин рассказывал мне в радиорубке о своей зимовке на Матшаре.

Люди на Матшаре

Черные скалы Маточкина Шара и Новой Земли блестели камнем и белыми полосами снега, годами лежавшего в расселинах и оврагах. Скупо, краюшком, светило солнце. На иссиня-черном небе, прямо над самым горизонтом, вспыхнула яркая розовая полоса. Макушки скал и снеговые полосы в расселинах вмиг порозовели. Только полярный воздух мог быть так чист и прозрачен, и такая тишина могла быть только за полярным кругом. Иззелена-черное Карское море рябило розовыми огнями необычайного восхода.

Люди, зачарованные восходом солнца над этой суровой землей, последний раз крикнули в сторону ушедшего корабля: «Прощайте», «До свидания»,—дали салют из ружей

и с непокрытыми головами зашагали к вновь отстроенному, еще пахнувшему смолой, бревенчатому дому—рации.

Два дня назад этих людей доставил сюда ушедший пароход. Они сменили старых зимовщиков, проживших здесь целый год в одиночестве.

Огромный солнечный шар поднялся из-за моря, и все загорелось сразу таинственным, незнакомым светом. Над горизонтом Карского моря засверкала ледяная радуга—отблеск льдов на небосклоне.

Наступил первый день зимовки. Все суда ушли из пролива и Карского моря. Улетели птицы.

Зимовать остались люди, которых судьба самым неожиданным образом свела на Матшаре. Повар зимовки, молодой моряк Отто Грезер, бежал с немецкого парохода из-за политических преследований на родине, в Германии. Он был коренаст, плотен. Матрос немецкого транспорта, он ушел в советский порт и не вернулся к отходу судна.

Виктор Ахматов—геофизик, заложник науки в этом диком крае, старался делать вид, что зимовка для него не новость и ничего в ней особенного нет. Он подражал новоземельским промышленникам, их манере разговаривать и одеваться. Никто более Ахматова не говорил о промыслах, хотя ему так и не удалось убить ни одного зверя за зимовку. Но таким в первый год зимовки был каждый.

Константин Иванович Зенков—служитель рации Матшар, зимовал в Малых Кармакулах, где промышлял зверя: тюленя, морского зайца, белуху и песца. Иной раз заходили в Кармакулы и медведи, но это считалось редкостью. За сто пятьдесят километров пришел Зенков в Матшар на маленькой шлюпке, на которой были все его пожитки. Высокого роста, с лицом чуть тронутым оспой, Зенков был самым спокойным из всех зимовщиков. Его никогда нельзя было видеть без дела. Он собирал плавник в шатры, колол дрова или проверял пастники.

Последний из четырех зимовщиков, радист Матшара Сысолятин, с которым я встретился на шхуне «Белуха», мог

смело сказать, что свою молодость он отдал суровой Арктике, долгой полярной ночи и радио. В первый год зимовки ему едва минуло двадцать лет.

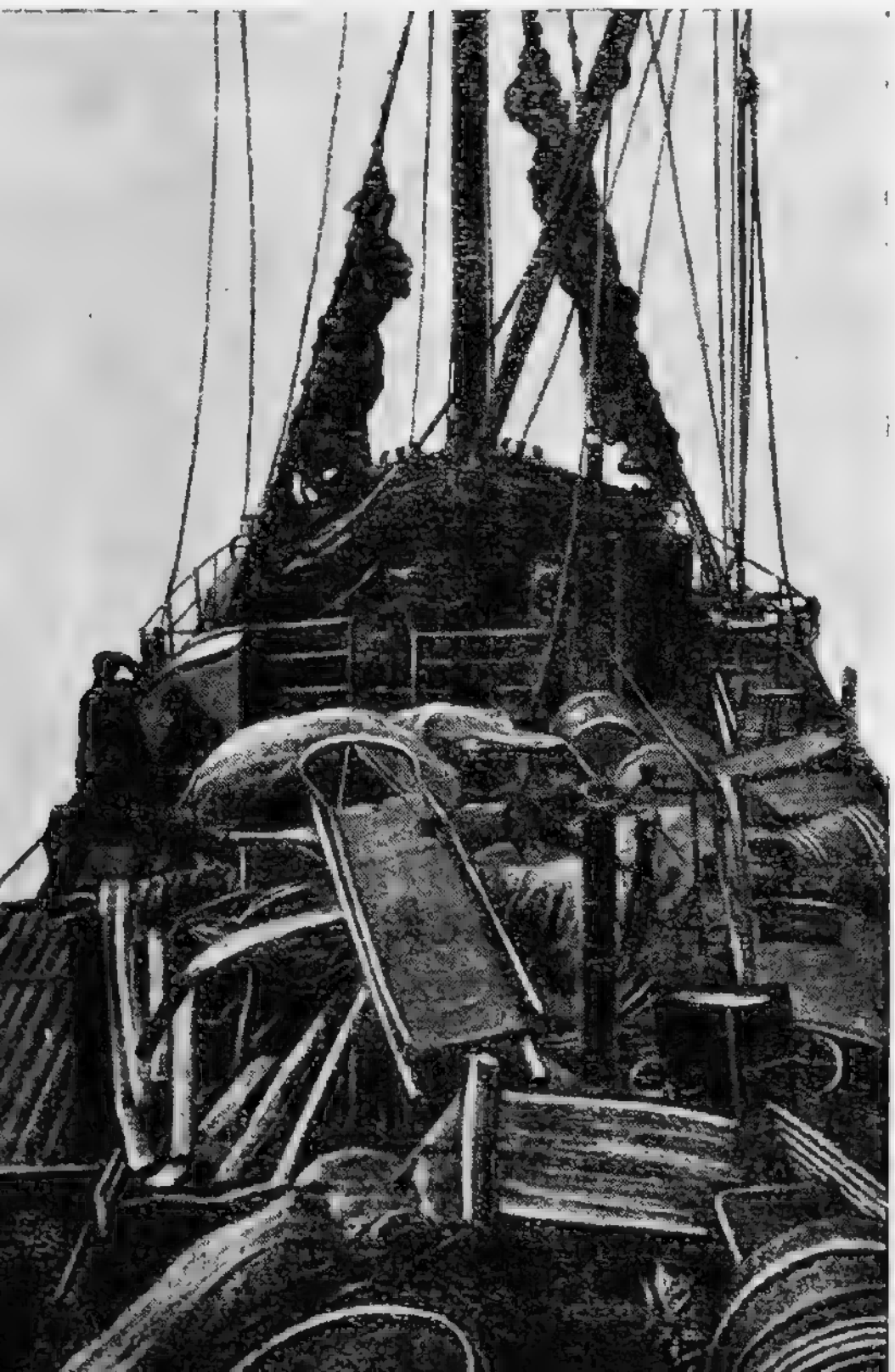
Однажды днем зимовщики нашли неподалеку от рации закоченевший труп «Мишки-лекпома». Это была черная одноглазая пушистая собака. Она стала жертвой собачьей ссоры. Только сильная собака могла перезимовать за полярным кругом. Слабую же всегда загрызали сильные в ссорах из-за кости или рыбы, брошенной хозяевами зимовки.

В конце октября четверо людей с Матшара решили итти в поход на Канкрин для устройства пастников и заготовки топлива-плавника.

Восьмерку собак запрягли в нарты, взяли на девять дней продовольствия, и собачья упряжка со скоростью пятнадцати миль в час понеслась по снежной дороге. Но не успели зимовщики отъехать и одной мили от радиостанции, как вдруг услышали позади себя неистовый лай. Вся оставленная на рации собачья свора неслась им вдогонку.

Зимовщики остановились, подождали незваных провожатых, и каждая из подбежавших собак получила по удару лыжей. Встреченные негостеприимно, собаки с визгом бросились к рации и скрылись за поворотом реки. Но это был лишь собачий маневр. Четвероногим скучно стало одним на Матшаре, они, видимо, решили итти в поход вместе с зимовщиками. И не пробежали нарты еще одной мили, как позади на белом от снега горизонте снова показались черные точки собак. Впереди всех неслась «Радость», за ней, отставая на полкорпуса, летел «Вах». Сысолятин подманил к себе «Ваха» и снова ударил его лыжей так, что тот с визгом отбежал в сторону. То же самое Зенков проделал с «Шариком» и «Пуришкевичем». Собаки отступили в беспорядке, оставляя алые следы на чистом снегу, но не сдались; отойдя назад с полмили, они улеглись на снег и стали следить за зимовщиками. Пришлось остановиться и преследовать собак до самой рации.

Промысел тюленя в Белом море.



„Белуха“ ушла в экспедицию, загруженная до самого капитанского мостика.

Солнце стояло низко. На море, где чернели полыньи, было настороженно тихо.

Серо-свинцовые облака скрывали верхушки скал. На севере погода набегает сразу. Норд-вест задул вдруг со страшной силой, завертел воронкой снег, затянул песню сирены. Люди помогали собакам тащить против ветра нарты с продовольствием. В полушубках было жарко итти, а без них холод сковывал все тело. На воротнике свитера от мороза было ледяное ожерелье. А тут вместо одного оврага выехали к другому, и едва не упали в расселину скалы, затянутую снегом.

Отряд остановился. Зенкова послали на обсервацию. Вернулся зимовщик.

— Заночуем, ребята, здесь! Переждем погоду! Дорога идет по какому-то озеру вниз. Темно. Ничего не видно. Чуть под лед не угодил.

Поставили нарты на бок для защиты от ветра, развязали кладь, воткнули лыжи и палки в снег, поужинали мясными консервами и запили бутылкой красного вина. Залезли зимовщики в спальные мешки и вмиг заснули.

Проснулся Сысолятин часа в два от холода, который пронизывал все тело, осмотрелся вокруг себя: не видать зимовщиков. Их замело снегом.

Под снежным покровом едва виднелись темные пятна. Обрадовался Сысолятин, когда из-под снега услышал вдруг знакомый молодецкий храп Зенкова. «Лебедь» спал рядом с немцем Отто. Спина немца едва чернелась из-под снега. Сквозь небольшое отверстие, которое продышал «Лебедь», шел пар.

— Вставай, братишки!—кричал Сысолятин.—А то нас здесь во-век не отгребут!

— Ишь ты какой аврал поднял, под снегом спать куда удобнее,—недовольно пробурчал Зенков, отряхиваясь от снега.

На юге вспыхнула белая полоса и протянулась над горизонтом, а к северу весь небосклон был иссиня-черен.

Когда рассвело, люди увидели, что ночевали на вершине какого-то глетчера. Несколько банок консервов, подмоченное печенье, бутылка «Сотерна» подкрепили путников, и отряд двинулся, держа направление к промысловой избушке, которая лежала по пути к Канкрину. Нужно было пройти небольшим оврагом вверх по склону горы к большому оврагу. Нарты побежали по ровному плато. Могучие ветры севера местами вымели начисто землю, оголив камень. Но это не задерживало полярных коней. Собаки бежали ровно. Вдруг они остановились перед спуском к реке.

Люди осмотрели место переправы. Лед на реке был хрупок и не надежен.

Переходили по одному, мечтая о скорой ночевке в избушке. Начальник станции Вербов много говорил о ней. Там должно быть и продовольствие и лампа-молния, да к тому же стоял камелек, и запасено топливо.

Несколько раз изменялась погода. Временами штормило, ревел ураган, и тогда приходилось отлеживаться в снегу, а как только заштилеет, снова трогаться в путь к заветной избушке.

Зенков первый увидал избушку и закричал:

— Вот она, справа, справа. Смотрите!

И в самом деле по правую руку чернелась избушка.

На полу в избе лежало много снега. Через полчаса после прихода отряда изба стала неузнаваемой. Ее прибрали, снег и мусор выгребли, растопили печь, и желанное тепло разлилось по избе. Отогрелись люди, ожили. Запахи кофе, печенья и консервов перебивали запах портянок, которые напоминали флаги, выкинутые в праздник кораблем,—так много их сушилось в избе. Печка скоро накалилась докрасна.

Утром отряд покинул избушку, от которой в сторону вел след медведя. Он всю ночь ходил у избы, вытоптав снег кругом.

Было тепло: всего восемь градусов ниже нуля. «Лебедь» преследовал медведя, порезал о твердый наст лапы,—и в следах алела кровь.

Три зимовщика, согнувшись под тяжестью вещевых мешков, шли на лыжах, четвертый—Зенков—едва поспевал за товарищами.

— Не могу дальше итти. Чорт с ними, с лыжами!—и Отто первым воткнул свои лыжи в снег.

Ахматов тоже снял свои лыжи и воткнул их в снег как опознавательный знак.

— Что это за речка?—спросил Сысолятин.

— Назовем ее Укнабеаз. По-ненецки это значит паршивая речка—сказал Зенков.

— Да тут, смотри, какая дельта! Вот рукав, вот, вот!

И Зенков стал считать рукава безымянной речки. Река протекала по глубокому оврагу, стены которого были выложены самой природой из целого камня. Эти скалы называются на Новой Земле толбеями.

Незаметно подкралась ночь, и на черном ковре неба заискрились невероятно яркие звезды. Они были крупнее тех, что видел каждый из зимовщиков над «большой землей».

Не успела полярная ночь показать свою красоту, как внезапно налетел туман; сначала хлопьями, а потом стал густеть, словно кто-то из гигантского удойника розлил над землей молоко.

Люди шли целый день, еле передвигая ноги, и к ночи поняли вдруг, что закружали.

— Переждем до ясной видимости!—предложил Зенков.

Люди сбились в кучу и накрылись полушубками. Но как только протаивал снег, сразу сырели брюки, и люди просыпались от холода.

Невеселое было утро. Обсушиться негде, и, главное, иссякли последние остатки продовольствия.

— Сдохнем здесь все поодиночке,—сказал Сысолятин, дрожа от холода.

Ночью заштилело. Но к утру снова поднялся ветер, и началась поземка. И снова перед путниками стояла почти сплошная завеса снега, дышать было нечем, и люди защищали свои лица меховыми рукавицами. «Лебедя» не раз

откидывало ветром, и вся морда его была залеплена снегом, будто он только что окунул ее в бочку со сметаной.

— Харчить-то нечего, братишки, давайте «Лебедя» прикончим!—предложил Сысолятин.

И только сказал это радист, как вдруг стало проясниваться, и на горизонте завиднелась черная полоса неба, что означало близость моря. Там у моря должны быть запасы плавника, и можно согреться у костра. Люди решили итти к морю.

Пересекли какую-то речку, поднялись на верхнее плато и вскоре увидели воду. Она была исчерна-зеленой, и Сысолятин невольно вспомнил картины художника Борисова, впервые написавшего это неизведанное море и передавшего его суровую красоту.

— Спасены!—крикнул Сысолятин, увидев воду впереди себя:—Это залив Канкрина. Мы опять пришли к старой избушке.

— Там есть хлеб, шпиг, греча и сухари,—сказал Зенков.

— В крайнем случае схарчим «Лебедя»,—снова предложил Сысолятин.

Выбившиеся из сил люди ползком добрались до избушки. Небо было чистое, ясное и сияло крупными яркими звездами. На северо-западе радугой вспыхнуло северное сияние. Изломанная радуга продержалась недолго и погасла.

Люди принесли плавник, растопили печь. Изба скоро наполнилась паром от сушившегося белья и обуви: стало невыносимо жарко. Запахи супа, который стряпал Отто, дразнили проголодавшихся зимовщиков.

Когда взошла луна, показав сквозь пепельный свет тонкий серебряный серп, люди, раскидав руки, крепко спали на оленьих шкурах.

Только на следующий день зимовщики увидели мачты своей рации.

— Ур-р-ра-а-а!—крикнули все в один голос, когда из-под снега показалась крыша дома.

— Вот они, пропащие, вернулись!—встретили их оставшиеся на рации.

За столом в общей комнате сидело несколько норвежцев с промысловой шхуны «Веслекари и К⁰». Большинство из них были фашисты, открыто говорили об этом и не стеснялись предлагать сигареты и кепстен в обмен на шкуры песцов и белых медведей.

Иностранным зверопромышленникам разрешалось бить только одну белуху, но на палубе их полупиратского судна лежали туши убитых тюленей, медведей, сушились песцовые шкуры.

Шхуна «Веслекари» заходила в бухту Диксон, и там на могиле Тессена, спутника Амундсена, экипаж поставил крест из плавника. Ту могилу не рыли в земле: вырыть яму на Диксоне было невозможно. Огромными камнями заложили скелет Тессема.

Перед самым приходом зимовщиков собаки разорвали лучшего пса «Шарика». Наутро «Рваный» и «Лиса» стали рвать «Быстрого». Его пушистый мех обагрился кровью. Еле отбили беднягу. Один из зимовщиков взял его к себе на излечение.

На горизонте виднелся невзломанный лед. На море было тихо. Белый свет луны спокойно скользил по тонкому береговому припаю.

Черные камни Диксона

Тысячелетия разрушили эти черные скалы, подтачивая их, дробили, рассыпали по берегу хрустящие осколки могучих камней. Но скалы все еще толпились над водой, образуя острова и островки, которым зимовщики Диксона давали свои названия. На черном камне ковром лежал мягкий мох. Кричали чайки. Над хаосом камней высилась мачта радиостанции Диксон.

Чуть посеребренные недавно выпавшим снегом, скалы Диксона были мертвенно суровы. Несколько домов жались друг к другу возле мачты рации, словно собираясь для

дружной защиты от лютой пурги, ураганов, полярных морозов долгой зимней ночи.

Огромные собаки—потомки тех, о которых с таким восторгом отзывался Роальд Амундсен, когда заходил сюда на своем корабле «Мод», бегали возле домов. Еще две-три недели—и снегом закроет камни Диксона. Эти собаки повезут нарты с зимовщиками на проверку пастей, на материк за дикими оленями. Тогда придет собакам страдная пора. Остроухие, пушистые, они будут кататься у ног белого медведя, хватать его за мохнатые штаны—гачи, атаковать белого зверя, чтобы остановить его и дать хозяину возможность получше прицелиться. На рацию привезут трофей—свежее мясо и сверкающую мохнатую, чуть желтоватую шкуру.

«Белуха», не дойдя мили до берега, на котором высились постройки рации, отдала якорь на рейдовой стоянке. Но не одна была «Белуха» возле этого дикого и безмолвного острова. Ветеран ледокол «Малыгин» стоял на якоре в бухте Диксон. Старый капитан Чертков и начальник Карской экспедиции Евгенов сторожили здесь караваны лесовозов, над которыми с севера нависала огромная шапка тяжелых льдов. Нордостовые ветры гнали льды на юг, неожиданное похолодание воды было предвестником их приближения.

Чухновский жил сейчас на острове Диксон. Несколько дней назад он летал на северо-восток и видел тот путь, по которому должна была итти «Белуха».

Тяжелые льды преграждали дорогу нашему кораблю. Во всех заливах начинался процесс смерзания, образовалась шуга. На Миндендорфе острова были покрыты снегом. А в прошлом году в середине сентября скалы Миндендорфа еще не видели снега. Бурке на «Зверобое» подходил к ним по чистой воде, почти не встречая льдов. Лодка самолета дала течь, и Чухновский вернулся на Диксон. Мечта Чухновского посмотреть Северную Землю не сбывалась.

Во время полета десятки новых островов, не отмеченных на карте, виднелись с самолета, и большими стадами шла белуха.

Диксон был одним из крайних уголков севера Карского моря, где жили люди. Далее, на северо-восток простирались неисхоженные человеком земли. Уходя от Диксона, судно отрывалось от последней культурной базы человечества, и только невидимые нити радио соединяли его с нею.

На моторном боте я поехал к радиостанции Диксон.

— Осторожнее, осторожнее, здесь грунт костистый. Выскочишь на камень и не слезешь!—предупреждал старый зверопромышленник моториста.

Мотористом шел молодой гидролог Алексеев. Он изучил моторное дело, успел узнать фарватер бухты и правил смелой рукой, не обращая внимания на предупреждения. Этот же Алексеев с первой пули уложил на-днях белого медведя, попав ему в самый череп. Пушистая шуба медведя висела на релинге ледокола.

Мы выпрыгнули на камни и по звонкой земле направились к радиостанции. Дома бревенчатые посерели с годами, и один из них, только что поставленный, желтым цветом своих свежих бревен приятно ласкал глаз.

На Диксоне я неожиданно встретил старого знакомого Александра Романовича Тауснева, с которым вместе плавали в прошлом году на Енисее. Встречи на Севере особенно памятны. Люди обычно говорят друг другу: «Последний раз на севере: больше не пойду сюда»—и все же судьба сводит их снова у черных скал, опушенных снегом.

В просторной комнате начальника рации одна стена словно в каком-нибудь музее была сплошь увешана ружьями.

— Остаетесь здесь зимовать?—спросил я жену начальника рации.

— Буду зимовать в первый раз.

Север манит. Его притягательная сила действует на человека, как магнит на железо. Раз попавший на Север не уйдет от него. Север завладеет им. Об этом говорят все зимовщики.

И я видел, как советский Север владел людьми. Люди оставляли на «большой земле» (так называют ненцы материк)

свои семьи и шли сюда, на север, воевать с природой, смирять стихию, побеждать пространства волнами радио.

Всего несколько домов рации да высокая мачта—это и был небольшой полярный городок Диксон,—памятник настойчивому человеческому труду.

Восемьдесят шесть суток стояла зимой на Диксоне полярная ночь. Когда небо было чисто, порой загоралось северное сияние. Полярной ночью люди становились несговорчивыми, раздражительными и ждали с затаенной тревогой прихода солнца.

Появление светила зимовщики встречали, как язычники, с обрядами, с торжеством, поднимая бокал в честь животворящего солнца и произнося напыщенные речи.

Морозы слабели с каждым месяцем. Приближалось тепло, но все же казалось невероятным, что уйдет лед, не будет пурги, и скалы сбросят снежный покров, зазеленеет мох, прилетят с приветом юга веселые говорливые птицы.

В комнате рации Диксон, где жил метеоролог, висела таблица. Кропотливо выбирая цифры из огромнейшей папки, где этих цифр десятком зимовщиков было написано свыше миллиона, безвестный метеоролог вывел за шесть лет среднюю месячную температуру острова Диксон.

Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь
— 21,6°	— 23,2°	— 23,7°	— 18,3°	— 8,6°	— 0,3°

Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь
+ 4,8°	+ 4,1°	+ 1,1°	— 5,6°	— 17,5°	— 23,5

17 февраля 1926 года выдался самый холодный день на острове, с тех пор как на нем появились люди. Термометр упал до—46,9°.

Февральские стужи одинаково с январскими мучили и людей и ездовых собак Диксона.

Люди выходили в морозы, одевшись в овчинные полушубки, валенки, шапки-малахаи и только собираясь в объезд пастей на собаках или в дальнюю поездку, одевали пимы, сакуи—ненецкую меховую одежду.

С мая только и было разговоров на рации о том, что вот скоро придут пароходы, разбудят покой берегов и принесут вести с большой земли от близких людей.

И вот пришли пароходы. Не видел Диксон сразу столько кораблей, шлюпок и катеров. Два мощных самолета, два воздушных корабля «Комсеверпути» стояли на якорях в бухте Диксон. Вся морская карта была исчерчена полетами этих огромных птиц, на которых шли люди, преданные делу советского Севера.

Синоптики в просторной каюте ледокола «Малыгин» следили по картам погоды за ходом ветров и циклонов, предсказывали снегопады и туманы, предостерегали суда и воздушные корабли от грозившей им опасности.

Так наука, человеческая воля и энергия боролись со стихией, отвоевывали у нее шаг за шагом каждую новую милю малоизведанного моря.

В темную пору

На севере все пишут дневники. Зимовщик, который едва выводит буквы, зверопромышленник, радист, метеонаблюдатель,—все коротают полярную зиму, просиживая над своей тетрадью, либо заносят туда хронику дня, либо говорят с дневником, как с живым собеседником, делятся с ним самыми сокровенными мыслями и мечтами. Люди надоели друг другу за долгую нескончаемую полярную зиму. Новых людей нет. Письма не приходят. Не всегда говорит радио: мешают атмосферные разряды. Море сковано льдом, и не скоро придут пароходы. Два-три дома, собаки и черные скалы с нависшими шапками снега. Зимой трещит, лопается лед, и шумно на севере, как на фронте во время артиллерийской подготовки.

Энтузиасты советского Севера ищут в этом необжитом, неосвоенном, диком крае богатства, которые должны служить нашей растущей республике. Люди ищут здесь уголь, платину, золото, свинец, строят на вечной мерзлоте

заводы, организуют жизнь там, откуда на зиму уходит зверь, улетает птица, перекочевывает в глубь тундры ненец со своими стадами оленей.

Передо мною человеческий документ—безграмотные, но потрясающие записки полярного зверопромышленника Михаила Антонова.

Михаил Антонов зимовал в Гольчихе. Могучие воды Енисея проносили мимо станка ежегодно завалы плавника. Если бы нашлось на диком севере столько людей, чтобы перехватить его, можно было бы выстроить из этого поваленного льдами, бурей и водой леса неохватный новый город.

Антонов зимовал один. За тысячи километров от его избы была другая, в которой сейчас жили жена и дети Антонова. Почти полгода не имел зимовщик никаких сведений о близких ему людях, не знал, что творится на земле. Весь станок состоял из нескольких домов, и зимовщики давно надоели друг другу.

Антонов тосковал по дому, а на острове Диксон, до которого двадцать дней пробежать на собаках, его должно было ожидать радио от жены и еще хотелось узнать зимовщику про московские новости. Полгода Антонов не имел вестей о том, что делается на большой советской земле. Пурга все замела глубоким снегом. Еле откопался из своей избы Антонов, запряг семерых собак и в декабрьское утро поехал один из Гольчихи на Диксон, где стояла радиостанция.

Первый заезд сделал Антонов в станок Ошмарино: нужно было накормить собак и самому подзаправиться.

— Здорово, приятель!—приветствовал Антонова ошмаринский зимовщик Харченко.—Распрягай собак да валяй ко мне в избу.

— Дай сперва покормлю своих коней, а потом и в избу пойду.

Собаки радостно визжали, чувствуя отдых и близость кормежки, виляли пушистыми хвостами.

Удивительные на севере собаки. Ростом они не меньше волка, с такими же короткими и толстыми шеями, длинной,

жесткой, густой и теплой шерстью. Редкая из них не сродни полярному волку. Они воспитывались вместе с волками, которых брали в плен капканы еще малыми смешными волчатами. Звереныши привыкали к человеку, подпускали его к себе, брали харч из рук и на ласки человека отвечали по собачьему, помахивая хвостами.

— А я уже и чаю приготовил, побалуемся горяченьким,—угощал Харченко.

Зимовщики сели за стол.

Осушив шестую кружку, Антонов поднялся.

— Ехать пора, прощай!

— Антонов, возьми меня на Диксон. Надоело здесь сидеть!

— Мне одному только-только доехать, а вдвоем невмоготу будет,—сказал Антонов и стал натягивать малицу.—И здоровьем ты плох. Куда тебе.

— Возьми меня, Антонов, опостылело мне здесь, не мило все и не знаю я, что там с моими: живы ли?

— Съезжу сам, узнаю и тебе все объясню.

— Возьми!—настаивал Харченко,—Я тебе помогу в дороге, да и ехать вдвоем веселей.

— У меня всего семь собак и припасы для них и для себя ровно на двадцать дней. Только-только взад вперед хватит. Да и нартам тяжело.

— Одна собака у меня есть своя. Другую мне дадут. Девяти собак вполне хватит.

— Вот привязался, язви его!—Ну уж ладно, что ли, поедем вместе на Диксон,—согласился после раздумья Антонов.—Не отвяжешься от тебя никак!

Дорога от Ошмарина до сопки была тяжелая, нарты прыгали по снежным застругам, и люди несколько раз вывалились в сугроб.

Пурга поднялась незадолго перед тем, как показалась сопка.. Из-за погоды пришлось дневать в сопках.

Как только разъяснилось, собаки побежали снова на север. Дорога шла безлюдная. Жителей по станкам никого не было: все разъехались—кто в Туруханск, кто в Енисейск, кто в Ценг-

ральную Сибирь. Одиноко стояли в полярной ночи летние рыбацкие избушки, полузанесенные снегом. Окна и двери были открыты, и, чтобы попасть в избушку, Антонов и Харченко до полдня раскапывали сугробы. Ехали по три часа в сутки, остальное время было темно.

— Взял я тебя с собой и сам не рад. Барства в тебе много, спать можешь только в избушке, вот и раскапывай их тут. Темная пора наступает—ведь середина декабря, а мы до Варзугиной бухты не доехали,—упрекал Антонов своего товарища.

Дни становились все короче и короче, и скоро на три месяца скрылось солнце—наступила полярная ночь—темная пора, как говорили зимовщики. Когда не мела пурга и была ясная видимость,—затмевая яркие звезды, северное сияние вспыхивало то столбами, то яркой длинной цветной лентой, то повисало дорогим драпри.

Прибежали собаки Антонова и Харченко в Варзугину бухту.

— А у меня несчастье случилось,—рассказывал приехавшим встретивший их Петухов.—Зимовал здесь вместе со мной матрос Захарченко с парохода «Север». Пароход этот затонул, наскочив на банку, некуда было матросу деваться,—попросился ко мне на зимовку промышлять зверя и подледную рыбу. Взял мою японскую винтовку, ушел, закружал в пурге и не вернулся. Погибла моя винтовка, остался я без промысла и без харча. У меня продуктов—только меду немного да сахару самая малость. Я уж с вами записочку на Диксон пошлю, может быть, помогут мне зимовщики в беде.

— Пиши, да поскорей, мы прополоснем горяченьким чайком остывшие кишки и поедем дальше,—сказал Антонов.

— В аккурат, как из пушки, сейчас будет готово,—и Петухов огрызком карандаша стал писать пространную записку на Диксон о том, что ему нужно из продуктов до окончания зимовки.

Но зря торопился Антонов из Варгузиной бухты. Пока Петухов писал записку, поднялась пурга.

— Переждите у меня погоду, закружаете в пути,— предложил Петухов.

Два дня прожили зимовщики у Петухова из-за погоды и плохо пришлось бы им, если бы по пути к павловской избе промышленник Фролов не снабдил их на три дня провиантом.

Дневали в павловской избе на мысе Исаченко, куда гнали собак с небольшими привалами целых три дня по глубокому и податливому снегу.

— Антонов, я подморозил себе на ногах пальцы,—жаловался Харченко.—Болят здорово. Переночуем в избе.

— Связался я с тобой себе на горе. Рассчитывал проездить на Диксон и обратно пятнадцать-двадцать дней, не больше, а вышло так, что до мыса Исаченко восемнадцать дней ушло. А ведь тут ездовых часов только тридцать шесть. Собаки не больше того бежали,—я замечал по часам. Все остальное время мы с тобой только избушки раскапывали, да сидели из-за погоды.

Переночевали в избе, и, как только стало проясниваться, заскрипели снова нарты по смерзшемуся снегу.

Вожак хорошо вел упряжку, и собаки тянули дружно. Не проехали и пяти километров, как вдруг Харченко схватил спутника за рукав.

— Куда же ты берегом едешь? Езжай прямо, берегом дольше проедем, а у меня ноги плошают, я их на мысе Дрожникова подморозил, должно быть.

— Берегом ехать—не закружаем, а ты слезай с нарт, пробегись малость, ноги и отойдут!—предложил Антонов.

— Не собака я, чтобы бегать,—обиделся зимовщик.—Знаю я, где Диксон, и ты не беспокойся, мимо не проедем, сворачивай!

— Да не узнаешь в темноте, где он, остров Диксон! Ты ведь и зрением плох и память на места у тебя плохая.

— Понимаешь ли ты, что Диксон проехать нельзя! Я знаю, что говорю.

И снова голодные собаки потянули нарты.

— Где же мы сейчас едем?—спросил Антонов через несколько часов.

Харченко осмотрелся кругом.

— Правильно едем,—сказал он.—Скоро и Диксон будет.

— Какой же Диксон, когда мы на Медвежьи острова выгребли! Ведь мы шесть целых часов по бухтам и островам скачем на измученных собаках. Нельзя нам так ездить, мы собак загубим и сами здесь пропадем.

— Заболел я, товарищ, не доехать мне до рации, пропадать мне в этом гиблом краю,—признался Харченко и вдруг заплакал.—Остановимся, переночуем здесь. Утром поищем правильную дорогу. Ломит меня всего и ноги болят, слабость всего одолевает. Сейчас бы подкрепиться чем.

Но ничего уже не оставалось у зимовщиков из продовольствия.

Люди и собаки голодали вторые сутки.

Выкопал Антонов в снегу под горою яму, постлал кочму и укрыл Харченко, а брезент положил сверху для тепла.

— Смотри, Харченко, не спи, сну не поддавайся! Совсем ноги отморозишь, калекой станешь.

Лежал Харченко на кочме под брезентом, а товарищ его Антонов ходил кругом, разогревал свои прозябшие ноги.

«Не должны мы быть далеко от Диксона»,—соображал Антонов.

Несла, свистела пурга, снег глаза слипал, ходил зимовщик, все думал, может быть, прояснеет вдруг и в прорывах пурги покажется диксоновский огонек или мачта рации. Но ничего не увидел Антонов.

Три дня валил снег. Несколько раз уже откапывал своего товарища Антонов из-под сугробов.

— Спишь ты все, Харченко, загубишь ты ноги свои,— твердил Антонов.

— То в жар бросает, то холодно становится вдруг... Укрой меня потеплей!

«Надеялись двадцать пять километров до Диксона за четыре часа проехать, а вышло так, что вот уже четверо суток

теперь все голодаем», —думал Антонов, протаптывая в снегу тропинку.

— Харченко, а Харченко! Вспомнил я, у меня отруби есть. Может, покушаем их, чтобы силы не терять.

Не брал Харченко сначала отрубей, но потом немного поел.

К концу четвертых суток стала пурга стихать. Откопал Антонов товарища, посадил его на нарты, закутал брезентом и кочмой, собак запряг и поехал к горе, черный силуэт которой стал ясно виден. Но только проехали метров двести-триста, как вдруг пурга понесла с новой силой. Бежал Антонов с собаками рядом, помогал им тянуть нарту. За горой выкопал под камнем яму для Харченко, уложил его прикрыв потеплее.

Двое суток лежал Харченко. Питались зимовщики только отрубями.

— Встань, Харченко, пройдись немного, разомнись. Погибнешь так!

Но Харченко лежал под брезентом, молчал, не отвечал Антонову и только тихо стонал.

— Послезавтра новый год наступает, а мы все еще на Диксон не выехали,—рассчитывал Антонов,—и выедем ли теперь? Нам бы берегом ехать, милое дело, давно бы на рации были, грелись у печек да и чаи распивали с зимовщиками... Вот что, Харченко,—продолжал он вдруг.— Ты решай вопрос: ждать ли нам, пока перестанет пурга, или итти мне одному искать остров Диксон, а может быть, лучше вернуться в избушку, взять провиант—спасти самих себя и собак.

— Не могу я тебе сейчас ответ дать сразу. Дай срок, подумаю и скажу,—слабым голосом отвечал Харченко.

Целый день думал зимовщик и наконец согласился с тем, что глупо сидеть и пропадать от голода, когда один может найти спасение на Диксоне или в избушке. Харченко сознался перед товарищем, что не может сам теперь сидеть на нартах непривязанный.

— На мне все сгнило. Из ямы по своей надобности я не выходил и весь мокрый лежу.

Открыл Антонов брезент, снял с Харченко бакари, а свои запасные сухие тяжи надел на него. Наладил собак и решил, несмотря на пургу, ехать.

Собаки так отощали, что не могли везти нарт, а сам Антонов еле держался на ногах. Собаки голодали девятые сутки, а люди—восьмые.

— Надеешься ли ты найти избушку?—спросил Харченко товарища.

— Определенно найду, мне пурга не мешает. Обещаю через три дня быть здесь с провиантом. Тебе оставляю ведро отрубей, а ты следи за собою хорошенько, поддерживай силы отрубями. Через три дня вернусь.

Кое-как плелись собаки в первый день и помогали Антонову тянуть нарты, но, не доходя до привала, одна из собак, самая молодая, вдруг упала и не встала больше. Положил ее Антонов на санки и пошел вперед с остальными.

Свалилась собака с санок. Тронул ее зимовщик ногою,— не шелохнется она.

— Хорошая была ты собака, и не думал я, что откажешься мне служить в тяжелый час,—сказал Антонов и начал рубить топором на части ее чуть теплое тело.

Собаки жадно бросились к Антонову. Только одна из них не тронула мяса и сидела в стороне, слегка подвывая.

К утру стало стихать, но морозило сильно. Антонов решил итти дальше на запад, затем свернуть на юг, где с восточной стороны должен был, по его расчетам, открыться материк.

Едва-едва шли собаки.

Пройдет Антонов немного, съест горсть снега и дальше тянет нарты. Заструги измучили совсем зимовщика. Вдруг видит он: из-под снега с наветренной стороны торчат черные камни.

— Земля! Материк!—решил зимовщик.

И только подумал это, как впереди замаячил огонек. На

Новая стройка на острове Диксон. Теперь на острове три жилых дома.

Лето на Диксоне (+4°).

горке столб стоял, и на нем было что-то написано. Взобрался Антонов на горку, разобрал надпись:

«Путь Вернс—Диксон»!

Не понял ничего Антонов, отошел от столба.

«Не знаю теперь, где я нахожусь: на матером ли береге или на острове и скоро ли будет диксоновская избушка?»

Мысль оборвалась, как струна, неожиданно и резко. Антонов повалился на снег. Зимовщика сломила усталость.

Никто не знает о том, долго ли пролежал Антонов на снегу, только встал он и пошел ближе к горе, оставив собак одних.

Из-под снега виднелись штабели дров.

— Люди близко!—обрадовался Антонов и вдруг увидел во льдах корабль.

На вантах его висели куски льда, мачта обледенела, ее наполовину занесло снегом.

«Не «Вайгач» ли это?—подумал Антонов.—В 1918 году здесь где-то «Вайгач» вылез на банку и погиб, не скрывшись под воду. Но на нем не может быть огня, а здесь ясно виден свет».

Кто-то окликнул зимовщика на чужом языке.

Собрались люди вокруг Антонова, слушают и не понимают. Видит Антонов—не сговориться им. «К норвежанам в гости попал»,—понял зимовщик и решил вернуться к собакам, выручить их скорее и накормить. А собаки учуяли дым, стали рваться вместе с санками. Если б их Антонов не привязал к камню, они давно были бы у судна.

Антонов вмиг докатил до норвежской шхуны, умные собаки будто знали, что их скоро накормят, и бежали из последних сил.

— Диксон! Диксон!—несколько раз сказал норвежцам Антонов, показывая на собак и причмокивая губами, будто во время езды. Зимовщик хотел объяснить норвежцам, что ему нужен Диксон.

Норвежцы поняли. Один из них принес будильник и показал, что до Диксона туда и обратно два часа езды.

Сел Антонов за стол и долго слюнявил карандаш. В конце своего длинного письма зимовщик написал:

«Убедительно прошу возможно скорее приехать, дабы успеть спасти жизнь человека, а я к завтрашнему дню оправлюсь и смогу вполне следовать с вами. Вы поторопитесь! С истинным приветом и почтением. Михаил Антонов».

Попросил знаками зимовщиков доставить это письмо на Диксон. Норвежцы поняли и просьбу выполнили.

Это была норвежская шхуна «Хеймен», которая искала погибших Кнудсена и Тессема, спутников Амундсена в его плавании на «Мод» в 1918 году. «Хеймен» зимовала здесь.

Шел новый двадцать первый год. Было уже первое января, когда Антонов писал записку на шхуне. С Диксона скоро прислали ответ: «Завтра утром приедут зимовщики, возьмут Антонова и вместе отправятся на поиски Харченко».

Стал Антонов знаками показывать норвежцам, что уже десять суток голодал с товарищем и собаки его не ели одиннадцать дней.

Команда «Хеймена» помогла Антонову распрячь и привязать собак, задала им корму, а зимовщика напоила кофе.

За ночь подсушил и починил Антонов свои бакари и меховую одежду. Утром с Диксона приехали два зимовщика: Герасимов и фельдшер Ежкин—и вместе с Антоновым поехали за Харченко.

— Вот это место! Здесь я его оставил!—сказал Антонов, узнавая камни.

— Харченко! Харченко!—стал кричать Антонов.

Харченко не отзывался.

— Спит должно быть,—и Антонов снова принялся кричать, сколько было сил.

Отозвался зимовщик, его откопали, переодели: он весь был мокрый. Привязали Харченко к нартам, чтобы не свалился в пути. Собаки тронули, и через два часа уже показалась мачта радиостанции.

— У товарища твоего ноги ведь никуда не годятся,—со-

общил Антонову фельдшер Ежкин.—Обморожены. Резать придется.

Харченко бился в судорогах в соседней комнате.

В столовой, где за большим столом гремели ложками и вилками, шел оживленный разговор. Все говорили о том, что сейчас на большой земле новый год.

Ярко светила керосино-калильная лампа: она заменяла зимовщикам солнце, которое было похищено на долгое время полярной ночью.

Полки, набитые зачитанными книгами, несколько гитар, развешанных по выбеленным стенам, и длинный стол, за которым велись долгие беседы полярной ночью,—вот и всё, что было в общей комнате рации.

Свежие овощи давно уже кончились на рации, и хитрый кок ломал ежедневно голову на тем, что́ бы сделать нового из того запаса консервов, которым располагала эта старейшая станция Севера.

Каждый день ходили зимовщики на материк проверять пасти: не попал ли песец в ловушку, не показался ли белый медведь.

Собаки Диксона, огромные, звероподобные, лежали возле своих конур, свернувшись калачиком, спрятав морду от ветра и стужи в собственные шубы.

Антоновские собаки давно не видали такого изобилия харча. В первый же день им разрубили целую нерпу, но этого было мало проголодавшимся коням севера, и еще одну нерпу скормили им.

Не поборов цынги, через двадцать дней скончался Харченко.

И долго казалось Антонову, что он слышит придушенный плач зимовщика из-под брезента и подвывание голодных собак.

Диксоновцы решили везти Петухова в Варзугину бухту. Взяли с собой Антонова. Собаки его подкормились, окрепли и могли доставить зимовщика в Гольчиху.

Снова мела пурга, ветер. Собаки Диксона провожали громким лаем уезжавшие нарты.

В бухте был сплошной лед, затянутый снегом, а на горизонте чернели полыньи. Горели нарядные переливчатые огни северного сияния, полярное небо жгло свой фейерверк. Собаки Антонова весело и дружно тянули нарты за диксоновской упряжкой, споря с ветром, стужей и глубоким снегом.

Боцман «Зари» — Бегичев

Нечеловеческой силой и богатырским ростом обладал Бегичев — боцман шхуны «Заря», затертой во льдах моря Лаптевых. Это он вышел на вельботе в ледовое море разыскивать Толля и, не найдя начальника, вернулся затем, чтобы остаться в Хатангской тундре. Этот недюжинный человек дал разгадку гибели двух норвежцев — Кнудсена и Тессема, исходив пешком и изъездив на собаках сотни километров. Бегичева знали все ненцы, ходившие по тундре со своими оленями. Бегичев исходил всю тундру и по льдам добирался в поисках зверя до безвестных островов. На одном из таких островов, облюбованном боцманом «Зари», было много зверя, и здесь подолгу промышлял Бегичев. Он сделал зарисовку острова, нанеся его очертания на карту, и остров впоследствии назвали островом Бегичева.

Не было на севере человека, кто бы знал Таймыр так, как боцман погибшей шхуны. Он был знатоком тундры между нижним Енисеем и бассейном реки Хатанги.

Ненцы любили Бегичева, он не обирал людей тундры и дружил с ними.

В 1914 году «Таймыр» и «Вайгач» зимовали в заливе Толля.

Льды сжимали корабли и, понатешившись над ними, как кошка с мышью, выпускали их помятыми и обессиленными.

Восемьдесят семь из ста двадцати шпангоутов — ребер «Таймыра» — были смяты льдами по левому борту корабля. «Таймыр» и «Вайгач», открывшие Северную Землю, попали в непроходимые льды. Невзломанные поля надвигались к

бортам этих кораблей, тщетно искавших разводья. У края полей, где стояли корабли, неслись обломки льда, и корабли, словно бумажные лодочки, вертелись в этом бешеном водовороте.

Ни одной водонепроницаемой переборки не уцелело на «Таймыре». Экипажу его было выдано теплое белье, и людей заранее разделили на партии на случай высадки на большое поле, сжимавшее корабль.

Боцману Бегичеву было поручено доставить к реке Таймуре оленей до первого сентября и сделать ряд складов продовольствия по побережью безлюдного Таймыра.

Из Гольчихи вышел Бегичев выручать корабли, которые совершали исторический северо-восточный проход.

В июле боцман Бегичев встретился с кораблями экспедиции Вилькицкого. Бегичеву сдали половину экипажа экспедиционных судов, и он доставил людей в Гольчиху.

Он вернулся еще раз сюда, чтобы проведать героические корабли.

На мысе Вильда его дожидалась записка:

«Мы идем сами. Ваша помощь не нужна. Возвращайтесь обратно».

И Бегичев снова ушел в свою тундру промышлять зверя по неисхоженным местам. Он рассказывал о громадной, никому неизвестной реке Таймыра—Лидии, которую открыл и через которую не раз пробирался, странствуя по тундре.

Чухновский позднее говорил, что видел эту реку с самолета, когда летел на северо-восток от острова Диксон.

Бегичев умер в Пясине. Там—одинокая могила ветерана Севера, боцмана «Зари» Бегичева.

Бегичева больше нет. О богатыре боцмане по Северу уже ходят легенды.

Одометр Амундсена

«Мод»—корабль Амундсена—зимовал на крайнем севере Таймыра. Это была тяжелая зимовка. Люди страдали от холода и одиночества, спасаясь от цынги усиленной работой.

Амундсен собирался итти на «Мод» в многолетний дрейф, и ему было жалко таскать ценные научные материалы, результаты кропотливой работы в тяжелых условиях Арктики. Материал мог устареть, мог наконец погибнуть вместе с судном и людьми. И вот старый полярник решил выбрать двух надежных людей из экипажа своего корабля и послать их вместе с материалами и письмами на материк. Амундсен избрал Тессема. Отважный норвежец принял предложение. Ему в спутники пошел Кнудсен. Амундсен решил послать их на Диксон, где в то время стояла еще молодая рация. Девятьсот километров пешком по дороге, которую Амундсен считал надежной: по этой дороге были расположены три склада продовольствия. Их заготовили в 1915 году для русских экспедиций Отто Свердруп, сподвижник Фритиофа Нансена, и боцман «Зари»—знаток Севера Бегичев. Экспедиции эти закончили свою работу, и Амундсен считал себя вправе воспользоваться в тяжелый момент продовольственными припасами, предназначавшимися этим экспедициям.

«У острова Фрам мы остановились у кромки льда,— записал Амундсен в своем дневнике,—чтобы забрать убитых медведей. Тессем и Кнудсен пришли на судно позавтракать с нами в последний раз. В девять часов тронулись дальше. Наши товарищи стояли на кромке льда, и мы, помахивая шапками, прощались с ними. Стояла прелестная погода, дул небольшой юго-восточный ветер».

На следующий год Амундсен закончил свое плавание, он совершил знаменитый северо-восточный проход всем побережьем Северного Ледовитого океана. В Номе (на Аляске) Амундсен, получив почту, узнал о том, что на родине его ничего неизвестно о Кнудсене и Тессеме.

Проходили месяцы, годы. Кнудсен и Тессем не появлялись. Норвежское правительство снарядило «Хеймен» на розыски. Ледяной лоцман Оле Гансен повел судно 12 августа 1920 года из Тромсе на мыс Вильда в Карское море. Через двенадцать дней «Хеймен» была уже на Диксоне и продол-

жала поход на мыс Вильда, но встретив тяжелый лед, повернула назад.

Долго бродила норвежская шхуна по северу Сибири Заходила и в устье Енисея Гольчиху, но там никаких сведений относительно Кнудсена и Тессема не было. «Хеймен» возвратилась на Диксон. 11 сентября, дав прощальный салют зимовщикам радиостанции, норвежцы ушли в родную страну, лежавшую за ледовым морем. Моторный двигатель судна «Хеймен» изменил норвежцам, и они повернули обратно. В трех милях южнее радиостанции они, выбрав удобную для стоянки бухту, зазимовали.

Через год, 25 июля, они перешли из этой бухты, которую и поныне зовут «бухтой Хеймен», к Диксону и вскоре вернулись в Норвегию без Тессема и Кнудсена.

Боцман «Зари» Бегичев, объезжая свои пастники, неожиданно обнаружил близ Пясины письмо таинственно исчезнувших норвежцев.

16 ноября 1919 года мужественные норвежцы пришли к устью Пясины, где по их расчетам должен был находиться склад, устроенный когда-то Бегичевым для экспедиции Вилькицкого. Белые медведи разграбили склад. Только на двадцать дней хватило бы голодного пайка, оставшегося после хозяйничанья медведей.

«15 ноября мы уходим, держа курс на Диксон»,—сообщали в записке нервежцы.

До самой полярной ночи продолжались поиски пропавших людей.

На мысе Приметном нашли пепелище костра и обгоревшие кости человека. Но никто не знал, кто погиб здесь на этом безлюдном берегу, Тессем или Кнудсен, кто и почему сжигал здесь труп своего товарища. Возле костра были разбросаны никем не тронутые вещи, некогда служившие одному из моряков.

Бегичев вызвался отыскать последнего норвежца. Он снарядил экспедицию на собаках к тому месту, где были найдены обгоревшие кости норвежского моряка, и пошел вдоль

берега, как должны были итти Тессем и Кнудсен. Не прошел он и нескольких миль, как разыскал уже новый след костра. Здесь норвежец жег береговой плавник, грелся и варил консервы. Чем дальше шел на запад отважный боцман «Зари», тем реже стали попадаться остатки пепелищ костров. Одному норвежцу, голодному и обессиленному, трудно было собирать плавник на каменистом и скользком берегу.

Несколько сот миль прошел Бегичев по этому берегу, усеянному пеплом, словно в знак траура по людям с былинной отвагой.

Бегичев вышел из ложбины на горку, откуда показалась уже высокая мачта рации Диксон.

И здесь на каменной плите валялись инструменты второго норвежца, по ним он определял свое местонахождение.

Сюда к этому каменному обрыву прошел обессиленный норвежец, посланный Амундсеном из моря Лаптевых на «большую землю». Он нашел свою смерть на разбитых прибоем острых камнях у самого моря. Это был Тессем, его узнали по росту, который отличал погибшего героя. Это Тессем сжег умершего от изнеможения Кнудсена. Он не хотел, чтобы белые лисицы севера—пушистые и прожорливые песцы—грызли тело его верного спутника. Но некому было сжечь самого Тессема, и песцы отъели у него кисти рук и ступни.

Когда Тессем шел по ложбине, он не знал еще, что выходит уже к рации Диксон. Но вот, напрягая последние силы, норвежец взобрался на крутой утес, и вдруг перед ним открылась бухта, высокая мачта и огни рации Диксон. Тессем спасен! Еще две мили, и его обогреют эти славные русские зимовщики, которых хвалил Амундсен.

В темной полярной ночи маняще горели огни Диксона, до них оставались считанные минуты ходьбы. Вдруг норвежец споткнулся и покатился вниз по обледенелому круто-падающему массиву на острые камни, лежавшие у самого моря.

Он упал и не вставал более. Так и нашли его скелет, уткнувшийся лицом в черные камни.

В прорезиненном пакете хранились материалы и письма Амундсена.

На верхнем мостике шхуны «Белуха», бывшей «Хобби», лежал одометр, который отсчитывал расстояние, пройденное Тессемом. Этот одометр будто злой талисман перешел от погибшего норвежца на шхуну «Житков», которая затем разбилась о камни недалеко от места гибели Тессема в бухте Полынья.

«Зверобой» взял этот одометр, передал его «Белухе» и сам сел на камни в Пясинском заливе, разыскивая водную дорогу к неслыханным платиновым и угольным богатствам Норилья.

Почти девятьсот километров прошло это колесо по земле Таймыра. Северные полярные сияния играли бликами на никелевых спицах этого хитроумного и простого прибора. Пурга заносила его сугробами. Приходила весна, солнце растапливало снег и снова оголяло камни, где лежали скелет, сумка и колесо одометра.

Заржавленное колесо говорило о людях, которые несли весть про знаменитое плавание и нашли свою смерть на черных скалах, занесенных снегом.

Белушатники

Михаил Ильич Буторин—потомственный зверобой. Отец его промышлял тюленя, навагу, белуху в Белом море, а с двенадцати лет стал и Михаил помогать отцу. В лодку еще не мог заскакивать, лодки были высокие, а Михаил—росту маленького. Ходил Буторин в заднем нашесте поваренком и варил на артель. Много слыхал мальчонка про тресковый промысел и нравился он Михаилу по рассказам старых промышленников. В первый год женитьбы подобрал Буторин товарищей, построил карбас и сам пошел в море. Ребята в артели были все земляки из села Долгошелья Мезенского уезда. Но не только на промысел пошел тогда Буторин, не только сети и харчи погрузил зверобой в карбас. Буторин

увез с собой политического ссыльного и высадил его у норвежских берегов. В 1905 году много ссыльных направлялось в Мезень, и в одном Долгошелье их было до сорока человек. От них Буторин и грамоте научился.

В Мезени жил в ссылке Ворошилов. Несколько месяцев пробыл в Долгошелье.

— Он у меня и на свадьбе гулял,—рассказывал Буторин.—Я его по зубной болезни в Мезень из Долгошелья возил. Степенный человек, любил собрания собирать, беседы проводил и на оленях ездил отлично. Меня недавно разыскали. Я еще дом показывал, в котором Ворошилов жил. Он-то меня, быть может, теперь и не признает, я стал пошире и зарос, как медведь, шерстью, да на голове волоса не осталось. Весь волос в бороду ушел.

Несколько лет промышлял Буторин после женитьбы, а потом организовал коллектив, семгу солил.

Капитан «Белухи» Бурке направил Буторина в 1929 году с коллективом на Диксон.

Старый норвежский промышленник Свенсон, которому Комсеверпуть платил валютой за его опыт, передал коллективу Буторина свои познания по лову белухи. Буторинцы оказались хорошими учениками.

В январе 1930 года Буторин снова получил от капитана Бурке предложение поехать в Сибирь, чтобы выстроить бот для Комсеверпути в Енисейске.

И вот Буторин в некогда шумном городе, где прежде роскошествовали сибирские золотопромышленники, где в царское время деньги лились рекой и был простор безудержному разгулу,—Буторин в Енисейске.

Был у Буторина чертеж для постройки бота, да не пришелся он ему по нраву, и бот строили по своим чертежам, а больше на-глаз.

Обложили его (стали строить) первого апреля. Не шуточный получился бот, 22 июня он был на плаву. Его назвали ботом «Диксон».

Взял Буторин фансботы и шлюпки, прибуксировал к но-

вому боту, погрузил нефть и поплыл со своим караваном. Пороги енисейские прошел «Диксон», миновал камни и перекаты и пришел в Усть-Порт 14 июля. Отсюда Карским морем нужно было итти на остров Диксон промышлять белуху.

В газетах не писали заметок об этом необычайном походе, в журналах не помещали фотографий буторинского бота. Никто не знал о том, когда он ушел из Енисейска на Диксон сквозь льды Карского моря, не раз сжимавшие огромные корабли в своих смертельных объятиях.

18 июля с бота завидели радиостанцию Диксон. Вся бухта еще стояла по-зимнему. «Диксон» входил в тяжелый лед. Мелко битые льдины подавались в сторону, уступая флотилии дорогу, и мотор тарахтел двумя дюжинами лошадиных сил. В последний день пришлось пилить лед пилой. Метр за метром, караван подвигался ближе к Диксону. 20 июля бухта начала вскрываться, а 25-го уже поставили сети, установили наблюдательный пост за ходом белухи и построили шалаш. В расселину диких и черных скал водрузили красное знамя. Алое полотнище развевалось на постоянном холодном ветру Диксона.

Почти две с половиной тысячи километров прошел Буторин со своей необычайной флотилией от Енисейска до Диксона. Сюда по расчетам знатоков моря должна была заходить белуха.

В бухте Диксон сторожко жили зверобои, поглядывая на воды залива, высматривая—не зашла ли белуха, не выбивает ли она свои приметные высокие фонтаны.

В артели Буторина установилось такое правило: когда постовой с наблюдательного пункта давал тревогу, сообщал о том, что в бухту Диксон идет белуха, все, как один, кто в чем, хоть босиком, бежали к лодкам. Каждая минута была дорога: белуха могла уйти, не обогатив промысла своими ценными шкурами, которые шли на приводные ремни для фабрик и заводов, и салом, в котором остро нуждалась наша мыловаренная промышленность.

— Она, белуха, всего боится,—говорил Буторин.—Ее уме-

ючи и катерком можно загонять. Некоторые белухи прорывают сеть, но им не уйти из западни. Они ходят по большой тоне, и приходится их по второму разу вылавливать. Крупную тоню тянут человек шесть, а на двух лодках люди подгоняют, чтобы она к берегу шла, в сеть не путалась.

— Если позади дыхла четверти на полторы ударишь, в момент зверя убьешь,—рассказывал Буторин.—Кроме этого места ее нигде сразу не прикончить, когда влепишь в нее гарпун второпях не туда, куда следует, она начинает тебя таскать с лодкой по свободному месту, буксирует по заливу. Бывает так, что зверь входит в сеть вместе с детенышем. Он у ней на спине лежит, присосанный будто. Одну мы белуху достали, она в родах была. Выкинули ее на берег, а у нее в проходе дитя не меньше восьмидесяти кило было. Вытянем мы белуху на берег, обдерем ее, строжим жир, от кожи его отделим и в бочки, а шкуры солим. У нас недавно шторм пришел с северо-запада, сорвало белушью сеть вместе с закрытой белухой и понесло в море. Вызываю бот, он стоял неподалеку, и пошли мы на нем сеть искать. Вышли на остров Морянку и видим: наш фансбот с сетью у острова Вернс волной бьет. Насилу сеть выручили.

Морской зверь белуха—тупомордый и огромный, с хвостом, напоминающим рыбий, шел большими стадами с северо-востока на Диксон. Старые звери-вожаки не раз хаживали в бухту и знали отлично путь в Диксон. В бухте было много мелкой рыбы и планктона,—вот что привлекало зверя и заставляло его уклоняться от своего курса на юг Карского моря. За вожаком стадо шло послушно, выставляя попеременно белые спины из воды, выбивая фонтаны и шумно дыша, словно мехи в кузнице. Несколько звериных семейств,—отцы, матери с детьми—перекочевывали из северной части Карского моря в южную, где сейчас еще не было смерзания, реже выпадал снег и держалась мелкая рыба. Белушьи дети—обрамки—синекожие звереныши послушно плыли рядом со своими родителями, а самые маленькие лежали на спинах своих матерей. Если обрамок сваливался на волну, отец

помогал ему взбираться на спину матери, где звереныш чувствовал себя как наездник в дорогом седле.

За островом Пирожком в бухте Диксон было самое тихое и любимое место зверя.

Белухи резвились здесь, и глупые обрамки иногда близко подходили к берегу. Белухе, подобно морскому кораблю, были страшны мели и каменистый берег. Выскочив на мель, зверь вскоре выбивался из сил и погибал, как судно, которое волна бьет о камни. Вот почему боялись взрослые звери отмели.

Зверобои изучили повадки белухи, ее любимые места по карским берегам.

Первым заговорил о белухе в Карском море летчик Чухновский. Высоко с полярного неба следил за ходом белухи первый летчик Карского моря. Умный зверь не знал, что человек объявил поход за белушьим салом и кожей.

В бухте Диксон за островом Пирожком лежит еще один остров, которому гока никто не давал названия. Груда огромных иссиня-черных камней раскидана по острову, и все дно вокруг усеяно камнями.

На этом каменном острове маячил красный флаг. Здесь в палатке военного образца жил коллектив промышленников с Михаилом Ильичем Буториным во главе.

На камнях острова сушилась крепко просоленная шкура белого медведя. Возле нее лежал медвежий череп, оскалив острые зубы. Зеленоватая пятнистая нерпа валялась тут же, выставив окровавленную морду. Рядами устилали берег раушки—туши белух, которых накрыл Буторин еще на прошлой неделе. Сало этих белух было сложено в бочки, а просоленная шкура сушилась на берегу.

— Белуха, белуха идет!—закричал постовой промышленник.

Буторин выбежал по тревоге из палатки, вскинул бинокль, осмотрел горизонт. Впереди, милях в двух, морские звери выбивали фонтаны.

В бухту Диксон шло стадо белух.

— С полсотни будет! Ребята, не зевай!

Каждый промышленник знал свое место, знал, что ему нужно делать.

Несколько лодок бесшумно зашли в тыл пугливому белушьему стаду. Чтобы не скрипели уключины, их обмотали тряпками.

Диким голосом, будто впереди была смертельная опасность, с лодок сразу закричали люди, загоняя белуху в нарочно открытые ворота большой сети. И как только весь зверь попадал в западню, его продолжали гнать в следующую сеть, диаметр которой был меньше.

Испуганные звери, тяжело и часто дыша, пенили бухту всплесками. Бухта наполнялась шумом от могучих вздохов белухи. Но, видя, что его не трогают, зверь быстро успокоился, перестал тяжело дышать и мирно поплыл по небольшому кругу, очерченному сетью.

— Закрывай ворота!—скомандовал Буторин, и зверобои заторопились вылавливать вытяжные сети.

Снова не своим голосом закричали люди, и снова заметался испуганный зверь, ища выхода в просторы моря. Вот белая спина показалась у края сети, где плавали буйки, вот перекинулась одна белуха через сеть и ушла в большую тоню. Но остальные звери, преследуемые человеческими криками, со страха мелились, выскакивали на берег или запутывались в сети.

Несколько ударов копьем-гарпуном, и иззелена-синие студеные воды полярной бухты темнели, словно окрашенные заходящим солнцем. Смертельно раненый зверь шлепал хвостом из последних сил, вздыбливал и пенил воду. К вечеру все стадо белух было вытащено на берег.

Гигантские ободранные туши морских зверей лежали на прибрежных камнях. Промышленники большими ножами-клеиками нарезали белушье сало и укладывали его в бочки. Тары на острове почти не было, и в дело шли пустые бочки из-под авиагорючего, принадлежавшего лётной экспедиции Чухновского.

Вешний промысел

За день до отхода «Белухи» с Диксона зверопромышленник Буторин приехал на стрельной лодке к борту судна и передал мне свой дневник. Чернильным карандашом нажимистым почерком промышленник отмечал в клеенчатой тетради важнейшие события своего дня, когда ходил промышлять черного зверя—тюленя.

Вот что писал в своей тетради Михаил Ильич Буторин:

«17 АПРЕЛЯ 1928 ГОДА. Выехали из Долгошелья на оленях и лошадях. Прибыли к маяку Абрамов, склались в лодки и подали телеграмму на самолет Крюкову с просьбой осмотреть губу[1] Абрамову, а тут от Абрамова передают по телефону, что в восьми милях залежка зверя.

Самолет нам это подтверждает. Погода ясная, хорошая. Видим дым парохода. Спустились всей бурсой с тороса. Часть лодок уехала в море, а шесть обсохли на мели. Только на прибылой воде вытянулись на торосы.

21 АПРЕЛЯ. Спустились в море на ёлах[2]. Лед плохой, торосистый. Доехали до несяка Абрамовского. В полуночник началось сжатие льда. Вторым роспуском ехали сто сошек. Лед попадается тяжелый. Пошли снежные бураки и окреп ветер. Побережники вернулись, сообщают, что кожи[3] нет, лед плохой, роспуска ему нет. Видим пароход дымит и стрельбу слышим сильную. Зверя бьют.

27 АПРЕЛЯ. Ветер-побережник, солнышко. Хозники[4] вернулись, зверя не видали. Лед мелко-битый. В большой бурсе промысел на двадцать четыре лодки—девятьсот шестьдесят зверей. Из-под севера хозники не пришли. Видим ледокол «Сибиряков» в зажиме, пошли и там ночевали.

[1] Губа — залив. (Прим. авт.)

[2] Елы — морские лодки норвежского типа, приспособленные для плавания в большую волну. (Прим. авт.)

[3] Кожа — гренландский тюлень или лысун (Phoca groenlandica), приходит в наши воды от берегов Гренландии. (Прим. авт.)

[4] Разведчики зверя (кожи) по льду. (Прим. авт.).

29 АПРЕЛЯ. Утром дождь, туман. Днем ясно. Роспуска нет. В три часа видели самолет: он кружил над кожей.

2 МАЯ. Ветер слабый, север. Лед-торосник роспуск делает. Кругом несяки[1] сидят.

4 МАЯ. Утром туман с осадкой. Ветер, запад. Ехали шесть километров под север. Вечером отдыхали, команда ищет вшей. Нам грозит опасность от Сибирякова несяка. Видим маяк на Моржовце. В три часа ночи занесло на Сибиряков несяк. За три часа до прибылой воды заезжали в ледяной двор, стояли до полной воды.

5 МАЯ. Роспуска льда нет. Видим мотор, идущий курсом на нас. Это «Новая Земля» Госторга. Капитан ее пригласил нас к себе на мотор с лодками.

8 МАЯ. В шесть часов высадились на льдину. Погода мокрая. Туман. Хлеба остается сорок пять ковриг. На моторе взяли муки. Зверя нет. Дождь всю ночь.

13 МАЯ. Ясно видим пароход. Вызывали о принятии на борт. Не привернул. Едем в обедник три километра, видим мотор, стали его вызывать—подошел. Оказался норвежский бот «Тромсе-Волонд». Капитан согласился принять на борт. Сложились с лодками на мотор. Идем курсом на остров Моржовец. Высадились на льдину, не доходя Моржовца.

15 МАЯ. Встретились с большой бурсой. Ветер, север. Ясно. В восемь часов вечера приехали в Долгошелье. Река вышла.

И через год в той же тетрадке помечал Буторин:

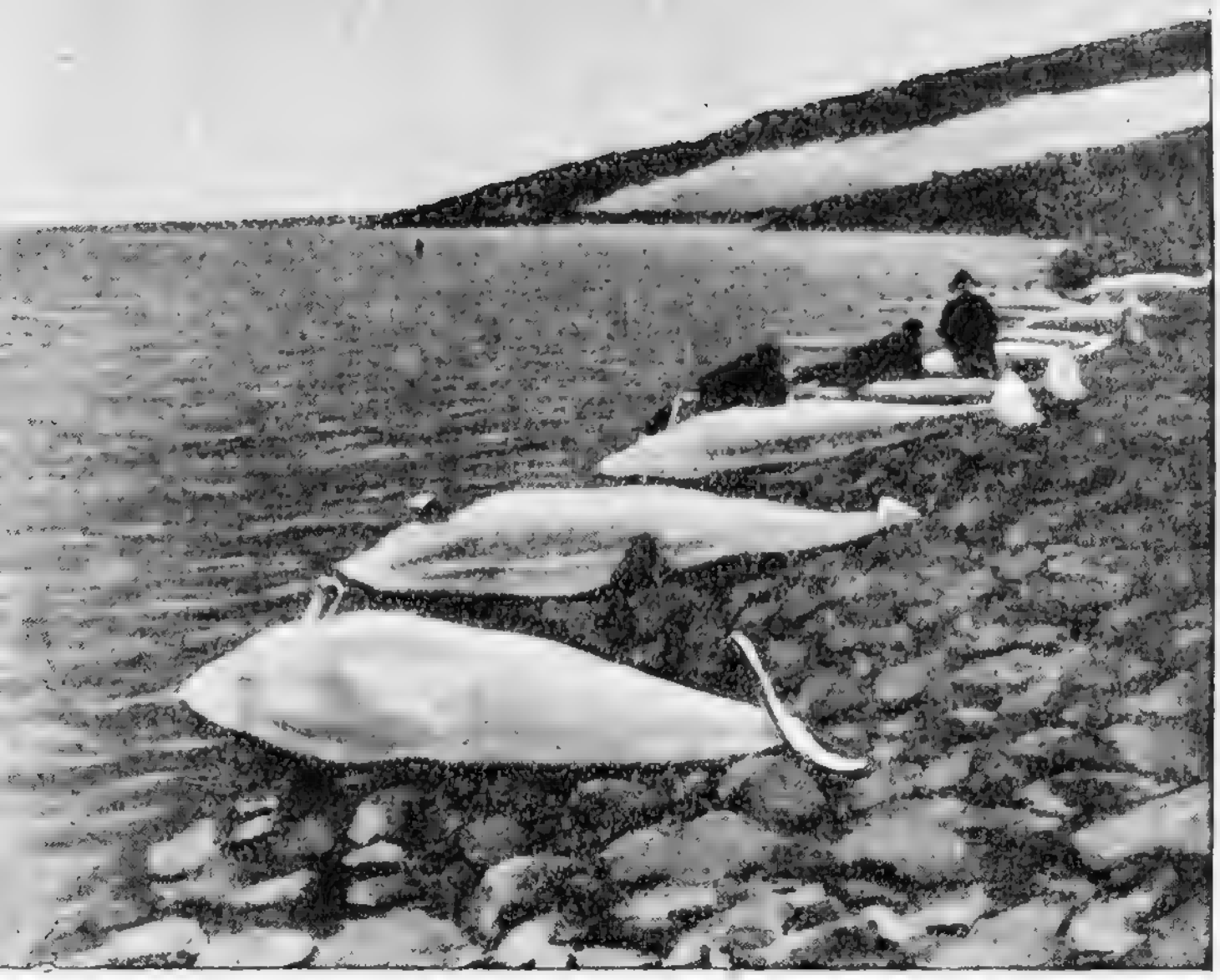
1929 ГОДА 14 МАЯ. Утром ехали на баграх. Собрались стрелять зверя, но навалил туман. Вернулись обратно в лодки. Стали варить обед. Туман прошел. Зверь очень будкий, заслышав стрельбу, весь ушел в воду. Застрелили восемьдесят три зверя, остались ночью на льдине, спали в звериных шкурах.

---

[1] Несяки — стамухи, льдины на мели. (Прим. авт.)

Чум промышленников-белушатников и палатка норвежца Свенсона на острове Диксон.

Зимовщик острова Диксон с сибирскими лайками возле убитой нерпы.



Все стадо белух, заколотых гарпунами, было вытащено на берег.

Добыча Буторина—полуторатонная белуха.

14 МАЯ. Утром кожа опять налилась очень густая, большая. Начали стрелять. Четыреста сорок зверей уложили. Остальная кожа вся слилась—зверь ушел в воду. Команда пошла собирать зверя».

. . . . . .

С далекого севера, из Гренландии каждую весну стадами приходит в Белое море морской зверь—лысун. Он резвится в полыньях между льдами, и никто в море не может с ним сравниться в ловкости и подвижности. Чтобы подышать и отдохнуть, зверь неуклюже вылезает на льдину, поддерживая свое скользкое тело ластами. Недалеко от края льдины он ложится и отдыхает часами; так делает не один зверь, а целое стадо, и место, где отдыхают звери, называется лежбищем или залежкой.

Каждую весну в горло Белого моря приходят зверобойные суда и набивают звериными тушами свои глубокие трюмы. Чем больше человек истреблял тюленей, тем они становились осторожней. Трудно стало разыскивать их лежбища.

На борьбу со зверем выступил аэроплан. Стук его мотора не привлекает к себе внимания тюленей. Эта искусственная птица смертоносна для них. На этой птице всемогущее радио, и когда в далековидящие бинокли самолет с неба замечает лежбища зверя, он сообщает о них зверобойным судам. Редкий тюлень уходит тогда со льдины в море.

Вся залежка через час после открытия ее самолетом превращается в кровавое ледяное поле.

Весной, когда лед уходил от горла Белого моря в океан к северу, новенькому «юнкерсу», поставленному на лыжи, было дано задание, открыть последние залежки зверя и сообщить о них на суда.

Утро на острове Моржовце было ясное; светило, но не грело, солнце. Юнкерс был готов к старту и будто живой рвался в небо. К летчикам подошел местный радист.

— Не прихватите ли меня с собой?

— Садись, не жалко!

Радист поднялся в воздух на самолете.

Первый раз в жизни радиостанция на острове Моржовце представилась ему величиной со спичечный коробок.

«Юнкерс» взял направление к мысу Канушино и покружил над морем. Нигде не было видно льда; его вместе со зверем унесло далеко в океан. Зверобойка кончена. Вдруг мотор, сделав несколько выхлопок, встал в воздухе. Под самолетом была чистая вода, только с правого борта виднелась небольшая льдина, блестевшая на солнце, словно перламутр.

Только на одну льдину можно было делать посадку,— самолет был на лыжах и не держался на плаву. Все небольшое поле пробежал самолет и остановился на самой кромке льда. Лыжи свесились над водой. Небольшой ледяной торос на маленьком поле спас людей и машину от гибели, задержал разбег «юнкерса».

Штурман Рыбников, сидевший в кабинке самолета, каждые пять минут делал записи о состоянии и видимости моря. Когда мотор заглох, Рыбников записал, что мотор во столько-то часов и минут остановился.

Радист посмотрел на всех и, обернувшись к Рыбникову, спросил:

— Что?

— Все кончено!—пробасил штурман и вылез из кабинки.

По одному люди вышли из самолета, и никто никому не сказал ни слова, пока не выяснилось, в чем дело.

В моторе вырвало пробку из цилиндра.

— Это пустяки!—сказал борт-механик Винников после осмотра мотора.—Пробку поставим новую, а часть бензина выльем, продукты выбросим для облегчения самолета и поднимемся в воздух.

Так и сделали. Бензина оставили только на двадцать минут полета. Впереди виден был Моржовец, от которого ветром относило спасительницу-льдину.

— А ну, давай оттащим самолет к тому краю и сделаем разбег, может, выгребем отсюда,—сказал пилот.

— В притирку оторвались от льдины, с самого краю,— крикнул в воздухе пилот своим товарищам.—Теперь целы!

Ралист в течение суток не мог ни пить, ни есть, ни говорить. Бедняга от испуга заболел медвежьей болезнью.

— Ну как, полетишь с нами еще разок?—спросил его пилот.

— Довольно и одного раза.

В середине мая, когда зверобойка была окончена, самолет снялся в Архангельск.

С развитием авиации охота на тюленей принимает колоссальные размеры. По веснам организуются целые зверобойные экспедиции ледокольного флота в Белом море, над которым устанавливается неусыпная слежка с самолетов.

Ледокольные пароходы, главным среди которых (флагманом) является ветеран Севера «Малыгин», снабжены всякими техническими приспособлениями для организованного тюленьего промысла.

На самой верхушке фокмачты укреплено воронье гнездо—наблюдательная бочка, откуда вахтенные, получив предупреждение с самолета, высматривают в морские бинокли залежки зверя.

На палубе корабля—площадка с аэропланом, мощная радиостанция и радиотелефон, по которому капитаны ледоколов уславливаются о совместных действиях в ледовитом Белом море.

Не только советские суда приходят весной в полярные воды, в горло Белого моря, за ценным морским зверем: много иностранцев рыщет между льдами, разыскивая залежки тюленей. У иностранцев нет ледокольного флота, они приходят к нам на Север на своих деревянных шхунах и нередко гибнут в ледовом сжатии или на банках-мелях—в туманы или штормы.

Советские ледоколы творящие живые легенды за полярным кругом,—«Седов», «Малыгин», «Сибиряков» и другие,—по веснам заняты будничной работой огромного хозяйственного значения.

Прощай, «Зверуха»!

Сто девяносто лет назад, в 1740 году, этим берегом Таймыра по припаю прошли участники Великой северной экспедиции. Они открыли на севере острова, носящие имена храбрых мореходов.

Сюда не заходили ненцы, и не оставлял черного облачка у этих берегов пароход.

Давным-давно какие-то никому неизвестные промышленники зашли сюда промышлять зверя и рыбу. Не было богаче района в Карском море, чем Пясинский залив и прилегавшие к нему безвестные архипелаги. Суровая стихия изгнала отсюда смельчаков или сгноила их в цынге, и теперь только названия мест говорили о прежней жизни.

«Развалины зимовья—две избы», «Развалины зимовья—одна изба», «Развалины зимовья—Моржево»—пестрели опознавательные знаки на морской карте. Но карта была неверна. «Белуха» давно уже шла по тому месту, где по карте выходил каменистый берег. Да и от зимовьев не сохранилось и воспоминаний. В штурманской рубке «Белухи» лежала карта северо-восточной части Карского моря от острова Вилькицкого до мыса Михайлова.

Сто девяносто лет назад ее создавала Великая северная экспедиция да в начале нашего столетия ее местами исправляла экспедиция погибшего Толля. Редакторы карты рекомендовали обращать внимание на льдины, сидящие на мели и предостерегающие об опасности. Никто и никогда не мерил здесь глубин.

Обведенный пунктиром остров Моржево на самом деле находился значительно северо-западнее показания карты. Неправильно показывала карта и Расторгуев остров, который состоял фактически из двух островов, разделенных проливом.

«Белуха» прокладывала курс прямо на берег.

В прошлом году «Зверобой» прошел здесь впервые, не встретив льда, основал здесь зимовье, оставил девять че-

ловск, продовольствие и верных друзей человека—сибирских собак.

Назойливый гость, постоялец севера—туман то набегал, то хлопьями повисал в воздухе, замазывая горизонт. «Белуха» шла ощупью, малым ходом, делая не более двух узлов в час, и с носа корабля матрос то-и-дело забрасывал лот, промеряя глубины неизведанного моря.

Тюлень в изобилии выставал возле «Белухи», поворачивал свою острую усатую морду к кораблю, прислушиваясь к незнакомому стуку нефтяного мотора. С корабля свистели иногда зверям, и каждый раз на свист из воды выставал любопытный тюлень и поворачивал к людям свою лоснящуюся голову.

По острову Моржево, словно бездомные собаки, бегали песцы. Они перешли сюда еще зимой по льду через пролив и теперь летовали на острове.

Открылись скалистые берега. «Белуха» входила в Пясинский залив.

С мостика шхуны видны были два теплохода, которые пришли этим суровым морем из Данцига, чтоб усилить тоннаж речных судов Енисея. Теперь они неожиданно выступали в роли спасителей.

Навстречу «Белухе» по сильной волне шел буторинский моторный бот «Диксон». Когда бот поровнялся со шхуной, с него крикнули в рупор:

— В заливе банки! Параллельно берегу идет риф! Следуйте за нами!

Маленький бот «Диксон» дал ход, а вслед за ним, осторожно, все еще забрасывая лот, пошла «Белуха».

За несколько дней, которые прошли с момента аварии «Зверобоя», буторинский бот исходил весь залив, измерил глубины и теперь был нашим лоцманом.

— Вон, вон за буксиром я вижу мачты «Зверухи». Она свалилась, бедняжка. Что сделали с кораблем!—сетовал штурман Розин.

— И нам такой же конец будет. Воткнемся носом в бе-

рег, тут иначе не поплаваешь,—безмятежно пророчествовал радист «Белухи».

Возле «Зверобоя» борт-о-борт стоял теплоход «Красноярский рабочий». Мощными насосами он высасывал из «Зверобоя» воду, чтобы дать ему возможность подняться, привстать, вспомнить свою былую силу.

Мы перескочили с теплохода на «Зверобой» и, держась за его поручни, чтоб не сорваться по покатой палубе в море, прошли засматривая в открытые двери кают. В некоторых из них еще были открыты иллюминаторы (люди недавно еще проветривали помещение), висели пиджаки и в деревянных ободках по стенам кают, чтобы не разбились во время качки, были поставлены графины с пресной водой, в открытом умывальнике лежал кусок туалетного мыла, а на полу валялась зубная щетка. Никто из экипажа корабля не верил, что после девятичасовых попыток спастись «Зверобой», скрипнув мачтами, свалится на борт.

— Бедная ты моя «Зверуха», свалилась, и я ничем не могу помочь тебе!—и на глазах капитана, ходившего во льды и туманы Арктики, видевшего жестокие штормы, на глазах Бурке я увидел слезы.

Эти безмолвные слезы были тяжелей рыданий. Горе комом подступало к горлу.

— Прощай, «Зверуха», мы плавали с тобой хорошо! —сказал Бурке в сторону «Зверобоя», когда с бешеной скоростью, ныряя по волнам, мы возвращались на моторе к «Белухе», разбрызгивая и пеня соленые воды.

Капитан Бурке купил в Норвегии этот пароход. Кораблю не были страшны ледовые сжатия. Образования корпуса «Зверобоя» были сооружены по типу нансеновского «Фрама», и в случае сильного напора льдов судно выжималось на лед. «Зверобой» развозил зимовки промышленников и снабжал их продовольствием.

Неизвестная человеку река Пясина привлекала к себе внимание полярников своим рыбным богатством, о котором можно было судить по количеству планктона в устье этой

реки. Но никто не знал, где вход с моря в Пясину—эту водную дорогу к платиновым и угольным месторождениям Норилья.

«Зверобою» было поручено впервые войти в устье неисследованной реки, сделать промеры ее дна, описать берега, найти фарватер, определить ее судоходность. На Пясине предполагалось поставить консервный завод и экспортировать его продукцию через Карское море.

Бот «Диксон», сооруженный на Енисее промышленником Буториным, сопровождал «Зверобоя» от острова Диксона до самой Пясины.

Бот имел небольшую осадку, и ему легче было ходить по неизведанному устью Пясины искать фарватер—вход в реку с моря. Но рукава реки были настолько мелки, что сам бот «Диксон» однажды сел на мель. В трех милях от берега нередко попадались уже трехсаженные глубины, которые словно ловушки стерегли незваных гостей.

«Зверобой», сделав несколько промеров, стал у островов и на две сеточки за четыре часа наловил много гольца, омуля, нельмы, максуна, сига, кумуса и сельди. Не раз под самым бортом корабля выставали нерпы. На одном из островов паслось крупное стадо непуганных диких оленей.

Не нашел «Зверобой» фарватера Пясины и решил вернуться к зимовью Громадского.

Пароход шел недалеко от берега, глубины позволяли итти таким курсом. Дул свежий ветер нордостовой четверти. Вдруг что-то толкнуло пароход несколько раз. Удары повторились.

«Зверобой» вылетел на камни, притаившиеся под водой.

На мостике не было капитана. За несколько минут до аварии он спустился вниз, в кают-компанию, передав вахту старшему штурману.

«Зверуха» в опасности! «Зверуха» села на камни!

— Спускай фансботы!—скомандовал капитан, выбежав на верхний мостик.—Обмерить кругом глубину!

Два фансбота, ныряя в волнах разбушевавшегося залива, стали завозить адмиралтейский якорь в море от берега,

подальше, чтобы затем подтянуться к якорю, сняться с мели. Второй штурман Седунов едва не свалился за борт вместе с якорем, так волна била фансботы.

Закинули якорь. Но грунт залива был покрыт отточенной полированной галькой. Якорь не держал, брел, дрейфовал, как говорили моряки.

Тогда привязали второй стальной трос к якорю и при помощи бота «Диксон» вновь завезли подальше якорь и стали подтягиваться на лебедке. Одновременно всеми силами работала паровая машина, но ее заклинило как раз в тот момент, когда якорь стал уже цеплять местами грунт.

Между тем сильной волной «Зверобоя» поднимало и било о камни. Башмак, в который упирается руль, обломало и винт не мог уже, как прежде, свободно поворачиваться, не мог гнать пароход вперед. Винту мешала изогнутая рулевая рама.

Волнами перебросило «Зверобоя» на трехсаженную глубину. В течение нескольких минут раненый «Зверобой» имел еще под собой небольшой запас воды. Но сильный ветер подымал пароход на волну и ронял его с грохотом на камни. Глубокая шестнадцатифутовая осадка «Зверобоя» была роковой в этом заливе, куда никогда не заходили корабли.

Ветром повернуло пароход. Разборный дом, принайтовленный к палубе, сбросили в море, чтобы облегчить стонущее, скрипящее судно. Но люди не могли помочь кораблю. «Зверобой» дал течь. Ветер продолжал бить его о каменный грунт залива, увеличивая пробоины в корме. Это были крепкие удары. «Зверобой» содрогался от каждого из них, море било лежачего. Все водоотливные средства работали полным ходом, но соленая вода прибывала быстрее, чем успевали машины выбрасывать ее из корабля.

Расклепали якорные канаты и, привязав к ним деревянные буйки, чтобы заметно было, где лягут канаты, бросили их за борт.

«Зверобоя» выкинуло почти к самому берегу, таща по камням бессильного, беспомощного, разбитого.

Люди на шлюпках покинули судно, которое привело их сюда на дальний север, не желавший раскрывать своих тайн.

Так река Пясина отомстила человеку за его попытку узнать ее фарватер и богатства.

При первой попытке разузнать о Пясине погибла два года назад шхуна «Житков».

Пясина не дала обуздать себя сразу, но Пясина будет обуздана советскими моряками.

Путь «Белухе» закрыт

«Белуха» шла две недели Карским морем, не встречая льдов. Гидролог Хмызников черпал парусиновым ведром забортную воду для измерения ее температуры. Температура воды с каждым днем падала по мере продвижения на северо-восток. Очевидно, где-то поблизости бродили льды, холодя воду.

На Диксоне было чисто, ни одна льдина не сверкала у его скалистых берегов. В день прихода «Белухи» дул нордовый ветер, и портил видимость небольшой снегопад.

— Мы сделали глубокую разведку льдов на северо-восток от Диксона. Долетели до Миндендорфа. На всем пути у северо-запада Таймыра лежит тяжелый торосистый лед, согнанный сюда преобладавшими нордовыми ветрами. И его уже не отжать южным ветрам. Заливы покрылись молодым льдом, всюду мы наблюдали энергичный процесс смерзания. Возможность прохода Челюскина в этом году исключается.

Так говорил Чухновский капитану Бурке. Начальник Карской экспедиции долго беседовал на эту же тему с водителем «Белухи».

— В крайнем случае дойдем до пролива Стоп Анкер, высадим зимовку и повернем обратно в Архангельск,—говорил Бурке.—Ведь это мечта Комсеверпути забросить зимовку там, где мы в прошлом году видели огромное количество зверя.

«Белуха» отдала якорь на шестисаженной глубине и потушила ходовые огни. Минут через десять после прихода «Белухи» к ней, будто речной автомобиль, с бешеной скоростью подкатил моторный катер с теплохода-буксира «Красноярский рабочий».

В брезентовом, не гнущемся дождевике вошел в кают-компанию «Белухи» председатель правления Комсеверпути Лавров, руководивший работами по спасению «Зверобоя», и, не вынимая трубки изо рта, сразу же заговорил о тяжелых ледовых условиях северо-востока, о разведке Чухновского и заключении Евгенова.

— Не знаю, как быть с походом в Якутию. Отставить ли его и передать вам операции «Зверобоя», которые он не завершил,—и, подумав немного, сказал:—Поход в Лену нужно продолжать. Зазимуете на севере Таймыра, но старайтесь стать на зимовку не в открытом месте, а защищенном. В крайнем случае можно будет итти в Игарку зимовать, чтобы возобновить ленский поход на будущее лето.

Могучая стихия поставила свои ледяные барьеры на пути маленького деревянного корабля.

Через неделю Лавров отменил ленский поход «Белухи», и в навигацию она бродила по Карскому и Баренцову морям, выполняя задания порученные «Зверобою».

Ночью, при сильном прибое, ворочавшем черные камни Пясины, катер с «Белухи» увозил меня на буксир-теплоход «Красноярский рабочий», который тщетно пытался спасти красавца «Зверобоя». Волны прибоя бросали катер с бока на бок, из стороны в сторону. Моторист едва успевал поворачивать маленький штурвал.

Весь берег был усеян синеватыми камешками, отшлифованными прибоем, с прожилками белого и желтого цвета. Шумел прибой.

Пясинский залив был весь в беляках.

Вдали виднелась «Белуха», стоявшая на якоре, боясь приблизиться к берегу из-за своей четырнадцатифутовой осадки.

А возле берега, уткнувшись в камень, чуть вздрагивал

от волны разбитый «Зверобой», и всеми силами своих помп откачивал из него воду буксир «Красноярский рабочий».

Песцовая мышь выбегала из норки на мягкую мшистую настилку, которая желтела на камнях. Внизу берега у самого залива лежали гигантские камни, будто огромные черные деревья. Камень был слоист, как слюда, черен, как аспид, и своими выходами напоминал полого падающий пласт каменного угля. Это был слоистый шифер.

На берегу стояли пасти на песцов. Этими бревнами давили пушистых дорогих зверей. Пушнина выменивалась государством на машины, пароходы, которые осваивали необжитой Север.

Впереди, будто ружья в козлах, стояли шатры плавника, сложенные зимовщиками. Лес, пригнанный сюда льдом из верховьев Пясины и Енисея, собирали зимовщики, ставя его высокими шатрами, чтобы можно было найти его, когда полярная пурга занесет снегом этот дикий пустынный край.

Один из рукавов Пясины узеньким каналом впадает в море, образуя кругообразный бассейн, где в изобилии водится рыба. Здесь неподалеку построили в прошлом году люди первую зимовку. Изба была срублена из тесаного леса, с небольшими прорезами окон. Вместо крыши лежал парус.

Возле избы, свернувшись калачом, дремали ездовые собаки, сушилась рыба и шкуры зверя, висели битые гуси. В крытом дворе помещался склад провианта, заваленный всевозможными ящиками, бочками; на стенах двора висели парки[1] и малицы[2], рога оленей и невероятное количество веревок.

С капитаном «Красноярского рабочего» Модзалевским мы сошли на Пясинский берег. На нарах, в небольшой избе, почти вповалку спали зимовщики: от русской печи, где пекли хлеба, и от курева стоял чад. На столе громоздился четырехламповый приемник, который на время приладил радист «Зверобоя» с погибшего судна.

[1] Парка — куртка из оленьей шкуры. (Прим. авт.)

[2] Малица — род дохи из оленьих шкур, с капюшоном. Одевается через голову. (Прим. авт.)

— Ну, как живете здесь?—спросил капитан Модзалевский.

— Хорошо живем. Пока обходились без цынги, что дальше будет—не знаем. Было у нас сгущенное молоко, черемша—полярный лук и прочие противоцынготные средства,—сказал зимовщик.

— А как зиму провели?

— Обыкновенно: девять месяцев под снегом. Вот недельки через три залив снова замерзнет, занесет нас пургой, мы пророем себе небольшой ход в снегу и будем через него сообщаться с улицей. Плохо одно—нам крыши в прошлом году не дали, и зимой тяжковато пришлось без нее. А песцов мы сто девяносто девять штук добыли и все пастями, а из ружья только двух-трех напромышляли. Зверя здесь много выстает в море, да ботишка у нас нет подходящего, вот от «Зверобоя» теперь попользуемся.

Со «Зверобоя» перетащили сюда на берег манлихеровские ружья. Уныло тикали часы, снятые из штурманской рубки погибшего корабля. Радист «Зверобоя» старательно и заботливо заводил ежедневно хронометр в этой избе зимовщиков, где никто не нуждался в точном времени.

Целая куча пустых банок из-под консервов валялась за двором. Три тюленя с окровавленными головами лежали тут же.

— В этом году лучше будет,—говорил зимовщик.—Ставим новый дом, за зимовку насобирали много плавника. Вы видели, небось, чумы у берега—это все наши сборы топлива. Будет тепло и сытно.

В избу вошел зимовщик, неся на руках штук десять чистиков. За ним, будто стесняясь, шла, не глядя на людей, огромная собака с густой, чуть седоватой шерстью, прямо поставленными, не падающими ушами, косым разрезом глаз, короткой шеей, широкой грудью.

— Это сын полярного волка и сибирской лайки. Головной нашей упряжки. Его слушаются все наши ездовые собаки. Да как такого не послушаться?!—и зимовщик ласково потрепал собаку-волка.

Мы возвращались к «Красноярскому рабочему» по волнам «гиблого» Пясинского залива, дно которого усеяно рифами и камнями. Пройдут годы, все глубины залива маленькими черными цифрами лягут на морскую карту, и тогда не нужно будет ощупью ходить по заливу. Не нужен будет лотовый матрос, ухарски забрасывающий лот для измерения глубины под носом корабля.

В этом году в Пясине оставалось зимовать не девять человек, а тридцать. Так, шаг за шагом, год за годом отвоевывались острова и земли у безлюдного Севера, так осваивали необжитой советский Север. С боями продвигались на север советские моряки, с уроном и победами.

Изба Ломакина

Теплоход «Красноярский рабочий» шел полным ходом к Диксону. Перед самым Диксоном, милях в пятнадцати, лежит бухта Полынья, известная тем, что здесь во время шторма погибла два года назад шхуна «Профессор Б. Житков», да у берега, где выбросило на камни шхуну, стоит изба промышленника Ломакина, зимовавшего здесь три года кряду.

Теплоход остановился неподалеку от «Житкова», и мы пошли в шлюпке к погибшей шхуне.

Трехмачтовая шхуна и сейчас еще выглядела величественно на фоне сурового берега, покрытого свеже выпавшим снегом. Берег был пологий, но на восток уходили черные скалы с уступами.

Мы поднялись по парадному трапу на шхуну.

Парадный трап! Как странно видеть на погибшем корабле такую роскошь.

Снаружи корабль был цел. Волны морские не тронули его, льды не раздавили корпуса.

Ванты, по которым столько раз поднимались к вороньему гнезду во время походов житковцы посмотреть подвижку льда, различить берег,—были целы и никому не нужны.

Быть может, белый медведь лазал по ним в вороньё гнездо—наблюдательную бочку корабля, осматривая свои просторы.

Я открыл каюты, оставленные их хозяевами,—они были пусты.

Одна каюта носила следы пожара. В затопленных трюмах плавали пустые бочки.

На теплоход взяли с «Житкова» наиболее ценные вещи: ручную лебедку и тросы. Это могло пригодиться для речной части Карской экспедиции.

Люди сошли на берег, заваленный плавником. К избе трудно было выйти,—так нагромоздился заброшенный сюда течением и льдами сибирский енисейский лес.

Изба Ломакина не имела характерного для крыши ската и выглядела ящиком. Я открыл дверь, прикрученную проволокой, и вошел в небольшой крытый дворик, где была накидана всякая всячина. Передо мной была еще одна, некрепко забитая дверь, я сильно дернул ее—она открылась. В комнате пахло тленом, лекарствами и сыростью. На столике лежали в коробке патроны на медведя и складной огромный нож промышленника рядом с красной книжечкой, программой всесоюзной коммунистической партии большевиков. У стены стояло заржавленное от времени ружье. Сквозь маленькое оконце, давно не видавшее тряпки, скупо пробивался свет.

Сегодня, седьмого сентября, в бухте Полынья пошел снег зарядами, и сразу скрылся мысок, на котором стоял знак.

Мшистая и зыбкая дорога привела меня к пастям, которые ловили песцов.

Кругом было пустынно. Я подумал о том, что сейчас, судя по рассказам зимовщиков, мог вполне показаться медведь, а у меня кроме камней не было никакого оружия. Стало как-то не по себе. Все же, охваченный любопытством, я прошел к складу, расположенному неподалеку.

Там хранились вещи с «Житкова».

Высоко на веревках висели малицы и пимы, стояли бочки и

аккуратно были сложены ящики с горчицей и ячменным кофе. Вскоре я вернулся на «Красноярский рабочий».

Не успел подняться по штормтрапу на теплоход, как вахтенный закричал:

— Медведь на берегу.

Все люди выбежали на палубу. Возле биноклей вмиг образовалась очередь. Но и невооруженным глазом было отлично видно, как топал по берегу белый медведь, чуть пригибая шею. Он шел спокойно, не торопясь, зная отлично, что нет здесь на берегу и в море равного ему по силе. В каждом шаге, в медленности походки чувствовалось сознание собственного достоинства. Не спеша, он спустился по скалам к заливу, бросился или, вернее, неуклюже свалился в воду, освежиться после длинного перехода.

— Шлюпку! Шлюпку!—закричали на палубе.

На теплоходе было всего одно ружье. С ним пошел капитан Модзалевский.

Шлюпка догоняла медведя. Все ближе и ближе виднелась его голова. Расстояние между зверем и шлюпкой все уменьшалось.

Охотник со второй пули попал медведю в затылок, и зверь всплыл, вытянув лапы. Его привязали к шлюпке и прибуксировали к пароходу.

— Вайсбер! Вайсбер! Интересант!—восклицал пораженный событиями дня немец, который шел на теплоходе от самого Данцига в качестве гарантийного механика.

Властителя льдов, грозу полярной фауны—белого медведя—подняли вверх стрелой парохода, и сейчас с беспомощно повисшими лапами, болтаясь на веревке, он напоминал колоссальную игрушку-мишку. Он был смешон—этот белый царь. Трудно приходилось ему в летнюю пору. Зверь голодал, таская свое огромное тело по мхам острова в поисках харчей. Когда освежевали зверя и вскрыли его желудок, в нем нашли всё, кроме съедобного: туго скатанную шерсть, очевидно, из ломакинской оленьей постели, мох и кусок пробки из полулитровки.

Снежными зарядами закрывался небосклон. Как только прояснилось, «Красноярский рабочий» снялся с бухты Полынья, оставив этот безлюдный кусок земли, траурно-черную, громадную и безмолвную шхуну «Житков» и заброшенную избу Ломакина.

«Красноярский рабочий» уходил на Диксон. Люди говорили о том, что в Карском море на время навигации нужны свои спасательные пароходы.

И шхуну «Житков» и красавца «Зверобоя», если бы они затонули в Белом море, давно бы подняли и увели в Архангельский док. Но в этом суровом Карском море не было спасательных средств, а всюду каждый корабль сторожили подводные рифы и камни, не изученные течения и льды.

Недогруз и перегруженность

Мощный теплоход «Красноярский рабочий» пришел на Диксон к вечеру 7 сентября. Диксон был неузнаваем. Несколько дней назад он еще чернел своими скалами. Лишь отдельными пятнами выделялся снег в ложбинах. Сегодня весь остров Диксон затянуло снежным покровом. Быстрыми шагами надвигалась зима. Остров становился не только суровым, но и унылым. Табунились гуси, собираясь в теплые края. Раскормившаяся дичь летела низко над водой, с трудом неся свои жирные тела.

Олени, почуяв запах дыма пароходов, ушли далеко в глубь материка. Случайно, милях в пяти от берега доктор «Малыгина» Чечулин обнаружил небольшое стадо оленей и пошел им в обхват с двумя охотниками. В самый разгар охоты показался в воздухе самолет Чухновского и громом своего мотора разогнал испуганных зверей. Охотники вернулись на ледокол с пустыми руками.

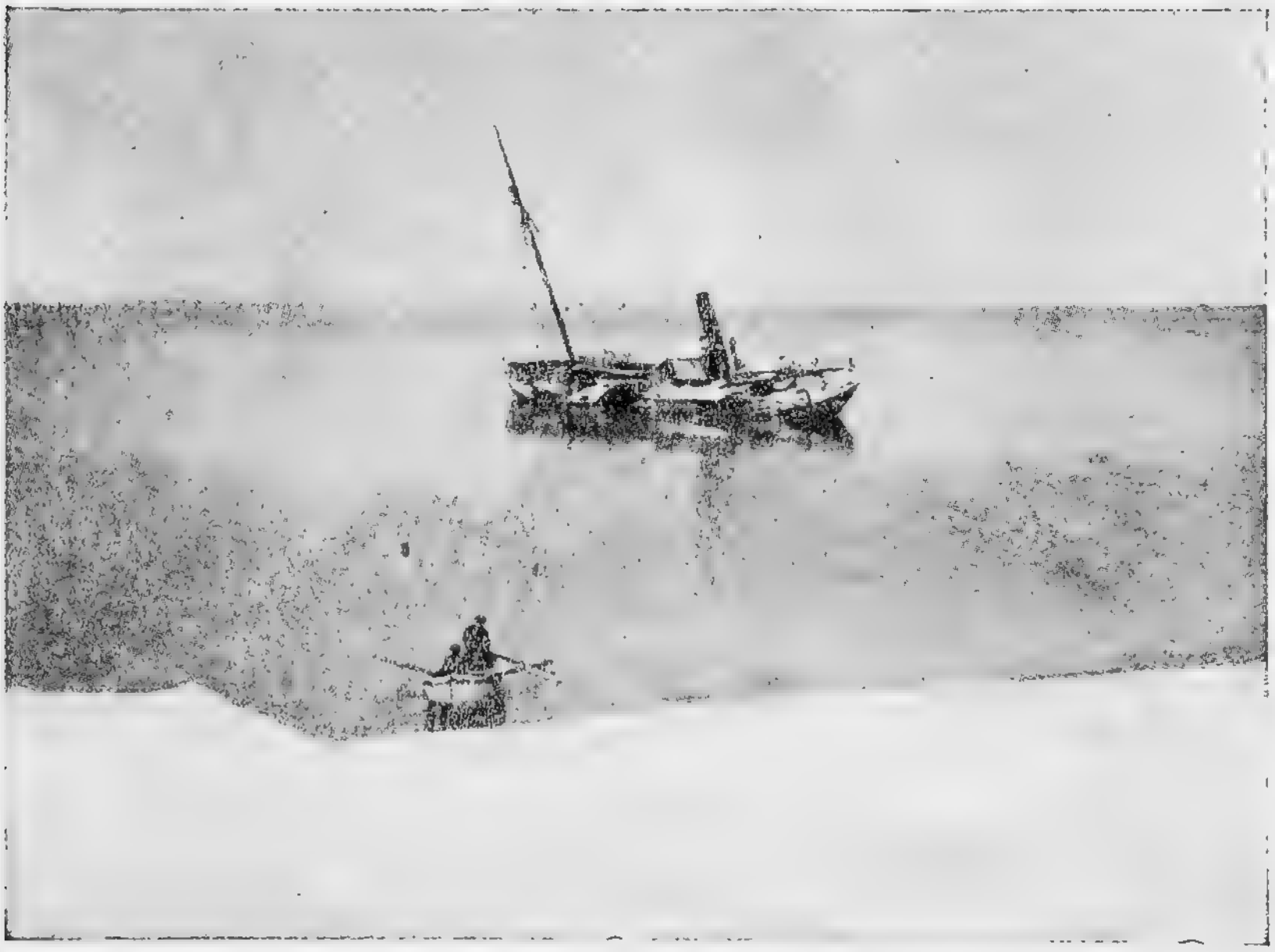
За день до прихода теплохода на Диксон забрела опять белуха. Михаил Ильич Буторин накрыл сетями штук сорок зверей!

Чухновский, летавший на северо-восток от острова Диксон

Ломакин убил медведя

Солка омуля промышленниками.

„Красноярский рабочий“ пытается спасти „Зверобоя“.



Люди покинули „Зверобой“.

к Мидендорфу, видел неисчислимые стада белухи, которая шла, держась близко к берегу, по направлению с востока на запад.

Этот зверь, которого так ценят за его кожу и сало, живет где-то на востоке, и там на этом востоке и должен быть большой промысел белухи. Туда стремилось моторное судно «Белуха», чтобы проведать о звере, имя которого оно носило на своем борту и спасательных кругах.

Белуха, тюлени, песцы, платина, уголь, свинец и лучший в мире лес—вот богатства этого края. С каждым годом сюда все больше и больше будет приходить людей промышлять зверя, копать уголь, грузить лес.

Норильские уголь и платина, экспорт леса из Игарки, островные богатства пушниной и зверем через несколько лет сделают этот край, мертвый и унылый, неузнаваемым. После зимовок во тьме полярной ночи люди не будут выходить на улицу с лимонными лицами. Ученые найдут средства, чтобы сохранить здоровье человеку на далеком и богатом Севере.

Совсем недавно люди боялись входить в Карское море, когда в новоземельских проливах они встречали льды.

В 1924 году только три парохода прошли Карским морем.

В 1925 году уже четыре парохода приняли участие в Карской операции, в 1926—пять, в 1927—шесть, в 1928—восемь, в 1929—двадцать шесть и наконец в 1930 году пятьдесят пароходов прошли через Карское море под конвоем советских ледоколов к сибирским портам на Оби и Енисее. Этого и не снилось пионерам Карских экспедиций—купцам Сибирякову, Михайлову и Сидорову.

Но стихия Арктики далеко еще не побеждена. Если льды благоприятствовали в этом году Карским операциям, то на могучих реках Сибири штормы раскидали плоты по берегам, разбили их, и целыми «челеньями» сидел на мелях комсеверпутский экспортный лес. Сегодня шторм, а завтра неожиданный спад воды—вот откуда шли угрозы Карской экспеди-

ции, угрозы оживлению Севера советов. На реках нехватало буксиров, и плоты нередко шли на-авось, самосплавом.

Никогда еще Карское море не видало столько вымпелов, не слыхало столько гудков, никогда так не был загружен эфир, как в этом, 1930 году. Никогда одновременно не приходили из Карского в Баренцово море два парохода, огибая глетчеры и ледники северной оконечности Новой Земли, мыса Желания.

Однако никто не мог поручиться за то, что во-время проведенные Северным морским путем в сибирские порты суда не уйдут обратно с порожними трюмами.

Комсеверпуть решал вопрос об устройстве рыбацкого и зверобойного каравана в Игарском порту. Полуморские суда такого типа, как бот «Диксон», сооруженный Михаилом Ильичем Буторинным, вот что нужно было сейчас для овладения зверем Карского моря и его бесчисленным рыбным богатством.

— Мы пустим лиственницу вместо грейнхарта, попробуем крепость нашего сибирского дерева, может быть, лиственница не уступит иноземному грейнхарту. Мы заселим Север. На первое время пошлем в Усть-Порт двести семейств и двадцать пять семейств на Диксон. Это будут рыбаки и зверопромышленники—пионеры края,—так говорил мне председатель правления комсеверпути Лавров.

Десять тысяч рублей тратил ежегодно Комсеверпуть на гидрографические работы в Карском море и около миллиона—на изыскательские и геологические.

В этом году впервые была выпущена полярным исследователем Н. И. Евгеновым лоция Карского моря—шестьсот экземпляров объемистой книги о море, которое несколько лет назад считалось малодоступным.

Евгенов, предвидя нехватку экспортных грузов в Игарке, приказал по радио двум судам, шедшим к Юшару, следовать в Архангельск. Радиограмма-«молния» путешествовала по станциям трое суток, суда прошли уже за кромку льдов. Пришлось распоряжение отменять.

Устаревшие искровые береговые станции нужно было заменить новыми, усовершенствованными и кроме того поставить рации на острове Белом и на мысе Желания. Восемь мощных станций Севера владели бы всем бассейном Карского моря и давали бы возможность синоптикам СССР правильно строить прогнозы погоды. Юшар, Вайгач, Матшар, Морра-Сале, Ямал, Диксон, остров Белый, мыс Желания должны быть радиоцентрами Севера. Тогда не будет такого положения, при котором один ледокол с другим не может сноситься по неделям. Ледокол «Ленин» стоял у Юшара, «Малыгин»—у Диксона. Телеграммы «Малыгина» передавали на Диксон, с Диксона—на Матшар, с Матшара— на Юшар, с Юшара наконец их ловил «Ленин». Молнии шли целыми сутками, и Евгенов, ложась спать в своей, заваленной запоздалыми радио каюте, порой не знал, сколько у него прошло, сколько вышло из Карского моря лесовозов.

Необычайное количество судов заполнило Карское море. Пароходы перекликались между собой по радио, брали радиопеленги, определяя в туман свое местонахождение. Радиостанции Маточкин Шар, Югорский Шар, Вайгач были завалены радиограммами, которые требовалось передать незамедлительно. Сутками напролет работали зимовщики на радиостанциях, и, несмотря на эту работу, телеграммы подолгу залеживались на берегу. Радисты ледоколов и пароходов тщетно препирались с береговыми рациями.

На видном месте в радиорубке ледокола висел приказ:

Заврадио Л/К Л/К „Малыгин“ и „Ленин“

В связи с имеющимися у меня сведениями о нарушении радиостанцией Юшар основных правил связи, выражающемся в передаче по адресу радистов ледоколов слов оскорбительного характера, предлагаю всем радистам ледоколов соблюдать хладнокровие в переговорах с береговыми рациями, не отвечая на резкости, и фиксировать в журналах приема все нарушения ими правил и основ радиопереговоров.

Начальник морской части Карской экспедиции

Евгенов.

21 августа 1930 года.

Не хватало людей на рациях, не хватало самих раций. Если пять лет назад радиосеть Севера еще могла обслуживать нужды этого сурового края, то теперь, при невероятном оживлении Карского моря, необходимо было хотя бы на время навигации увеличить личный состав раций и снабдить их дополнительным оборудованием.

Север требовал новых радиостанций, новой радиоаппаратуры взамен устаревшей и пришедшей в негодность.

Волхвы Карского моря

Союзные военные корабли стояли в Балаклаве. Союзное морское командование помогало своим десантам громить русские форпосты Крымского побережья. В России еще не было железных дорог, и подмога шла пешим порядком, погибая от холода и тифа.

Но вот четырнадцатого ноября 1854 года в Балаклаве разразился небывалый шторм, и весь союзный флот—грозу Крыма—уничтожили не русские снаряды, не артиллерия береговых крепостей, а слепая сила природы.

Французский математик Леверье, получив сведения о том, что 11 ноября 1854 года был шторм в Провансе, провинции Франции, 12 ноября—в Адриатическом море, 13 ноября на Дунае, и сопоставив эти данные с тем, что 14 ноября штормом уничтожен французский флот в Крыму, пришел к такому заключению: шторм, впервые отмеченный во Франции, прошел до Крыма, разрушая по пути все ему попадавшееся. Значит, находясь во Франции, можно было предвидеть шторм в Балаклаве. Знаменитый Леверье подал человечеству мысль узнавать, предугадывать ветры, штормы, непогоду на нашей планете. И ныне трижды в сутки, на всем земном шаре метеонаблюдатели делают записи о погоде, атмосферном давлении, направлении и силе ветра, температуре, облачности, осадках, особых явлениях. Наблюдения для удобства передачи шифруются цифрами, и сотни тысяч пятизначных столбиков ежедневно перелетают по всему миру, сообщая

о погоде во всех его уголках. Корабли, находящиеся в море, также дают радио о погоде со своего пути.

На ледоколе «Малыгин» в просторной каюте, склонившись над картой, будто в оперативном штабе фронта, сидели за столом два молодых синоптика Синягин и Виттельс. Они охраняли суда Карской экспедиции от туманов, от норд-остных ветров, которые в два-три дня могли пригнать с севера лед и сжать ребра лесовозам, находившимся в Карском море.

Суда Карской экспедиции не одни прислушивались к предостерегающим прогнозам бюро погоды ледокола «Малыгина». Стоявшие на дальнем севере «Седов» и «Белуха» запрашивали «Малыгина» о видах на погоду. Профессор Визе благодарил по радио с Северной Земли погодчиков «Малыгина» за верные прогнозы, не раз помогавшие в трудные минуты плавания по неизведанному краю.

К полудню в каюте синоптиков-погодчиков столбики цифр уже разнесены по немой карте. Около полутора тысяч пунктов сообщили свою погоду, и нужно обладать большой памятью, иметь большую практику, набить руку и наметать глаз, чтобы верно раскидать значки погоды по немой карте. Стрелки от кружков-городов покажут направление ветра, перышки — силу его, около кружков выставятся цифры температуры, степень зачернения кружка покажет количество облаков, две точки у кружка обозначут дождь, а звездочка — снегопад.

Сегодня Норвегия и Финляндия омываются северными ветрами, значит завтра там же можно ожидать похолодания. Северные ветры сделают быстро свое дело, на своих могучих крыльях они принесут холод. Вот прогноз синоптика. Он следит за ходом ветров по карте, чертит кривые, замыкает их, находит циклоны и предугадывает их дальнейший путь.

У синоптиков уже большой опыт. Синоптики знают повадки циклона и следят за ним так же, как охотники выслеживают зверя у водопоя, к которому он обязательно придет.

Циклоны стремятся с запада на восток, они любят проходить по воде, сторонясь берегов. Им просторнее, вольготнее мчаться по морской глади, не цепляя хребтов материка. Если циклон движется на Норвегию, то синоптик заранее знает, что ветры пойдут проливами.

Циклон не любит ни теплого, ни холодного воздуха,— это замечено метеорологами, и он проходит всегда между обоими струями, стараясь попасть в старую колею, которой шел предыдущий циклон.

Легко синоптикам Парижа или Вены в тиши своих метеорологических кабинетов прослеживать ветры, разгадывать капризы погоды на ближайшие дни. К услугам этих синоптиков—все станции мира. А вот в Карском море, где нет ни городов, ни сел, ни даже становищ, где зимовки с радиостанциями наперечет, здесь не проследишь, куда уходит ветер. А порой не слышно раций, нет метеосводок, и тогда синоптикам в Карском море приходится полагаться на свое метеочутье.

Метеочутьем, но без всякой синоптической подготовки, обладает и капитан «Малыгина» Чертков.

— Так вы говорите, какая завтра будет погода?—спрашивает он синоптиков.

— Мы еще не получили всех сведений, и прогноза не делали.

— Так я вам сейчас скажу,—говорит Чертков.

Он не спеша подходит к окну кают-компании и с минуту всматривается в даль.

— Штиль с небольшим морозом, можете записать мои слова и проверить.

И назавтра действительно штилеет и морозит.

— Я за двенадцать часов вперед всегда вам определю погоду. Дома у себя, в Архангельске, тоже предсказываю погоду, и люди верят, потому что ошибиться могу незначительно.

Старый капитан с легкой иронией смотрит, как синоптики вычерчивают изобары на картах погоды. Чертков—не кон-

серватор, он охотно превозносит заслуги самолетов в полярном бассейне и как разведчиков льда, и как разведчиков промыслового зверя, но над погодчиками любит подтрунить и зовет их «ветродуями». Однако, несмотря на смешок старого капитана, чувствуется, что сила—в руках предсказателей-синоптиков, смотрящих не в иллюминатор, а в карту, расчерченную изобарами.

Несомненно одно: наши синоптики в тяжелых условиях полярного плавания и при отсутствии систематических сведений работу ведут блестяще, давая верные прогнозы, своей рукой отводя лесовозы от льдов и штормов.

Основатель и покровитель полярного бюро погоды начальник Карской экспедиции Евгенов может заслуженно гордиться своим детищем.

Под шапкой-невидимкой

В бухте Диксон стало необычайно тихо. Ушли пароходы. Заколотый гарпунами зверобоев морской зверь белуха частью лежал на берегу, обагряя кровью черные и синие камни Диксона, побеленные снегом, частью ушел в море, порвав комсеверпутские сети, поставленные Михаилом Ильичом Буториным. Даже чайки кричали тише прежнего. Самолеты бороздили воздушную полярную дорогу, и незримыми нитями бежали буквы Морзе волнами в эфире над Карским морем. Будто накрывшись шапкой-невидимкой, ходили по белу свету радисты полярного Севера, слушая, что творится на многошумной планете. С далекой «большой земли» из заново переделанной Москвы волны радио несли бодрые звуки музыки и команду утренней гимнастики или бодрую речь ораторов.

Сутки напролет посменно отсиживали радисты вахты в радиорубке ледокола «Малыгин». Сейчас они слушали Карское море. Матшар сообщал, что в проливе один балл льда и на горизонте чисто. Радист Матшара передавал одновременно телеграмму с ледокола «Ленин» о том, что последний

пароход «Володарский» с грузом угля для «Малыгина» полным ходом идет на Диксон.

У ледокола были свои планы, и для выполнения их ему нужны были еще четыреста тонн угля. У ледокола не было столь мощных стрел, чтобы поднять самолет Чухновского, лодка которого протекала, принимая в сутки до полутораста ведер воды. «Володарский» должен был поднять самолет, обнаружить место течи и устранить ее опасность.

Одев свою шапку-невидимку, свои наушники, радисты принимали все эти вести. Это они да начальник Карской Евгенов знали о том, что творилось и в Карском море, и на могучих реках Сибири: Енисее и Оби. Стопка телеграмм ждала всегда радиста в радиорубке, их нужно было просмотреть, раскидать по адресам и передать на ближайшую рацию.

В определенные часы текли по эфиру тучи цифр в радиоприемники—это были метеосообщения.

Латинскими буквами вызывали друг друга рации и корабли. Каждая страна имела свою отличительную начальную букву позывного сигнала: СССР—R, Англия—G, Норвегия—Z, Германия—D.

Но не было столько букв в алфавите, сколько стран делили на цветные пестрые клочки географическую карту. Если буквы некоторых стран совпадали, то к начальной отличительной прибавлялась еще одна буква.

Атмосферные разряды, грозы мешали приему.

— QRV? Готовы ли вы к приему?—так запрашивал радист своего товарища за сотни километров.

— Pse (please)—пожалуйста,—был ответ.

И начиналась передача радиограмм. Уныло пел свою пискливую песню разрядник-передатчик, выбрасывая сто двадцать букв в минуту.

Люди в наушниках пренебрегали расстоянием. Люди пробирались над льдами, в туманах и снегопадах за тысячи километров, невидимо разговаривая друг с другом.

— Я слышал, как вчера радист Экштейн на короткой волне говорил с Москвой,—рассказывал радист «Малыгина»

Точилов.—Экштейн уславливался с коротковолновиком Москвы о приеме его большой телеграммы в триста с лишним слов на одиннадцать часов следующего дня. Я не дослушал разговора, почувствовав, что глушу их своим присоединением.

На каждой полярной рации, на каждом ледоколе сидел радист, который не раз зимовал на севере, кружал в пурге, переходил по льдам проливы, ездил на собачьих и оленьих упряжках. Однажды попав на крайний север, радист не расставался с ним никогда. Что влекло сюда человека?.. Неудачная любовь, разбитая семейная жизнь, жажда новых ощущений, первобытная природа, своей оголенностью вызывающая представление о лунном ландшафте, или вспышки огней северного сияния?

Каждый радист Севера любит охоту, и не раз его меткая пуля поражает белого медведя в голову или сердце, а поставленные им пасти давят ослепительно белых песцов.

Сысолятин с «Белухи», Точилов с «Малыгина», Миндельман с «Ленина», Юдихин с «Комсеверпути» лучшие свои годы проводили за полярным кругом в зимовках, на зверобойке и в карских экспедициях.

Глядя на небо, они задолго узнавали предстоящую погоду; на камнях, скупо поросших мохом и лишайником, они отыскивали и узнавали следы зверя, побывавшего здесь. Голые камни севера говорили им о пройденных днях, о молодости, прожитой на этих северных форпостах республики.

Магнитная буря

Взяв полтораста тонн угля, ледокол «Малыгин» ушел из бухты Диксон к устью Енисея, чтобы напоить свои жадные цистерны пресной водой. Два месяца люди пили воду, взятую еще из Северной Двины, и мылись соленой морской водой, которая не пенила мыло.

Скрылись скалистые берега Диксона, убеленные полосами нестаявшаго за короткое лето снега. Впереди закрывало горизонт легкой дымкой тумана. Узкой полосой тянулся

остров Вернс, и, отсчитывая шесть секунд, на безлюдном острове мигал огонь, по которому моряки определяли местонахождение своего корабля.

Вахтенный начальник, минуя остров Вернс, должен был менять курс ледокола, но вдруг обнаружилось, что главный компас врет. Основа всего на корабле—главный компас давал неправильные указания.

Между показаниями верхнего главного и нижнего путевого компасов получалась небывалая разница: до двух с половиной румбов, свыше 25°. На судах бывали не раз изменения в компасах во время похода, но они не превышали двух-трех градусов.

Нередко на склонение магнитной стрелки влиял груз железа в трюме или случайно находившиеся недалеко от компаса какие-нибудь железные предметы. Стоило только их убрать подальше, как магнитная стрелка успокаивалась и верно показывала север.

Третий штурман ледокола «Малыгин» Захарин принял вахту в 20 часов 13 сентября.

На мостике у главного компаса стоял старейший капитан ледокола Чертков. В огромный бинокль вглядывался, разыскивая закрытые туманом берега, полярный исследователь Евгенов.

— Идем по нижнему компасу. Он более или менее правильно показывает,—говорил, сдавая вахту, старший штурман.—На верхний компас полагаться нельзя, по невыясненной причине он показывает неправильно. Девиация остовая. Если слушаться главного компаса, уйдем на ост и вылезем на каменный берег материка.

Солнце не показывалось, и нельзя было точно определить, где сейчас находился ледокол, который, будто слепой с палкой, шел тихим ходом, поминутно забрасывая лот, беря морские глубины.

Итти приходилось узким местом. С обоих сторон, пригнув свои каменные шеи, подкарауливали ледокол скалистые, закрытые туманом берега Енисейского залива. На-днях гидро-

графическое судно «Прибой» предупреждало все корабли, находящиеся в Карском море, о том, что материковый берег близ Сопочной Карги показан неверно на карте, его нужно отнести на четыре мили южнее.

Итти с таким компасом на перегруженном ледоколе, осадка которого равнялась сейчас двадцати двум футам, было гибельно. Вот почему на верхнем мостике все навигаторы ледокола разыскивали теперь причину внезапного магнитного возмущения.

— Не положил ли здесь кто-нибудь кусок железа?—сказал Чертков.—Так бывает на свете: один дурак камень забросит—десять умных не вытащут.

Все стали шарить в потемках по мостику. Позади компаса лежал железный вентилятор, снятый с правого борта во время погрузки угля.

— Поставить вентилятор на место!—приказал капитан.

Но не вентилятор служил причиной девиации. Его поставили на место, а стрелка компаса показывала попрежнему.

— Чорт его знает,—сказал капитан,—не застоялась ли картушка? А ну-ка, давайте встряхнем «Малыгина». Будем менять ходы!

Евгенов и вахтенный штурман поддержали капитана.

И вот с полного вперед ручка машинного телеграфа вмиг полетела на полный назад. И только было попятился ледокол, как вдруг его снова бросили вперед. Стрелка компаса не принимала нормального положения. Остановили ход машины. Вахтенный матрос побежал выверить лаг, спущенный по корме.

— Руль право на борт!

— Есть право на борт!

Машине дали полный ход, и ледокол завертелся по часовой стрелке, словно собака, решившая схватить свой хвост.

Только и слышно было, как снизу штурман Захарин выкрикивал показания компаса на всех тридцати двух румбах.

И на верхнем мостике сличали его показания, замечали моменты по главному компасу. Провернулись один раз, другой,

третий, уменьшив ход на четвертных румбах, и наконец легли на старый курс. Разница в показаниях компасов была прежняя: около трех румбов.

Ничто не заставило стрелку главного компаса отойти от занятого ею положения. Кто-то неудержимой силой отклонял ее.

Волна на море улеглась, ярко светила луна, и на темном небе горели звезды.

— Не «Володарский» ли сыграл с нами такую штуку? — сказал Захарин.—Он пароход железный, а мы почти трое суток стояли с ним борт о борт. Он выше нас, может быть, его железо и возмутило стрелку.

— Мы летом с пароходом «Хилкрафт» в бухте Варнека тоже борт о борт стояли и все было ол райт,—ответил Чертков штурману.

Очертания низкого берега были видны при лунном свете. Несколько раз закидывали лот, глубина была до семи морских сажен.

Словно легкие облака по небу вдруг вспыхнули сполохи северного сияния. Чуть намечавшиеся желтые облачка сияния становились ярче, начинали ходить по небу с запада на восток, затмевая свет луны, и вдруг неожиданно потухали, чтобы загореться в другом месте с новой и большей силой.

В зените, над самой головой вахтенного штурмана ленты северного сияния, протянутые по небу, вдруг окрасились в яркие цвета спектра, заходив огнями с переменной силой. К полуночи исчезли таинственные огни Севера.

Пробили склянки. Третий штурман сдал свою вахту.

Только наутро компас успокоился и стал приходить в нормальное положение. При сличении компасов оставалась лишь незначительная разница, менее полрумба.

На следующий день в восемь часов утра третий штурман Захарин снова вступил на вахту. На горизонте были видны низкие берега Сопочной Карги. Их камни, опасные для кораблей, ограждались двумя вехами и одним светящимся баканом. Из-за туч выкатилось вдруг солнце, и третий штурман

успел взять азимут пеленгатором Томсона, определиться и проверить общую поправку компаса.

Поправка совпадала с определением старшего штурмана, сделанным по истинному восходу солнца. Девиация исчезла сама собой, и стрелка компаса стала служить правильно.

Магнитная буря, вызванная огнями севера, вот что возмутило маленькую стрелочку компаса, которая не могла притти в себя от волнения до самого утра.

Впереди на «матером» берегу показались несколько домов и чумов Гольчихи. Над главным домом станка взвился красный флаг в знак приветствия. Ледокол отсалютовал людям и флагу советов на крайнем севере республики.

За оленями

Набрав пресной енисейской воды, ледокол «Малыгин» пришел снова на Диксон.

Утром прошел снег зарядами, а к полдню солнце вылизало его с рыжего покрывала ложбин, поросших мохом и лишайником.

На верхнем мостике ледокола «Малыгин» вахтил второй штурман Бурмакин. Сегодня исполнилось уже два месяца, как ледокол, дав прощальный салют, отошел от Архангельской пристани. Вахтенный штурман смотрел на голые берега Диксона и думал о далеком родном городе. Вдруг на материковом берегу он различил точку, которая зашевелилась и пошла вправо. Кто это мог быть?

В бинокль вахтенный разглядел на противоположном берегу от рации, в ложбине, стадо диких оленей, спокойно щипавших траву. Несколько поодаль от стада настороженно ходила самка-важенка, то и дело вскидывая голову. Важенка осматривалась по сторонам; она следила, не угрожает ли опасность оленям: она сторожила стадо.

— Олени! Олени!—В кают-компанию ледокола вбежал вахтенный начальник.

Все выскочили из-за стола и побежали на верхний мостик

к опокам. Небольшое стадо диких оленей, пощипывая мох и траву, медленно подавалось на запад.

На ледоколе вмиг снарядили моторный бот, и шесть человек, вооруженных винтовками пошли на берег, взяв сильно в сторону, чтобы не вспугнуть чуткого зверя.

Мотор подошел к громадным камням, поднимавшимся ступенями из темнозеленой воды залива.

Люди потянулись вдоль берега по зыбунам и кочкам, мягкими и влажными подушками устилавшим путь охотников. До оленей оставалось мили две, но зверя не было видно за черными скалами.

В камнях вдоль берега, через каждые четыреста-пятьсот, шагов, торчал шест из плавника. По этим шестам зимовщики Диксона находили дорогу на рацию, когда поднималась такая пурга, что не видно было даже протянутой руки.

Внизу на камнях забережья валялись горы плавника, словно сотни плотовщиков гоняли сюда плоты из лесистых районов Сибири.

Винтовка оттягивала плечо, сапоги увязали в податливом болотистом грунте, под которым тысячелетиями лежали каменные массивы.

Мы шли впереди по следам оленей, совсем недавно проходивших здесь.

Над высоким каменным скатом вдруг замаячил крест могилы Тессема. Из ровных камней была сложена могила знаменитого норвежца, заросшая мохом, травой и пушистыми белыми цветочками вроде одуванчика.

Мы разбились на две партии. В одной—береговой—шли доктор Чечулин, гидролог Алексеев и промышленник, зимовавший в этом году в Пясине. В другой—старший штурман ледокола Замятин, военный штурман Беликов и я.

Мы шли наперерез оленям, которых должна была погнать береговая партия охотников. Нам нужно было выйти из-за утесов, и тогда в ложбине мы увидели бы пасущихся оленей.

Люди говорили шопотом, чтобы не вспугнуть зверя. Со-

собираясь в поход, зимовщик, не раз ходивший на оленя, предложил нам одеть дождевики, цвет которых напоминал рыжую окраску тундры.

— Если в черном пойдете,—говорил зимовщик еще на ледоколе каждому из охотников,—вы, как свечи, будете видны. И шапку снимите, когда олени покажутся! Зверь издалека видит черное, пойдет ходом—его не догнать!

Только мы вышли из-за утесов, как на краю ложбины, спускавшейся к берегу, увидали береговую партию, махавшую нам шапками, указывая наши места. И тут же послышались выстрелы.

Из нашей партии никому не пришлось дать верного выстрела, а на берегу возле диких камней лежали два расстрелянных красавца, два диких полярных оленя. Они были еще теплые. При нас остеклянели их только что полные жизни и буйства глаза. Это были трофеи Чечулина и Алексеева.

Зимовщик умело и привычно освежевал оленей, снял шкуры, словно чулок с ноги, и мы пошли к берегозым камням.

Буйно горел костер из плавника, разожженного берестой, пригнанной из сибирских березняков за тысячи километров отсюда. Это был условный сигнал на ледокол: охотники вызывали катер.

На ледоколе с наблюдательной бочки и верхнего мостика видели всю охоту на оленей в сильные бинокли и подзорную трубу, в которую накануне рассматривали горы и кратеры на луне.

Мотор полным ходом уносил нас к ледоколу. То там, то тут из воды торчали подводные черные камни Диксона. Каждый из них мог пустить ко дну наш быстроходный катер.

На баке мотора лежал убитый самец, безжизненно свесив свои недавно еще быстрые ноги. Зимовщик Пясины рассказывал о гибели Бегичева на зимовке.

Атакуют Север

Ледокол «Малыгин» отдал якорь милях в двух от острова Шокальского. На старых картах этот остров назывался Агнессой. Судно «Агнесса», открывшее остров, дало ему свое наименование.

Морскую воду, омывавшую остров, мутили грязные обские воды. Могучая Обь столько воды отдавала Карскому морю, что даже у Шокальского оно было еще пресное.

На Диксоне громоздились камни, в ложбинах белыми полосами залегал никогда не таявший снег, и возле рации ютилось несколько строений. Остров Шокальского протянулся над морем ровной и тонкой полосой. На этом пустынном острове был всего лишь один дом.

— В Пясине куда лучше было,—говорили пясинские зимовщики, которых доставил сюда ледокол на смену шокальцам.—Здесь на Шокальском охотнику спрятаться не за что. Ни холмика, ни бугорка, ровно как на ладони. Начнет пурга валить—до дому не доберешься, опознаваться не по чему будет.

Осень, ранняя полярная осень уже давала о себе знать. С утра моросил дождь и набегал туман, то закрывая, то открывая этот печальный кусок земли, облюбованный песцами и оленями. И целый день, не переставая и не изменяя своего направления, дул сильный ветер, поднимая мутную рыжую волну. Не кричали чайки у ледокола, не выставал из воды зверь. Как только показалась черная труба ледокола с красным обводом, будто колечком, у самого верха трубы, люди заметили его с берега и спустились навстречу в фансботе. Словно дети, радовались зимовщики пароходу, с которым было связано столько надежд и мечтаний. Волной сносило шлюпку зимовщиков в сторону.

— Им не выгрести в такую погоду,—сказал зимовщик.—Смотрите, они приветствуют ледокол. Стреляют! Второй выстрел! Третий! Четвертый! Пятый!

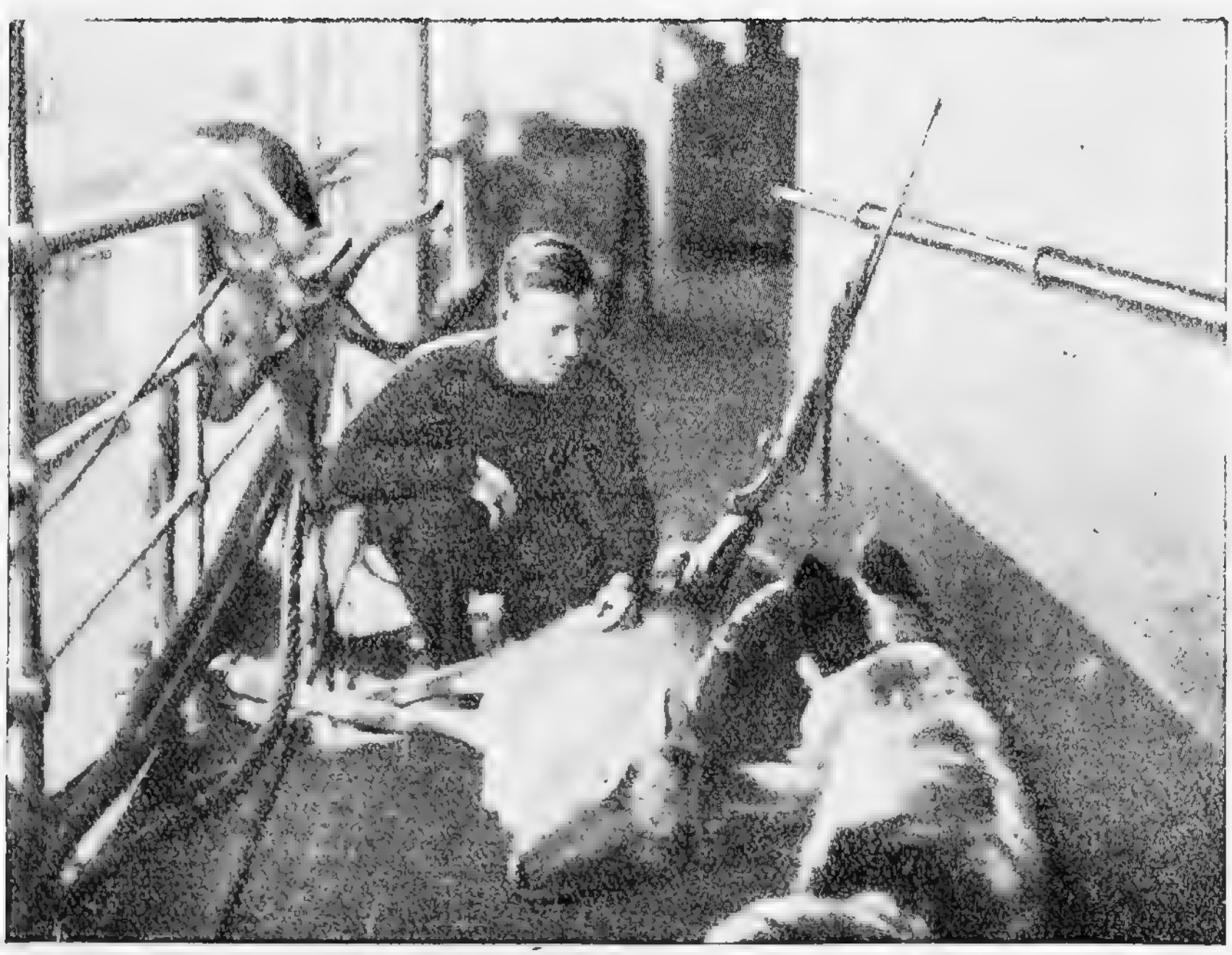
Выстрелов не было слышно, их удары относил шумливый

Собака-волк „Дамка"—любимица экипажа „Зверобоя".

Так Пясина отомстила человеку за его первую попытку узнать ее фарватер и водную дорогу к норильским платиновым месторождениям.

Apollo

Белушья губа на Новой Земле.



Гидролог Алексеев возле своего трофея.

ветер, но отлично виднелось каждый раз облачко дыма у винтовки, когда промышленник стрелял в воздух.

— Это приветствие промышленника. Здесь принято стрельбою приветствовать судно. Когда «Зверобой» в начале навигации приходил сюда и зимовщики впервые за год увидали судно, такую стрельбу подняли, будто на фронте.

«Копейка», так звали собаку, числившуюся в инвентарном списке ледокола «Малыгин», тянула воздух с наветренной стороны палубы. Третий штурман закрыл ей морду своею шапкой, тогда «Копейка» оттолкнула ее лапой. Сильный ветер гнал с берега на ледокол раздражающе знакомые «Копейке» запахи. Более десяти собак находилось на острове Шокальского, и это почуяла «Копейка», она тоже томилась в одиночестве на большом корабле, где у нее не было четвероногих—ни друзей, ни врагов. Ей хотелось скорей на берег, увидать, обнюхать своих сородичей.

Из-за волнения в море нельзя было сгружать зимовщиков на берег. Уже два дня стоял ледокол на якоре, и погодчики не предсказывали штиля. На верных картах погоды, составлявшихся синоптиками, отмечались возникавшие и упорствовавшие циклоны. Осеннюю штормовую погоду—вот что сулили предсказатели ветров талантливые синоптики Синягин и Вительс.

Низко над морем висели хмурые облака, сквозь дымку тумана едва различался мертвый остров Шокальского.

По рыжей воде пенились от ветра беляки.

Воздушный корабль «Комсеверпуть 2», вылетевший с Диксона в Гыдоямо, не давал о себе знать, и люди на ледоколе стали тревожиться за судьбу его отчаянного экипажа.

Первый пилот Иванов, «батя», как звал его экипаж, был старым морским летчиком. «Комсеверпуть 2» не знал непогоды и летал в туман и ветры над льдами, над сушей, над бушующим морем, шумящей тайгой и отвесными скалами безлюдных островов.

Вторым пилотом шел Страубе, спасавший с Чухновским экспедицию Нобиле. Улыбка не сходила с резко очерченного

молодого лица пилота. Его смех всегда оживлял и кают-компанию ледокола и неуютные комнаты рации Диксон, где квартировала лётная часть.

Летчик-наблюдатель Вердеревский, ходивший в прошлом году на «Зверобое» до самого Мидендорфа, был военным моряком, радистом-летчиком, навигатором. Он владел и пером. Вместе с Ларисой Рейснер он был на Волге, когда по военному приказу Волгу нужно было сделать честной советской рекой.

Борт-механиком был Побежимов. Орден Красного знамени прикреплен к его синему кителю за геройский полет в туман и непогоду на остров Врангеля.

Евгенов запрашивал Диксон о «Комсеверпути 2», но не получал ответа. Никто не знал о том, где сейчас самолет и что сталось с экипажем в эту жестокую погоду.

А летчик Иванов со своим экипажем шел в это время бреющим полетом над самой водой разбушевавшегося Карского моря.

Над самолетом низко бежали облака, а под ним, словно пиво, пенились студеные воды моря.

По широкой Оби плавежом пароход «Мейснер» доставил в Гыдоямо разборный дом для постройки первой советской фактории в этом районе. Впервые селился человек на Гыдоямо, впервые здесь стучал топор.

Глубокая извилистая река Юрибей впадала в море, на этой реке и решено было поставить первый дом. Не успели закончить стройку, как уже на берегу показался ненец и поставил чум. Не говорил по-русски ненец, но поняв, что в новом доме за пушнину можно будет брать продукты и патроны, был этим очень доволен. Через неделю еще несколько чумов треугольными силуэтами выстроились на берегу.

Перед тем как ушел «Мейснер», заведующий факторией сказал плотникам:

— Больше не придут сюда пароходы! Оставайтесь, ребята,

дом строить и печи выложить, в крайнем случае вас тогда на оленях по зимнему пути отвезут в Сибирь.

Плотники молча слушали его слова.

— Так возражений нет?

— Какое же может быть возражение, когда вы нас домой зимовать доставите,—сказал старик Терпугов.

18 сентября пришлось столб в землю врывать.

— Ветродуям этот столб нужен был, чтобы ветер узнавать,—говорил плотник Кузин.—А мы тут руки поотбили. Ишь, земля-то какая мерзлая!

Яму пришлось рыть глубокую, метра два с половиной. И на следующий день в первый раз отдыхали строители. Работа была закончена. Сидели в избе, чинили одежду и обувь.

— Аэроплан летит!—вдруг, крикнул, вставая с табурета, Кузин.—Право, аэроплан! Говорю вам, как я в германской войне их много видал. Они завсегда так шумят: это мотор работает гулко.

Выбежали люди из избы. Ветер бил в лицо, трепал нечесаные длинные бороды. Из облаков вдруг вынырнул самолет и пошел низко над факторией. Заведующий факторией вынес простыню, расстелил ее на тундряной земле, как опознавательный знак для самолета.

Потом все бросились снова в избу и оттуда вышли с ружьями, на ходу заряжая. Стали возле простыни и дали три залпа, приветствуя первых гыдоямских гостей-воздушников.

Самолет, дав круг над факторией, пошел обратно к морю. Бортмеханик Побежимов заволновался, достал блокнот и написал командиру Иванову: «Куда вы летите? Я ясно видел факторию».

Летчик улыбнулся. Он также видел факторию, но садиться возле нее, не зная глубин, опасался и летел снова к взморью.

— Боится сесть на меляк!

— Сядешь, да и не встанешь!

Подошел к плотникам заведующий факторией.

— Аэроплан за вами прилетел. Вас на радиостанцию Диксон по воздуху доставят. На оленях вам хуже ехать будет.

Да и зиму целую проваландаетесь. А на самолете через два часа—и на радиостанции! Оттуда вас на пароходе в Архангельск отвезут. Согласны?

— Согласны!

— Тогда собирай сундучки!—сказал заведующий.

Самолет подрулил почти к самой фактории. Люди прыгнули с жабер машины прямо в воду и бродом перешли до берега.

— Пойдемте к нам в новый дом,—радушно пригласил их хозяин.

Отведали летчики вина, разогрелись, закусили, чаю напились.

— Вот вам селедочек с собой, возьмите! Да берите, берите, не стесняйтесь!—уговаривал зимовщик.—Мы ее здесь много ловим. Вот вы и Лаврову в Новосибирск отвезите в подарок от нас. У нас ее так много, что мы селедкой и собак кормим.

Из-за быстро наступившей темноты летчики заночевали в Гыдоямо.

Ранним утром самолет снялся из Гыдоямо и через два с половиной часа спустился в бухте Диксон.

— Ну, как леталось?—спросил плотников командир воздушного корабля Иванов, когда все вместе шагали по камням Диксона к радиостанции.

— Да ничего, хорошо,—ответил тоболяшин Кузин.—Мне не впервой. Я их видел, аэропланов, сколько хочешь еще в германскую войну! Мы—привычные к ним!

— Страшенного ничего не было,—подтвердил и Терпугов.—Только уж очень ветрено было и холодно да курить не разрешали, упредили об этом. В воздухе вдруг колыбнет вниз, как на дороге, если где ухабы,—а так ничего. Приказал нам механик: которые не боитесь, смотрите в окно. Мы все и смотрели. Быстро, как колесо, земля под нами катится клубком. Механик нам рукой вниз показывает. Поняли мы, что значит самолет сейчас посадку делать будет. Стукнуло первый раз об воду—и пошли плавом. Если бы он с нами мерт-

вые узлы метать начал, тогда, может быть, и неудобно было. Вот только уши заложило да ноги замерзли сильно. Мозжат с того времени. Доктор на Диксоне мне мазь давал, да все еще не прошли, ноют. А, может, это по-стариковски...

— Вы были участниками первого пассажирского воздушного рейса над Карским морем!—сообщил один из летчиков, похлопав по плечу старика Терпугова.—Приедете домой, похвастаете: не каждому человеку такое суждено!

— Хвастать-то нам ни к чему. Страшенного ведь ничего не было,—повторил Терпугов.

Начальник Карской—Евгенов, получив радио о прилете «Комсеверпути 2» на Диксон, поздравил лётную часть с новым успехом на Севере Союза.

На Диксоне, завидев чужих людей, заливались звонким лаем огромные собаки. В Гыдоямо вспоминали необычайную птицу, унесшую отсюда плотников. На вышке дома фактории уже висело шесть песцовых шкурок и десять оленьих малиц. Это принесли в обмен на продукты ненцы, прослышав о фактории. Почин был сделан. Скоро вся округа узнает о доме в Гыдоямо и понесет пушнину. Отсюда она пойдет за границу в обмен на машины для фабрик, заводов и сельского хозяйства.

Первая зимовка на Шокальском

Пароход «Зверобой» (бывшая «Браганца»), ведомый капитаном Бурке, подошел к острову Шокальского 22 августа 1929 года, в два дня выгрузил трех промышленников Комсеверпути на безлюдный берег и, дав прощальный салют, ушел на Диксон. Долго стреляли в честь уходящего судна зимовщики. На острове не было избы; у берега, отполированного волнами моря, лежали меченые бревна разборного дома, привезенного сюда из Архангельска. Зимовщики стаскали бревна к месту стройки, и через три дня над островом возвысился черный силуэт первого на этом острове дома.

— К нам люди идут,—сказал зимовщик Кузнецов.

Развалистой походкой, без шапок, в малицах, не торопясь, шли к избе два человека. С ними не было ни собак, ни оленей.

— Увидели вашу избу и пришли узнать, кто живет на острове,—еле объяснили ненцы.

Люди в звериных шкурах прибыли с полуострова Явай, где стояли их чумы. Два дня нужно пешью пройти, чтобы попасть к ненцам. По пальцам объяснили они, что всего на Явае четыре чума, а сколько людей в них живут, не умели сказать.

Узнали зимовщики, что одного ненца зовут Онто (Антон), другого—Сауте (Савватий). Так представились гости, выпив по чарке водки. Ненцы рассказали зимовщикам о своей нужде. Им нужен хлеб, мануфактура, чай, сахар, масло и оружие. Но ненцы были скромны и просили только немного муки на каждый чум и масла.

— Муки мы вам привезем на шлюпке,—обещали зимовщики,—а масла нам самим до конца зимовки не хватит.

Не могли промышленники узнать у туземцев, кто снабжает их оружием и продуктами. Ушли гости, и в сырой избе люди начали складывать печку.

К вечеру вернулись ненцы, они не могли переехать через пролив на полуостров Явай. Поднялась большая волна и могла захлестнуть их утлую лодчонку.

Утром моросил дождь, ветер дул слабее и отходил к югу. Ненцы ушли и звали русских зимовщиков к себе на Явай гостевать.

Промышленники стали чистить ружья, готовясь к завтрашней охоте на оленей. Ненцы растолковали русским, что на северном конце острова пасутся дикие олени и что этими оленями живут туземцы.

Три дня проездили зимовщики за оленями, видели восемь зверей, но убили лишь маленького теленка. Нельзя было подкрасться незамеченными к стаду, кругом была равнина тундры, а зверь видел и чуял издалека.

Через пять дней после первого знакомства с новыми людьми к избе пришли восемь ненцев. Они ночевали одну ночь в избе, где было дымно, накурено и едва умещались три койки. Ненцы спали на полу в своих малицах, ничего не подложив себе под головы.

Наутро они предложили зимовщикам оленьи шкуры, пыжиков и песцов в обмен на муку, сахар, табак, чай и водку. Ненцы думали, что здесь на Шокальском поставили факторию для обмена продуктов на пушнину.

Объяснили им зимовщики, что в Гыдоямо недалеко отсюда, километрах в трехстах, ставят факторию, и она будет снабжать ненцев продуктами и оружием.

На пароходе не знали, что к этому безлюдному, необитаемому острову подходят ненцы, и не оставили для мены товаров.

Если промышленники выменяют свои продукты на пушнину, то сами умрут зимой от цынги и голода.

Целый день толковали люди.

За продуктами ненцы ездили далеко, больше десяти дней. Как заключили зимовщики, очевидно, в Обдорск. На Явайскую землю пароходы не заходили, и на морской карте ее берега были обведены пунктиром.

Бедно жили явайские ненцы. Малицу носили на голом теле, никогда не знавшем ни мыла, ни воды. Перед сном прикрывали наготу маличной рубахой.

Когда провожали гостей, погода была ясная, и на море, недалеко от берега, милях в двух, зимовщики видели белушье стадо, выбивавшее фонтаны.

В середине сентября заметили зимовщики днем пароход.

— «Зверобой», «Зверобой» идет!—закричал зимовщик Кузнецов,возившийся на дворе с собачьей упряжкой.

Все выбежали из избы. Оказалось, что два парохода Карской экспедиции шли на север с грузом леса. Об этом поведали промышленникам их подзорные трубки. Милях в трех шли корабли от берега, маяча своими ходовыми огнями. Ночью огни были видны на северо-запад от промысловой

избы, очевидно пароходы стояли на якорях до рассвета, боясь итти в темную пору по Карскому морю.

Целыми днями возился Кузнецов с собаками; они заболели неизвестной болезнью: они не брали пищи, у них отнялись зады. Собаки были не чумные, и промышленники не могли понять, что за болезнь напала на их помощников.

Туманы сменялись слякотью, моросили надоедливые дожди, и ветер дул с юга и востока прямо в избу промышленников. Сколько ни подбрасывали они плавнику в печь, тепло вмиг выдувалось ветром. Люди ждали «Зверобоя», который должен был притти еще раз к острову и сгрузить тес для сеней и корм для собак. Юго-западные ветры усиливались. На море штормило, и далеко, до самого горизонта, видно было, как пенились беляки соленых мутных вод, подкрашенных обским течением. Прибрежная песчаная коса была вся залита водой до самых травяников. Пришел «Зверобой» в конце сентября и необходимого промышленникам корма для собак доставил мало, так как на «Зверобое» почти не было промысла.

Ушел «Зверобой», и больше не будет пароходов целый год. Целый год не услышат зимовщики людского шума.

Перед уходом сели промышленники за стол и составили письмо профессору Шокальскому:

> Многоуважаемый Юлий Михайлович!
>
> Мы, трое промышленников, оставшиеся на зимовку на острове вашего имени, шлем вам свой привет и просим принять от нас в подарок шкуру оленя, убитого нами на острове Шокальского.
>
> Первые промышленники острова Шокальского,
>
> 28 сентября 1929 года.

Ушел «Зверобой», и трое оставшихся на острове занялись спешным делом. Обошли берег, сложили в шатры раскиданный прибоем плавник. Весь груз перетаскали в пахнувшую свежей рубленой сосной избу.

В тесной избе коротки были койки, дымила печь. В одном из бревен продолбили небольшую дыру—она служила форточкой. Студеной полярной ночью ее затыкали тряпкой. В

тесную избу после поездки на собаках по тундре нельзя было втащить обледенелые нарты, чтобы оттаяли полозья; приходилось скалывать лед на улице в сорокаградусные морозы.

Худой, обросший черной бородой зимовщик Василий Чернобородов был хозяином метеорологической будки, оставленной ему «Зверобоем», и ежедневно вел метеорологические наблюдения.

По острову расставили примитивные пасти, которые щемили тяжелыми комлями песцов, приходивших на приманки.

Охотник Кузнецов, тринадцать раз зимовавший за полярным кругом, каждый день ходил проверять пасти. Забыл однажды Кузнецов свои дымчатые очки: они предохраняли глаза от снежной слепоты. Собаки хорошо тянули нарты, и Кузнецову не хотелось возвращаться за очками. «Дед мой и отец всегда без очков ходили и не слепли, не пропаду и я»,—думал промышленник.

— Пырь! Пырь!—крикнул Кузнецов, и собаки лавиной понеслись по блестевшему в полярной ночи снегу.

Несколько раз он подтолкнул отставших собак хореем, на конце которого был круглый набалдашник. А когда вернулся Кузнецов домой, распряг собак, очистил полозья ото льда и поставил их к стене возле сеней, то почувствовал, будто в глазах темнеет, ощупью вошел в избу, лег на печь и заснул в темном углу, куда не доходил свет лампы.

Кузнецов ослеп от снежного блеска, от сияния льдов, торосившихся у берега унылого острова. Через три дня промышленник стал понемногу прозревать, но из дому не выходил, за него работали два товарища.

В этот день с утра мела пурга. К полудню, когда стояли полярные сумерки, пурга стихла. На дворе вдруг залаяли голосисто собаки. «Должно быть, песца поймали»,—подумал Кузнецов. Но собаки продолжали лаять у самой избы. Нащупал Кузнецов винтовку, щелкнул затвором и вышел тихонько из избы. Собаки путались под ногами у охотника. Слышно было Кузнецову, что близко зверь ходил,—ворчал на собак.

— Эк тебя принесло рано, подождал бы ты, когда ко мне зрение вернется,—приговаривал Кузнецов, стреляя в зверя, которого не видел.

Собаки хватали медведя за лохматые штаны и заднюю мягкую часть, которую больше всего берег зверь.

Неповоротливый медведь не успевал отбивать нападения визгливых врагов, так их было много.

Когда он шел к избе, его влекла новизна и разбирало любопытство, он еще не видал жилого дома, незнакомый запах собак приятно щекотал черный пятачок медвежьего носа. Собаки, никогда не встречавшие медведя, внимательно следили за этим большим неуклюжим зверем, медведь долго смотрел на собак, а собаки на него. Потом собаки неожиданно залаяли.

Из тундры к избе подходил другой зимовщик. Он видел, как зверь, пряча зад от укусов собак, присел и раскидывал собак в стороны: одну, самую назойливую, так хватил лапой, что озорница легла возле и не поднималась более, у другой оторвал ухо, но собаки не унимались, а наоборот, при виде крови становились злее.

Сел медведь и сидит, собак отгоняет. Подошел к нему полуослепший Кузнецов и выстрелил почти в упор. Повалился зверь замертво на снег.

— Ты у меня выстрел отнял,—сказал Кузнецову подошедший зимовщик.—Только было я нацелился и хотел спустить курок, вижу: ты, рыжий, возле медведя. «Ну,—думаю,—Кузнецов рукой медведя нащупал, а потом стреляет».

Внутренности медведя бросили собакам, и они рыча, перемазавшись в крови, жадно рвали на части желудок и кишки зверя. Уже несколько месяцев ни люди, ни собаки не ели свежего, вкусного мяса. Не прошло и получаса, как от огромного медведя была отделена мохнатая шуба и мясо убрано подальше от собак.

Огни северного сияния, вспыхнувшие несколько раз, побледнели, и зарядами налетела пурга. Завтра с утра зимовщикам

нужно было уже раскапывать свою избушку из-под сугробов снега.

В избе потеплело, с тех пор как поставили сени и проконопатили стены. Недалеко от зимовья в лунном свете ослепительно белела выкрашенная масляной краской метеорологическая будка: ее установили для наблюдений за погодой на этом безвестном острове. Два дня проездили зимовщики по острову и ничего не убили. В пути заблудились, ночевали на берегу моря, севернее поставленного недавно знака «Прибой». Голодные собаки устали и присмирели. Солнечные, ясные дни уже давно не заглядывали больше в маленькое окошечко единственной избы острова. Стояла темная пора.

В середине октября в море показалась шуга [1], и скоро ветер с запада пригнал к берегу тонкий лед, на котором безмятежно, словно на палубе собаки, лежало несколько нерп. Сразу появилось много песцов: они пришли с моря по льду.

Куда ни посмотришь в подзорную трубку, кругом на море лежал торосистый лед. Снегом закрыло остров, и люди зажили по-зимнему. Часы остановились, их забыли завести и поставили на-глаз, приблизительно. Проверить часы по звездам не могли зимовщики: кроме нескольких устаревших романов, календарей и журналов, книг в избе не было, люди не имели никаких руководств и не знали, как установить точное время до появления солнца.

— Плохо у нас с кормежкой: мы собак всех голодом изведем. Тюленя не видать, останемся без собак, значит и без промысла насидимся,—так говорил зимовщик Чернобородов.—Нам надо с собаками решать!

Несколько раз поднимался в избе разговор о собаках. Морского зверя не подносили к берегу льдины. Собаки жили на голодном пайке, и этот паек приходил к концу. И вот, в зимний вечер, когда у берега торосился лед от сгонного

[1] Шуга—очень тонкий молодой лед, изобилующий полыньями. (Прим. авт.)

прижимного ветра, промышленники в избе судили собак, мирно спавших в сенях.

Приговор вынесли к концу ночи, под самое утро. Каждый защищал своих любимцев. Для того чтобы сохранить лучших, решено было застрелить девять собак. На зимовке останутся двадцать, им нужно будет меньше корму. Под утро приговоренных собак застрелили.

Часть оленей ушла на материк по льду, но нескольких промышленники добыли, запасли свежего мяса себе и оставшимся собакам.

— Ишь ты, пакостник какой,—сказал Кузнецов, вглядываясь однажды в окно.—Песец собаку застреленную харчит. Никогда не видел и не слыхал, чтобы песец жрал дохлую собаку. Проголодался бедняга.

Ему дали досыта наесться, но через несколько мгновений, после того как он, закончив трапезу, стал облизываться, маленькая пуля продырявила ему глаз. Одной песцовой шкуркой стало больше в избе на Шокальском.

Трудно становилось кормить и оставшихся собак. Нерпа не показывалась у берегов, и люди решили уже пустить в ход муку, чтобы не заморить собак голодом, и сократить собачий паек. Хмуро стало на острове в полярную ночь, лишь иногда, в ясную погоду, зажигались огни северного сияния. Начало зимы проходило в заботах о собаках. С утра уезжали на них в поисках оленя, смотрели в море, не выстает ли где из полыньи морской зверь. Люди ждали северных ветров, которые должны были пригнать сюда издалека ледяные поля и на них тюленей и белых медведей—корм людям и собакам.

Легкими небольшими прыжками бежит пушистый зверь по ровному острову Шокальского, на десять месяцев закрытому снежным покрывалом. Не видать конца длинному острову. Море сковано льдами—и не слыхать шумов его могучего прибоя.

Шубка песца бела и пышна. Он гордится своим зимним нарядом. Летом, когда промышленники звали его кресто-

ватником — он был темен, грязен, линял. Он был жалок, но жил сытно. Откуда-то с юга прилетали на остров огромные табуны гусей и садились, изнеможенные, теряя перья, разучаясь летать. Гуси становились нелетными. Песец таскал гусей в свою норку детям, ожидавшим корма. Таскал он в норку и яйца из гагачьих гнезд. Яйцо несет в зубах и не расколет.

Когда было голодно и штормы загоняли мелкую рыбу в бухточки унылого острова, тогда веселились чайки. Они выхватывали рыбешек из воды и разделывали их на берегу. Подкарауливал песец чаек на берегу за камнем, и отнимал у них добычу. В норе его дожидались голодные щенки. Только белой полярной совы боялся песец и не нападал на нее: у нее цепкие когти.

Голодный песец жадно ловит носом воздух, ищет падали, остатков нерпы, которую недохарчил сытый казак-медведь. Бежит песец, остановится, поведет носом и снова поскачет легкими прыжками навстречу ветру, который может принести ему запахи мяса, выручить из беды.

Узкой дорожкой вдруг побежали по снегу мелкие следы пеструшки-мыши. Песец лег на снег, повалялся, встал и побежал прочь. Следы были ночные, пеструшку не найти, и одна она не утолит голода. А вот здесь прыгала ласка мелкими прыжками, отмечая прогулку чуть заметным прикосновением к снегу своих тонких лапок.

Вдруг песец перестал останавливаться, он знает теперь, куда бежать, хоть и не видно ничего впереди, кроме белого смерзшегося снега, закрывшего зыбуны и заструги тундряной земли острова.

Далеко-далеко от пушистого зверя лежит без призора, никому не нужная, запорошенная снегом, оленья голова с причудливыми рогами. И ветер доносит одуряюще вкусные ароматы к самому носу песца. Он бежит теперь наверняка, прямо к оленьей голове.

Не заметить с непривычки белого звереныша на белом саване унылого острова.

В начале зимы была здесь гололедица, и пеструшка -песцовая мышь—осталась жить в норах под толстой коркой льда. Не разломать песцу льда, не достать из норы, как бывало, мышь-пеструшку—свое лакомое блюдо. Любит мышь в полярную ночь уходить поглубже. Сегодня за целый день песец перехватил одну рыбешку у кромки льда, выброшенную волной, но это было далеко отсюда. Вчера ему повезло: он увидел своего кормильца—белого медведя. Большими шагами бежал по кромке льда, должно быть, высмотрев добычу, а вслед за ним скакал песец, чуя поживу, подачку с богатого стола. Песец не ошибся. Медведь задрал тюленя, нежившегося на льду у самой кромки. Съел медведь только сало, а мясо оставил и заковылял дальше. Покатавшись вдоволь на спине по снегу, медведь свернулся по-собачьему и заснул послеобеденным сном, а песец стал харчить тюленье мясо. Но это было вчера. После того много пробежал песец, и, кроме рыбешки, ничего у него не было во рту.

Не для песца светит переливчатыми огнями северное сияние, и блещет снег, и волшебно затихла ночь. Не нужно это ему, он думает сейчас только об оленьей голове, которая должна быть уже очень близко.

Но вдруг что-то зачернело впереди на снегу. Подскочил песец, потрогал лапкой, понюхал и побежал прочь. Это кусок плавника, заброшенный сюда давнишним штормом.

Снова легкими небольшими прыжками скачет пушистый зверь туда, откуда ветер с такой раздражающей ясностью доносит запахи мяса. Вот она—эта оленья голова с рогами! Песец встревожен, он недоверчив, он не спешит наброситься на мясо. Может быть, олень зарылся в снег, и как только подбежит песец, рога оленя далеко отбросят назад пушистое тельце песца. Два круга делает белая лисица севера. Она внимательно должна осмотреть голову оленя. Оленья голова не страшна, она смотрит на песца мертвыми, застывшими глазами, он смело идет к голове, к тому месту, где она не покрыта шерстью, где видны куски мяса, обагрившего снег темными полосами.

Страшная тяжесть вдруг обрушивается на песца. Он слышит треск и ничего не может понять. Капкан, поставленный хитрым человеком, прищемил песцу лапу. Капкан привязан цепью к валежнику. Таскает пленник раздробленной лапой капкан, но не в силах от него освободиться. Свалится, упадет, обессиленный, и замерзнет на жестоком морозе. Завтра с утра сюда приедет промышленник Кузнецов или Чернобородов с собаками, вынет песца из капкана и повесит в своей избе на просушку еще одну экспортную песцовую шкуру.

Песца с начала зимы было много на острове. Двадцать песцовых шкурок уже сушилось в избе промышленников. Но потом исчезли вдруг песцы, перекочевали куда-то, и люди сразу приуныли—промысла не будет, нечего будет сдавать Комсеверпути, и больше таких промышленников не оставят на зимовку. Каждый день проверяя пасти и капканы, зимовщики находили их нетронутыми. Ушел песец с острова Шокальского, голодали собаки и не выставал морской зверь—тюлень. Вместо дня были короткие сумерки. Затем наступала темная ночь. Лампа в избе не гасилась. Люди ездили по острову, высматривая зверя, и ждали: вот-вот придет желанный гость—медведь. Несколько раз видели люди следы оленя на острове, но в сильный мороз снег хрустит гулко, и издалека слышит человека олень. Собак кормили уже хлебом и мясом, оставленным для людей. Собаки перестали быть разборчивыми, и многие уже ели старое песцовое мясо, валявшееся на берегу. Замерзшие туши застреленных собак промышленники разрубили и тоже скормили собакам.

— Плохо здесь на Шокальском,—говорил зимовщик Кузнецов.—На Новой Земле куда лучше! Здесь на этой проклятой ровнушке как зарядит ветер, так ему и конца нету. На Новой Земле там ветры часто меняются, и вода чаще бывает, а тут воды не видим, зверь не выстает, собак поизведем без корма.

Как только выйдет человек к собакам, они уже следят за каждым его движением и ждут, чем угостит он их сегодня.

Но кроме хлеба ничего не было для собак, и они беспрестанно дрались друг с другом от голода и злости. Нет морского зверя. Вода «пустая»—зверь не выстает, не показывает своей головы из воды.

В конце октября у одной из песцовых привад попал песец в капкан. Только окровавленная замерзшая лапа и часть обгрызанной лодыжки говорили об этом. Пушистого зверя не было у капкана.

— Должно быть, песца медведь схарчил,—сказал зимовщик Жданов.

Но следов вороватого зверя нельзя было разглядеть в сумерках полярной ночи, да кроме того накануне припорошило снегом.

Правильно сказал Жданов. На следующий день по свежей пороше увидели промышленники следы медведя, он шел прямо на песцовую приваду, на голову оленя, но не решился близко подойти к приманке и ушел обратно по направлению к Ямалу.

Собаки не выдерживали суровой жизни, подолгу лаяли тоскливо и жалобно, кусали друг друга.

С восточной стороны острова на западную не раз проходили медведи.

Кто-то ел песцов, попадавшихся в капканы. Следы вора были похожи на волчьи, но промышленники думали все же, что это россомаха. Она не трогала привад, боясь попасть в капкан, но убитых песцов пожирала, оставляя зимовщиков без добычи.

Подходил к концу январь, а солнце все еще не показывалось, лишь облака над горизонтом окрашивались в полдень светлорозовыми бликами, да над самым горизонтом по несколько часов в день горела яркая полоса. Полярная ночь была на исходе. Сумеречные дни становились яснее и длинней. Двадцать пять мешков муки скормили зимовщики собакам. Песцы, попадавшие снова в капкан, были не так жирны, как осенние. Корма стали худые и для пушистых зверей Севера.

Пленники острова Диксон в вольере. На заднем плане самолеты Чухновского и Иванова в бухте Диксон на якорной стоянке.

Пасть—песцовая ловушка

23 января на юге показался ненадолго яркокрасный круг. Перисто-слоистые густые облака затянули горизонт, и нельзя было точно сказать—видели ли промышленники солнце или только лучи его. Ртуть у сухого термометра замерзла, а минимальный показывал 32° по Реомюру. Когда градусник показывал 40°, то плевок замерзал на лету. Водка, сохранившаяся у зимовщиков, частью замерзла.

— Выпьем ее поскорее,—предложил Жданов:—вымерзнет она вся к свиньям.

Люди праздновали появление солнца после долгой полярной ночи. Жданов непослушной рукой вывел в своем дневнике: «Не ездили никуда, пили вино, погода была хороша».

Морозы крепчали, и их силу уже не могли отмечать несовершенные градусники на зимовке. На солнце уже не посмотришь просто: резало глаз. Солнце светило сильней, но до пригрева было еще далеко. Лишь в начале апреля ночи побелеют, заря пойдет кругом и наконец засветит незаходящее солнце. Стены в избушке отсырели, покрылись плесенью, воздух был затхлый. Кругом избушки столько навалило снега, что едва виднелась дымоходная труба и собаки гуляли по крыше.

— Видел сегодня свежие следы оленей,—горячо рассказывал зимовщикам рыжебородый Кузнецов.—Семь штук прошло с острова на материк, и еще приметил я старые следы оленей, пришедших с моря на остров севернее знака «Прибой».

И назавтра Кузнецов принес в избу оленя. В нем было не более десяти кило мяса. Теленок отстал от важенки и разгребал снег, доставая себе корм. Теленок никогда не видел человека, он даже не обратил внимания, когда Кузнецов сделал первые два промаха. Третий выстрел уложил теленка на месте.

Снова пришли на остров песцы и занялись ловлей мышей, которых раскапывали в травяниках.

Всю избу завесили зимовщики шкурками дорогого зверя.

Солнце днем пригревало, и, несмотря на морозы в 20°, окна днем оттаивали.

Первое мая промышленники встретили со свежим оленьим мясом. Пили какао. Погода стояла майская: минус 4°.

— Скоро и маленькую печку уберем отсюда,—говорил Жданов.—Просторнее в избе станет, а то и повернуться негде.

Олени переходили стадами с материка на остров, и радовались обильным кормам люди и повеселевшие собаки.

С 23 мая поднялся на Шокальском снежный буран. Три дня мела пурга на приземистом острове, и вровень с крышей настлало снега. Это были последние вспышки угасавшей полярной зимы.

Парами держались на острове куропатки, кричали чайки, иногда показывались пунушки. По острову бегало много песцов, но они линяли, комьями сбрасывая свой замечательный наряд, который привлекал сюда человека.

Первые гуси-разведчики прилетели 4 июня. Наступила оттепель. Посидели гуси недолго на Шокальском острове, пощипали молодую сочную траву и улетели туда, где их дожидался неугомонный кричащий отряд. На острове еще сверкал, играя с весенним полярным солнцем, снег, и лишь местами чернели талинки.

Табун гусей прилетел через день после разведчиков. Без опаски садились птицы на остров. Птицы вели меж собой предолгие разговоры, без умолку гоготали.

В избушке на острове Шокальского трое зимовщиков уже несколько месяцев изнывали от солонины и консервов. И каждый раз, когда солнце заглядывало своими косыми лучами на этот унылый остров, люди, радуясь свету, вспоминали о свежем мясе. Лица зимовщиков, стосковавшихся по солнечному свету, вытянулись, пожелтели, поблекли от полярной ночи и обросли густыми, всклокоченными бородами. Олени ушли зимой по льду на материк и не приходили больше на остров, а мясо морского черного зверя было невкусно и жестко.

Вечерами люди часто говорили о том, что вот прилетят скоро на остров гуси, сядут на талый снег обессиленные, потеряют перья, станут нелетными, смешными линьками, тогда пойдут зимовщики их руками ловить, чтобы патронов не портить. Пройдет несколько недель, нанесут гусыни яиц. Много их будет на острове, и зимовщики на тундряной земле соберут гусиные вкусные свежие яйца.

За первым гусиным стадом прилетело на остров второе, третье. От гусиного крика стало весело на острове, который целые десять месяцев безмолствовал.

Когда стада линьков не видели человека, они сидели молча, но стоило лишь ему показаться, как они сразу подавали голоса. Потерявшей оперение птице нельзя было подняться на воздух, улететь от опасности: она становилась хитрей, она хитростью спасала свою жизнь.

Зимовщик острова Шокальского Чернобородов взял дробовку и первым пошел за гусями. Завидели гуси человека с ружьем и бросились по тундре туда, где шумел морской прибой. Гуси-линьки не могли летать, но они попрежнему искусно плавали. Вода была их спасением. Наиболее сильные из стада добежали до воды и стали нырять. Человек с дробовкой не пошел за ними. Легче было промышленнику взять птицу на земле, чем на воде, где она чувствовала себя отлично. Когда Чернобородов зимовал на Новой Земле, он целых полдня гонял однажды нелетного гуся по воде. Гусь выбился из сил и попал на обед промышленнику. Но и человек уморился, едва домой ноги приволок. С тех пор не гонял по воде гусей зимовщик Чернобородов.

За зиму вьюгами и пургой много наносило на остров снега. Весной, когда ломало ветрами и теплом морской лед, прибой подмывал берега, подкапывался под береговой снег, образуя снеговые навесы—рубаны, забереги. Под этими рубанами любили прятаться на воде нелетные гуси. Ездовые собаки зимовщиков знали гусиные повадки, часто ходили проверять рубаны и всегда возвращались домой с добычей в острых и хватких зубах. Собакам, больше чем людям, на-

доела зимовка. Мяса они почти не видели в темную пору. Кормили их люди мукой или печеным хлебом, и собаки теряли скорость и силу. Промышленники часто подталкивали их хореем во время езды, потому что они лениво тянули сани. Завидев стадо гусей, которые не могли летать, неопытные собаки, чуя богатую поживу, хватали гуся, таскали недолго в зубах и бросали, думая, что он готов. Но хитрая птица в пасти у собаки не подавала голоса, притворяясь мертвой. Когда же собака бросала ее на земь, она поднималась и бежала без оглядки к морю, своему спасителю.

Загнал Чернобородов четырех линьков в узкое место, поймал, повертел каждого за голову, бросил на землю. Как вдруг вскочат гуси и наутек к морю, не догнал их обманутый промышленник. Перехитрили его линьки.

Все же, к концу того дня едва дотащил Чернобородов добычу в избушку. Впервые после долгих месяцев зимовщики ели свежее мясо.

Бешеный песец укусил одну собаку, и она вскоре взбесилась. Упряжки становилось все меньше и меньше. Собаки, оставшиеся в упряжке, были самые отборные; они перенесли и стужу и голод: они закалили себя. Хозяева дорожили ими.

С речек поверх льда бежали ручьи, и на север приходили тепло и радость.

— Что это ненцы к нам в гости не едут?—говорил Жданов.—Они уж наверное подошли с оленями к летним пастбищам.

По всему горизонту стало чисто, льды отжало от берега, и всюду зачернелась вокруг острова вода. Стал выставать зверь из воды. Собаки радостно рвали свежее мясо морских зайцев, которых добывали промышленники.

С юга на север несколько раз проходила стадами белуха. Сетями ловили промышленники омуля.

Груды песцовых шкурок насушили зимовщики, много оленьих шкур выделали, богатый промысел был у зимовщиков

для Комсеверпути, прибудет республике валюты. Все говорили только о пароходе.

Стояла прохладная августовская ночь. Зимовщики укладывались спать, чтобы с утра итти за оленями. Вышел Кузнецов на двор посмотреть собак и глянул, как всегда, на море..

— Пароход, пароход!—дико закричал Кузнецов и побежал в избу поднимать товарищей.

— У него лес на палубе!

— Это иностранный лесовоз!—разглядывая пароход в подзорные трубки, сообщали зимовщики.

Зверобои—первые жители Шокольского—стали стрелять в воздух.

— Мы приветствуем первых моряков у острова Шокальского в тридцатом году,—сказал Жданов.

— Нас не замечают и не слышат с парохода.

Ветер шел с берега, и зимовщики не слышали ответного салюта с парохода, но возле гудка три раза взвилось облачко пара. Пароход отсалютовал зимовщикам и поднял на мачте яркий советский флаг.

— Наш пароход идет!—воскликнул Кузнецов.

— Наш, советский!—подхватил Жданов.

«Мейснер»—пароход Комсеврпути—взял с зимовки пушнину: двести сорок восемь песцов—и передал письмо и посылку от профессора Ю. М. Шокальского, именем которого был назван остров. Профессор помнил о трех смельчаках—первых людях на острове его имени.

Знаменитый географ—маститый профессор Шокальский—получил привет и подарок с далекой земли, которая носила его имя, и прислал зимовщикам книги Пушкина, путешественника П. К. Козлова, Амундсена и других.

«Главное, что мне глубоко запало в душу — это та память обо мне, которая сказалась в вашем подарке. То, что вы обо мне подумали,— всего дороже мне. Спасибо вам большое. Примите и от меня небольшую посылочку книг на развлечение в длинные вечера. Будьте бодры и здоровы».

Так писал старый профессор промышленникам острова Шокальского.

Через две недели пришел «Зверобой». Он привез зимовщикам письма и ушел к Пясинскому заливу.

Еще целый месяц им придется ждать возвращения его из Пясины, куда он идет исследовать неизвестную и богатую рыбой реку.

Но напрасно ждали возвращения «Зверобоя» зимовщики. «Зверобой» не вернулся, он сел на камни безвестной Пясины, проломив себе днище. Сменять зимовщиков пошел ледокол «Малыгин».

Комитет Северного морского пути—Комсеверпуть—ежегодно ставит зимовки на безлюдных островах советской Арктики, в Карском море.

В 1930 году Комсеверпуть поставил зимовки на острове Шокальского, в шхерах Минина, где никогда не жил человек, в Пясине и других отдаленных местах Севера.

На каждой зимовке оставлено по несколько человек с годовым запасом продовольствия, оружия и снаряжения. После трехмесячной сплошной ночи снова станет светло, кончится лютая северная зима, минует долгий год, и к зимовке подойдет пароход Комсеверпути, сменит зимовщиков, снимет промысел, ценные песцовые шкурки.

Медвежий ход

Не в первый раз зимовал за полярным кругом первый житель острова Шокальского зверопромышленник Чернобородов. Почти кряду четыре зимовки провел он на Новой Земле.

Зимой замерзали губы[1] Новой Земли, и морской зверь спускался на юг Ледовитого моря.

Каждую зиму вслед за нерпой, лысуном и морским зайцем,

[1] Губа — залив. (Прим. авт.)

весившим до полутонны, приходил медведь на южный остров Новой Земли с далекого севера. Он шел вслед за кормом. Ненцы знали повадку зверя, и его зимние посещения называли медвежьим ходом. Во время хода и промышляли зверя.

Промышленник Василий Чернобородов жил в пятидесяти километрах от Поморской губы в промысловой избушке. Не любил Чернобородов ездить за пятьдесят километров в становище для пополнения запаса продуктов, но несколько раз за зиму ему все же приходилось уезжать на собаках в долгий путь.

Остался однажды в промысловой избе паренек Степа, помощник Чернобородова, а сам промышленник поехал в становище за печеным хлебом, маслом и разными продуктами.

Собаки в становище давно учуяли, что к ним едут гости, и залились громким лаем.

Из дома, в котором некогда жил его строитель художник Борисов, первый пейзажист полярного севера,—навстречу Чернобородову ползли на карачках люди. Они вставали, падали, снова вставали и шли, качаясь, к Чернобородову.

— Мы уз распрягли собак-то, Вашя. Ты ступай уз в избу!—говорили ненцы, пытаясь распутать, сбившихся в кучу, собак.

Но ничего не могли поделать пьяные и только хуже собак запутали. Промышленник Князев помог Чернобородову распрячь собак, сани поставил на крышу, чтобы собаки не съели кожаных лямок.

— Ну, как уз, Вашя, промыслял?—спрашивали Чернобородова ненцы и долго хвастали своим промыслом.

Четырнадцать медведей убили они за время хода.

Собаки скоро разделались с маленькой нерпой, которую бросил им хозяин. Чернобородов загнал их в сени и запер на замок.

— Пойдем уз к нам гостевать,—просили ненцы.

Чернобородову должен был агент Госторга выдать продукты, и промышленник пошел сначала в часовенку, где находился склад.

— Вашя, бутылку возьми-то,—тихонько сказал ненец Филипп Вылка.

— Вашя, две уз возьми,—советовал он.

Гостевание происходило у Филиппа в избе. Чернобородов пришел в избу, снял с себя малицу и поставил на стол две бутылки.

— Ты уз наливай своей рукой, а потом уз мы будем.

Ненцы накормили Чернобородова мутноватой бурдой, которая называлась супом, и угощали водкой. Отказывался промышленник от вина. С утра нужно было ему торопиться обратно в промысловую избушку, где оставался его товарищ, зимовщик Степан. Чернобородов незаметно вышел из пьяной избы, достал с крыши свои сани и стал грузить на них полученные продукты. К Чернобородову подошел Филипп Вылка и стал помогать увязывать ящики и мешки.

— Постой-ка уз, зайди у хату, посиди маленько!—приглашал промышленника ненец.

Они были старые приятели. Четвертую зиму зимовал Чернобородов на Новой Земле и знал всех ее обитателей.

Ненец видел, как Чернобородов получил три бутылки водки на складе, и с детской наивностью приставал к промышленнику с разными любезностями.

— Ты, уз месок-то муки брось здесь. Я уз тебе привезу в избуску сам. У тебя собаки худые! Мои собаки ходкие,—я уз и привезу тебе!

— Не привезешь. А мне самому сюда два раза гонять собак—это восемь дней терять. Я сам повезу этот мешок.

— Сто уз, Вашя, я никогда не омману тебя! На уз тебе руку.

— Пусть твоя жена нам по рукам ударит!—уступил Василий.

Ударила жена по рукам, мешок муки свалили у Филиппа.

— Пырь, пырь!—крикнул Филипп, и собаки потянули тяжелый груз.

К вечеру доехал Василий до Лагерного мыса и зашел в избушку, сделанную из фанеры, набрал в чайник снега, по-

ставил на огонь. Натаяло много воды, и вскоре чайник зашумел. Видит Василий в окно, кто-то быстро едет к избушке. Подзорная трубка приблизила ездока: это был Филипп Вылка.

— «За тремя бутылками едет»,—подумал Василий, напился воды, вышел из избы и погнал своих собак вперед.

Догоняет его ненец.. И откуда только он собрал собак: одна в одну, четырнадцать волков так и рвутся вперед.

— Вот уз, Вашя, никогда я тебя не омману. Муку-то всзу. Давай уз выпьем маленько!—сказал ненец, икая от выпитого вина.

— Вот что, Филипп, водка у меня есть, но пить мы ее до самой избушки не будем,—строго сказал Чернобородов.

— Хоросо, уз я так поеду передой—ты сзади. Твои собаки ходко за моими побегут,—сказал ненец и стал заходить вперед, распутывать собак, упал, потом встал, сел на санки, песню запел о том, как хороша сегодня ночь и дома сейчас спит его жена, а он едет на ходких собаках к Василию Чернобородову и будет у него скоро водку пить.

Поехали.

— Не ходко я еду, доспеваешь за мной?—предупредительно спрашивал ненец.—Так уз хоросо?—оборачивался Вылка.

— Хорошо едешь.

— Давай уз маленько выпьем, Вашя.

— Сказал, что до избы пить не будем.

— Ну, уз закурим маленько.

Закурили. Погасли папироски. Взялся Василий за хорей: собак трогать в путь.

— Давай уз по чарке. Чего уз!

Но Василий был тверд.

Вон показался и мысок близ устья реки, впадавшей в пролив Маточкин Шар. Это была Гусиная река. Здесь на бугорке свалил как-то Василий ящик гольца, двадцать капканов и палатку. Груз был тяжел, и не мог его тогда сразу увезти Василий.

— Вашя, я уз все увезу: мои собаки бежко бежат!

— Гольца-то оставь. Я его все равно есть не буду,—сказал Василий.

— Нет, уз, я все увезу! Давай, Вашя, выпьем уз маленько,—упрашивал ненец, взваливая тяжелый ящик на свои сани.

«Дашь ему бутылку, осатанеет человек и погибнет на таком морозе,—думал Василий.—Нет уж не дам».

— Поедем вперед: в избушке вся водка твоя будет.

— Хоросо уз, Вашя.

Гусиная река прорвала себе путь сквозь горы и летом шумела в узком ущелье, а зимой стлалась белоснежной лентой.

Ехал впереди Филипп, всё песни пел, потом затих, спать захотел, обмотал вожжу вокруг себя, и собаки сами шли по ущелью. Подвезут Вылку к утесу, остановятся.

— Филипп, проснись!—кричал ему Чернобородов.

И ненец проснется и только скажет на собак: «У, дьявол!»—тронет вожжи и снова спит.

Несколько раз вываливался Вылка из синей, но вожжи тянули его волоком по снегу, и он просыпался от неудобств этого способа передвижения.

Сильный мороз вытрезвил ненца, и почувствовал Вылка, что продрог.

— Поедем уз ходче: в избушке уз выпьем!—предложил Вылка.

Небольшой снежок редкими хлопьями падал на землю.

Опередил Филипп Василия, да вдруг останавливает собак и рукой показывает, несколько раз в правую сторону се протягивает. Понял Василий сразу, что медведь там прошел, и Филипп его следы показывает, куда зверь держал свой путь. Но было уже так темно, что люди решили не итти за медведем до света.

Доехали наконец до избушки. Степа встретил их, помог собак распрячь и чай согреть.

Выставил Василий водку на стол,

— Теперь, Филипп, можно пить. Сам я пить не стану, а ты уж со Степой вместях выпей,—сказал Чернобородов.

Ненец пил водку, закусывал кислой капустой и медвежьим мясом, а ночью спал, как спят солдаты после тяжелого похода.

С утра поехали Василий и Филипп на Большой остров, поднялись на самую высокую скалу и стали смотреть в подзорную трубку на море—нет ли где медведя. Нигде вокруг не бродил медведь, и люди поехали на материк по льду. Взобрались на мысок. Филипп смотрит в подзорную трубку. Простым глазом ничего не видно, а в трубку посмотрел и говорит:

— Медведь-то уз большой казак идет!—а сам мигом завернул собак и в лощину быстрее оленя поскакал.

Красиво получалось это у Вылки. Взрослое дитя природы—ненец—умел, как никто другой, видеть дальше всех, слышать лучше всех, и собаки повиновались ему, как в цирке. Положит он хорей на упряжку,—остановятся собаки со всего ходу. И чутье было у Вылки не человечье, а звериное. Убил он однажды с Василием четырех нерп, лодки не было, и не достать кожи на далеких льдинах. А когда пришли назавтра, не видать нерп, их поджало льдом во время ночного торошенья.

Филипп ходит и носом воздух по-звериному тянет.

— Вашя, вот уз тут долзен быть нерпа.

— Почему?

— А уз салом-то звериным пахнет. Ты разве не слысись?

Ничего не чуял Василий, а ненец стал копать хореем снег на льду, и вскоре показались багровые пятна нерпичьей крови.

Летел на собаках ненец, словно олень от выстрелов скакал, не видно было собачьих ног, так неслась упряжка.

Ветер шел от людей на медведя, и зверь скоро почуял врага.

— Он дух хватил! Уйдет уз!—сказал ненец, остановил

собак, воткнул хореи в снег и закрепил собак вожжей к хорею, чтобы не разбегались.

Филипп, крадучись по-звериному, роняя отрывистые фразы, шел между торосами к мыску.

— Сюда надо итти.

— Тут уз он должен войтти за мысок. Он уз ходко посол. Уйдет в море, дух хватил!—полушопотом говорил ненец.

Спустились люди под толбси, и там нашли медвежий след: он вел к воде. Следы были от крупного казака. Зверь ушел в воду, почуяв опасность, незнакомые запахи.

К Черному носу выехали приятели и снова стали досматривать льды в подзорную трубку.

— Матка впереди идет, детенышка позади еще бегом скочет,—радостно сообщил ненец, всматриваясь в трубку.

Посмотрел и Василий.

Медвежонок бежал теперь впереди и часто уклонялся от пути, намеченного его матерью. Медведица догоняла медвежонка и бесцеремонно поправляла его, хватая за шею своей огромной пастью и толкая в сторону.

— С нас дух или мимо несет? –сказал Василий.—Не хватил бы медведь духа.

Ненец вырвал немного шерстинки из своей малицы и пустил по ветру. Улетевшая шерсть показала ему направление ветра.

— Пройдет. Не хватит уз дух!—сказал Филипп.

— А курить-то можно?

— Кури уз! Далеко дух проносит. Зверь идет помаленьку.

— Филипп, смотри, песец!—сказал Василий.

— Вот дьявольский песцишка!—сказал ненец.—Стрелить-то уз нельзя, медведь услышит!

Жалко было упускать зимнего песца, мартовская шкурка ценилась дороже всего.

— Смотрел трубку, матка дух взяла! –сказал вдруг ненец.

И действительно, высоко подняв свою остромордую голову, медведица тянула воздух.

— Да, теперь уз дух взяла и сейчас уйдет!

Медведица сразу изменила направление, и медвежонок перестал баловаться, а смирно побежал за матерью, потешно ковыляя.

Поехали люди к Сухому носу. С мыска на мысок ходили медведи, и по мыскам их искал человек, которому нужны были звериная шкура и свежее мясо.

— Другой раз там уз олени бывают и нерпа выстает!

С каждым годом становилось все меньше и меньше оленей на Новой Земле. И ничего так не любили ненцы, как охоту на оленей. Олени давали и вкусное мясо, и теплую шубу, и мягкие пимы.

Стала задувать погода, поднялся танзёр—поземка, низовая мятель.

У птичьего базара погода стала еще злее. Здесь ветеран Новой Земли, старый зверобой Запасов, промышлял когда-то медведей. Придержал Вылка своих собак, обернулся к Василию, спрашивает:

— Холодно уз тебе будет, Вашя,—малица твоя худая.

— Ничего,—говорил Василий Чернобородов, а сам жался от холода.

Всякое говорили про ненцев русские промышленники. Чернобородов сам слышал о том, что они окурки подбрасывают к русским пастям и капканам. Но никогда ни один ненец не сделал Василию Чернобородову зла, и Василий не мешал промышлять и жить ненцам. Он считал каждого ненца взрослым ребенком, но избалованным, испорченным еще царскими промышленниками, спаивавшими их водкой, когда у ненца за бутылку водки выменивали песца и за восьмушку махорки—шкурку неблюя, молодого оленя.

Утесы кончились, и перед людьми открылся низкий берег. Филипп остановился вдруг.

— Судно-то уз какой-то стоит,—сказал Вылка..—Мачты сломаны: каютки видно уз.

Посмотрел в трубу и Чернобородов. Действительно стояло какое-то судно, брошенное во льдах.

— Мозет, норвеское судно! спросил Вылка —Мозет, лидю погибли уз? Мозет, бочка рома есть? Поедем?..

— Поедем!

Оказалось это была пустая железная баржа, и не каюты были на ней, а будочка для штурвала. Эту баржу вел «Мурман». Свежим ветром оторвало буксирный канат и нанесло баржу на камни.

На Сухом мысу промышленники разбили палатку и заночевали. Всю ночь завывала пурга, заметала снегом толбеи. Проснулся утром Чернобородов и видит, что Вылка не спит. Тепло Василию, ненец накрыл его всякой рухлядью, а сам ползет из палатки за дровами.

— Ты уз лезы, Вашя. Я дров наколю уз маленько.

Вернулся ненец с охапкой дров.

— Нерпа уз выстает, надо стрѐлить, Вашя!—сказал ненец беря винтовку.

Одиннадцать нерп напромышлял в тот день ненец, но не всех зверей доставил к палатке. Поднялся циклон, развело зыбь в полыньях между стамухами—льдинами, сидевшими на мели, поползло крошево, мелко битый лед, и нельзя было добраться до полей, на которых лежала добыча Вылки.

На следующее утро стихло море, и на стрельной лодочке достал ненец всех одиннадцать нерп. Веселый пришел ненец в палатку.

— Вашя, ты уз сыграй на гармонии-то!—просил ненец.

Заиграл Василий плясовую, постепенно ускоряя темп.

— Ох, уз, Вашька, хоросо ты на гармонии-то играес. Только подожди маленько, давай уз по чарочке-то выпьем!

Выпили промышленники, и ненец стал рассказывать о своей дружбе с Василием.

— Я уз не для себя искал медведя. Мне уз ничего-то не нужно. Я уз тебе бы шкуру отдал!

Наутро уехал ненец в Поморскую губу.

Медвежьего хода больше не было до следующей зимы.

Полжизни на Новой Земле

Мечтою Кузнецова в его молодые годы было научиться промышлять зверя.

Прокопий Журавлев предложил Кузнецову итти с ним на Новую Землю промышлять зверя и рыбу.

— Харчи готовые и сорок рублей за лето,—сулил Журавлев.

Это было двадцать лет назад, когда пионеры-одиночки прокладывали дорогу на север. Ныне зимовки на островах Карского моря ставятся государственными организациями. Оставляют не по одному человеку в этом суровом крае, а по нескольку, целыми коллективами. Так, например, первая зимовка Комсеверпути, высаженная в Пясине, состояла из девяти человек во главе с большевиком Громадским.

Кузнецову не было еще и двадцати лет. Он с радостью согласился итти в работники к Журавлеву.

С ненцем Семеном Ледковым Кузнецов все лето промышлял гольца. Пароход привез с родины недобрые вести: заболел отец Кузнецова, и некому было вести хозяйство.

Вернулся Кузнецов домой, но через три года снова пришел на север. Он женился и стал работать по белушьему промыслу у тестя своего, бывшего хозяина, Журавлева. Жена к весне оцынжала, ноги стянуло ей: она еле передвигалась. На Новой Земле и родила первенца Кузнецову. Кузнецов на руках перенес жену с ребенком на зашедший в становище пароход. Четыре года кряду жена Кузнецова приезжала к нему на Новую Землю и каждую зиму цынжала. Четыре раза дарила она Кузнецову на Новой Земле ребят, и дети выросли здоровые и крепкие, только говорили шепелявя.

Дом Кузнецова в Кармакулах был самым маленьким на всем земном шаре. Он был построен из двухметровых балансов, которые шли на дрова. Изба вышла длиною и шириною в два метра. Окон в этой избе не было. И когда Кузнецов вытягивался на койке, голова его упиралась в одну стену,

а ноги—в противоположную. Собаки Кузнецова жили у него под койкой и давали тепло помещению. Летом в избу свет проникал сквозь щели, а зимой ее закрывало снегом по самую крышу. Ноги у Кузнецова были всегда в оленьих пимах, спал он в малице, но мерз сильнее своих собак. Чугунка не могла прогреть надолго крошечный дом зверобоя.

С каждым годом Кузнецов становился опытней и хитрее в ловле зверя. Никто не мог сравниться с ним в нечеловеческой трудоспособности. И если Кузнецов не доставал зверя, значит его там не было. Зверь не мог уйти от Кузнецова. Стали считать Кузнецова хорошим промышленником. Он добывал уже сам оленя и песца. Из Кармакул привозил зимовщик к себе в избу краюхами хлеб. Хлеб в пути замерзал; его приходилось рубить топором и оттаивать на чугунке. На припайке, возле которого жил, на береговом льду всю зиму стрелял Кузнецов чистиков и маленьких птичек, напоминающих нашего кулика по размерам и по вкусу. Два-три чистика досыта кормили одного человека. Кузнецов стрелял в них из окна своей избушки.

Кузнецов жил тринадцать лет на Новой Земле, из них девять лет—безвыездно и ни разу не цынжал, но каждый раз, когда промышленник зимовал в родной деревне, он всегда чем-нибудь болел: хворь привязывалась.

До сорока бочек звериного сала в хорошие годы заготовлял Кузнецов и, когда кончался зимний промысел, весь груз сдавал на пароход, подходя к нему на карбасе под парусом.

Летом, когда на Новую Землю прилетали с юга тучи птиц, затмевая солнце своими табунами, Кузнецов собирал яйца, сам питался ими зимой и хранил для привады на песца. По несколько тысяч штук яиц запасал Кузнецов на зиму. Мясо кайр—черное, крепкое и невкусное, но, когда не было другого, ели и кайру. Сделав тысячемильные перелеты с далекого юга на север, дикие гуси тысячами оседали на Новой Земле. Гуси линяли здесь, становились нелетными. Промышленники, объединяясь в артели, били гусей палками, стреляли

Первые люди на острове Шокальского. Капитан Бурке, штурман Шарбаронов и зимовщик Жданов определяют астрономический пункт.

Чухновский прилетел в бухту Север (Карское море). Берег завален плавником.

Notes

из старых дробовиков. В Белушьей губе один промышленник другому сгоряча руку прострелил: так распалялись люди на этой охоте.

По сорок голов нерп убивал в день промышленник Кузнецов и весь груз перетаскивал к сараю, построенному у маленького дома. Он так уставал, что, не дождавшись, пока весело зашумит в чайнике растаявший снег, засыпал мертвым сном.

Кузнецов вставал уже тогда, когда в чугунке серным пеплом покрывался прогоревший плавник и в чайнике вместо кипятка был лед.

Не раз проваливался Кузнецов под лед, падал с крутых утесов-толбеев и потопил не одно ружье. Этот рыжебородый промышленник, всегда веселый, говорливый, мог работать сутками, не разгибая спины.

В непогоду ныла рука зверобоя, и болела разбитая о камни грудь. За день вперед его тело предсказывало непогоду.

Тринадцать лет зимовал Кузнецов на Новой Земле и год на Шокальском острове.

Полжизни прошло без людей, с собаками, в блеске льдов, шуме моря и вспышках сияний Севера.

Только такие люди могли прокладывать теперь дорогу по необжитому краю. Это были русские американцы.

Пионеры советского Севера добывали республике сало, кожу, пушнину. Отказавшись от личной жизни, они уходили на дальний и жестокий Север советов.

Пройдут годы, и люди с благодарностью вспомнят их имена.

Остров Безмолвия

Погодчики «Малыгина» предсказывали приближение норд-вестов. Северные ветры поднимали большую волну на море. Нельзя было подойти на шлюпке к острову Шокальского. Несколько раз мотор буксировал к берегу фансбот, на котором был груз зимовщиков.

Трое, прожившие год в Пясине, решили зимовать в этом году на Шокальском.

— А семьи как же?

— Мы их обеспечиваем своим промыслом.

— И они не против такой разлуки?

— Может быть, и недовольны, да мы об этом не знаем. Письма сюда не доходят. В навигацию получили радио: «Живы, здоровы, письмом подробно», а писем так и не читали, где они гуляют,—не знаем.

Мотор шел полным ходом к острову Шокальского. Все время захлесты били в лицо солеными брызгами. И ветер забирался под дождевик. Услышав стук мотора и почуяв людей, собаки забегали на острове около избы, оглашая воздух глухим лаем.

Отмель не позволила подойти к берегу. Моторный катер чертил килем по грунту, и все время приходилось давать обратный ход. Мы не могли найти фарватер. Из избы вышел человек и рукой стал показывать, куда нам итти.

— Давайте шлюпку!—зычно возгласил Евгенов.

Мы оставили мотор на якоре, пересели на шлюпку и через несколько минут были на песчаном берегу низкого и ровного острова.

Все собаки острова дружелюбно приветствовали нас.

— Они злы бывают только в упряжке. Если с хода собака налетит на человека, обязательно схватит. Лучше не попадайся,—говорил зимовщик Кузнецов—первый житель этого острова.

Кузнецов за время зимовки смастерил маленькую четырехколесную телегу и приучил собак ходить в упряжке веером. Погонял он их длинным шестом-хореем. Снаряжаясь в тундру, Кузнецов подзывал к себе вожака, тот послушно подходил к зимовщику и вытягивал вперед шею, подставляя ее под лямку. За вожаком Кузнецов называл по имени остальных собак, и все подходили так же послушно, как ученые лошади к знаменитому Труцци. Кузнецов выдрессировал за год дюжину собак и напромышлял с двумя товарищами более

двух с половиной сотен песцов, несколько медведей и оленей.

— Собака—нам друг и помощник. Ни один добрый конь того не сделает на этом острове, что вот эта собака,—сказал зимовщик, показывая на вожака.—А все вместе они полтораста-двести кило увезут да меня в придачу. И бегать будут целый день. Километров пятьдесят отмахают, а то и все сто прогонишь, тогда остановишься, покормишь их. Они ведь ничего не говорят: поспят и опять готовы бежать.

Кузнецов лихо ездил на своей упряжке. Страшно становилось за человека—так летела, подпрыгивая по застругам тундры, тележка.

На этом унылом острове, который то-и-дело закрывало туманом, Кузнецов работал по шестнадцать часов в сутки.

Зимовщик был оживлен. Его рыжая борода, отпущенная за зиму, тряслась при разговоре, а голубые глаза горели огнем. Он давно не видал столько людей сразу, и ему хотелось говорить со всеми и без умолку. Он радовался, он был возбужден еще и потому, что завтра переходил на «Малыгин». Ледокол должен был доставить его в Архангельск, откуда недалеко и до Шенкурска, до близких ему людей, до его родины.

— Я девять зим зимовал раньше на Новой Земле безвыездно, а всего тринадцать раз уже зимую,—рассказывал зимовщик.—Первое время наши русские не знали, как с собакой обращаться, кричат ей: «Тпру! Н-но!», а она прет, куда хочет. Потом научились по-ненецки кричать вместо «н-но!»—«пырь!», вместо «тпру!»—«ля!»—А вот пясинские теперь остаются здесь зимовать, придется им переучиваться. Они там командовали по-юрацки: вместо «н-но!»—«усь!», вместо «тпру!»—«тобо!»

— Ты им скомандуй «пырь», возьми в руки хорей, побегут, как волки, куда хочешь! В воду, так в воду. Живо меня с тележкой перекинут через речку—не остановить!—радостно рассказывал Кузнецов.

— Веселый человек, с таким на зимовке не скучно: не зацынжаешь,—говорил пясинец, остававшийся вместо него в избе на целый год.

Вокруг жилья валялись пустые банки из-под консервов, кости, обручи, плавник и всякий хлам.

— Койки нам по росту не выходят, видите, какие мы подобрались высокие. Придется переделывать,—говорил остававшийся зимовщик.—Но первое дело у нас груз перенести подальше от берега, чтобы не подмочило прибоем, а потом скорее собирать плавник. Через несколько дней пойдет снегопад, засыплет плавник, не достать его, не увидать под снегом—и останешься здесь без дров, без тепла, на этом диком острове.

— Был я в избе Ломакина в бухте Полынья, где сидит на камнях «Житков»,—там настоящая свинарня. Неужели и у вас будет так же?—спросил один из малыгинцев.

— У нас этого не было и не будет,—решительно заявил зимовщик-пясинец.—У нас по неделям дежурный следит за порядком, готовит обед, избу подметает и все по дому делает. Если с промысла пришел поздно, все равно дежурный тебя накормит, напоит и ухаживает за тобой.

Мотор покидал остров Шокальского. Зимовщики стояли на берегу, махая шапками, визгливо лаяли собаки, мокрый снег слепил глаза. С нами уходили первые жители острова, там на берегу оставались другие люди.

Далеко за белыми гребнями волн в дымке тумана стоял «Малыгин»—последний пароход, который видели зимовщики в этом году.

Только через год, если позволят льды, сюда придет судно и сменит оставшихся зимовщиков.

Через год люди часто будут выходить из избы прислушиваться к стонам моря, засматривать вдаль, не покажется ли где дымок парохода, не идет ли желанная смена.

«Ну-с, вот и великолепно!»

Звербой Кузнецов натянул на ноги бахиллы[1], одел полушубок, взял подзорную трубку и ружье и пошел к моторному боту, стоявшему за кормой «Малыгина». Старый промышленник повел на остров Шокальского охотников. На море ветер разводил большую волну, а у самого берега прибой бил с такою силой, что все охотники вымокли до нитки. Люди шли на охоту не ради забавы. Начальник экспедиции Евгенов поручил им добыть оленей. Экипаж корабля уже съел оленей, убитых на Диксоне. Приходилось снова приниматься за консервы и соленую треску.

Но напрасно ползали охотники по болотистой тундре. Как ни старались они, крадучись, подойти к оленям, звери их заметили и во-время умчались к северной части острова, куда по болотам тундры было еще не менее двадцати пяти километров.

Охотники вернулись на ледокол с пустыми руками, но с жаром рассказывали о своем путешествии.

В самый разгар беседы кто-то из слушавших вдруг крикнул:

— Смотрите, муха села на стол!

Все обернулись удивленно и стали смотреть на едва живую муху, медленно передвигавшуюся по засаленной скатерти стола кают-компании.

В Москве удивились бы не мухе, а кричавшему. Но здесь, в тысяче километров от жилья, в Красном море, в конце сентября муха была редкостью.

— Про муху за полярным кругом я слышал рассказ старого зимовщика,—сказал лучший охотник ледокола, доктор Чечулин.—На одной зимовке жила муха. Она одна представляла свое племя на рации сурового острова Севера. За ней ухаживали, как за ребенком, и даже звали по имени.

[1] Бахиллы — высокие непромокаемые сапоги поморов-зверобоев. (Прим. авт.)

Но вот однажды—это был ужасный случай!—муха села на лоб зимовщику, и тот машинально шлепнул ладонью по лбу. Погибла муха, но и зимовщику попало изрядно: его чуть не избили товарищи, так все были огорчены.

— Помните книжку на рации Диксон,—сказал один из малыгинцев.—Там одна зимовщица Акиньшина даже стихотворение сочинила. Как это там у нее было сказано? Да вот:

Звонок на чай, звонок на ужин,
Как в пансионе детвора.
Кружок заброшенных недружен —
Настала темная пора.

Какой-то скудный сумрак днями,
И целых девяносто с лишком дней
Радиомачта лишь с пургами,
Да люди делаются злей.

— Верно, чорт возми, сказано!—воскликнул один, зимовавший два раза за полярным кругом.—Первое время жевешь ничего. Знакомишься с составом рации. Узнаешь про других и сам о себе рассказываешь. Проходят недели, месяцы. Разговор иссякает. Уже обо всем сто раз переговорено. Каждый знает друг про друга все в подробностях, и начинается эта полярная скука, злоба и меланхолия. Вот и следишь тогда за тем, кто сколько ложек сахара кладет в стакан и долго ли размешивает. «Коля, да перестань ты звенеть ложкой! Ведь каждый день одно и то же. Право это надоело!» И все прислушиваются к каждому стуку и лишнему шороху. Все лишнее сразу вызывает недовольство.

— Мне на одном убековском[1] судне рассказывали любопытную историю,—заметил доктор.—Один зимовщик каждое утро после чаепития подходил к окну и, облокотившись, вглядывался вдаль. Постояв с минутку, он говорил: «Ну и погодка, чорт бы ее драл!» И так повторялось изо дня в день, из недели в неделю. Однажды его избили за это, и он перестал наблюдать погоду.

---

[1] От слова «Убекосибирь» — Управление по обеспечению безопасности кораблевождения в сибирских морях. (Прим. авт.)

— И у нас такой же случай был с метеорологом-наблюдателем. У него привычка была: поговорит с минуту, задумается, а потом и скажет: «Ну-с, вот и великолепно!» Говорил, говорил, пока всем не надоело. Ну и всыпали ему за поговорку: опротивело всем, хоть вешайся!

— На зимовке нужно всегда иметь работу,—сказал старый полярник, допивая стакан уже остывшего чаю.—Чем больше свободного времени, тем хуже зимовщику. Нужно так расписать свое время, чтобы его едва хватало. Тогда не будет этих стычек, характерных для зимовок.

Глухо пробили склянки. Часы показывали полночь. Кают-компания скоро опустела.

Исчез самолет

Синоптики ледокола «Малыгин» предсказывали плохую погоду. Нужно было торопиться с уходом. Остров Шокальского не защищен от северных ветров, которые ополчались на материк. «Малыгина», стоявшего на якоре, уже изрядно покачивало, и, когда его машины дали ход, ледокол сразу заковылял по водяным ухабам. Океанская волна, которая шла сюда, быть может, сотни миль, отделялась бездной, зеленым провалом от другой, бежавшей вслед за нею с белым искристым гребнем. Ледокол стремительно падал в эти водяные ухабы и выскакивал из них, словно мячик. Волны перекатывались через спардек, били в окна, иллюминаторы, в борт корабля, захлестывали верхний мостик. Никого, кроме вахтенного, не было на верхней палубе. Звенела и дребезжала в буфете посуда; по каютам, словно живые, бегали чемоданы, мыльницы, зубные щетки. Терялось представление о том, где пол и потолок,—так опрокидывало ледокол. Это был только восьмибальный шторм и для полноты картины не хватало еще четырех баллов. Все ванты, взбегавшие к верхушкам мачт, поручни, вся палуба «Малыгина» обледенели.

Банка в Югорском Шаре, которую неожиданно открыл

«Малыгин», сделала его слегка аварийным судном,—вот почему командование щадило ледокол. С полсуток его бросало по волнам моря, и будто затем, чтоб отдохнуть, набрать силы для новых схваток со штормом, он лег в дрейф, держась против волны. Сразу уменьшилась качка, и размахи ее стали мерными.

Самолет Чухновского «Комсеверпуть[1]», закончив свою разведывательную работу в Карском море, вылетел 24 сентября в 11 часов по московскому времени в Игарку, направляясь в Красноярск. Так сообщало радио, в котором Чухновский посылал привет «Ленину» и «Малыгину»—ледоколам-соратникам.

От Диксона до Игарки шесть часов полета, но прошло двенадцать, и никаких сообщений о самолете ниоткуда не поступало.

Чухновский должен был пролететь над рацией Усть-Порт и сбросить там посылку. Начрации Усть-Порта был об этом предупрежден и ждал самолет.

Но воздушный корабль не показывался над Усть-Портом, не садился в Игарке, не возвращался на Диксон. Двое суток прошло с того момента, как, вырвав из воды лодку самолета, Чухновский взмыл в небо, взяв курс на юг Енисейского залива.

— Я думаю, ничего опасного не случилось,—говорил начальник Карской Евгенов.—Чухновский слишком осторожный летчик, чтобы нам предполагать что-либо скверное. Туман или снегопад заставили его временно снизиться и выжидать погоду. Если положение до завтра не выяснится, мы пошлем самолет «Комсеверпуть 2» на поиски экипажа Чухновского.

Иванов, командир самолета, стоявшего на якоре в Диксоне, сам сообщал о том, что считает начало поисков неотложным и с утра летит искать Чухновского.

На рассвете Евгенов разбудил синоптиков и гидролога. Одного из синоптиков усадил за карту, предложив дать предсказание погоды на ближайшее время, другого послал

делать метеорологические наблюдения, а гидролога—исследовать морскую воду, ее соленость, ее температуру, определить запасы ее тепла. Это был научный аврал [1].

— До глубины двенадцать метров температуры шли положительные, а ниже были отрицательные. Все обстоит сравнительно благополучно и в ближайшие дни не предвидится замерзания,—так говорил молодой гидролог Алексеев.

Летчику Иванову нужно было дать несколько часов хорошей погоды для полета. Но не таков был экипаж «Комсеверпути 2», чтоб выжидать погоду. Когда ледокол «Малыгин» гремел уже якорной цепью в бухте Диксон и с борта спускали моторный катер,—самолет, сделав большой разбег, взвился в воздух.

«Комсеверпуть 2» при сильном боковом ветре оставлял воды Диксона, взяв курс на Гольчиху.

Иванов, Страубе, Вердеревский и Побежимов ушли искать Чухновского—первого летчика Карского моря, первого, кто рискнул бороздить его коварное изменчивое небо на самолете.

Черные скалы Диксона в несколько часов закрылись ослепительным голубевшим снегом. Диксон сразу принял зимний вид. Бухта еще не замерзла, но воды ее резвились уже последние, считаные дни. Температура воды продолжала падать, и скоро острова и островки бухты должны были соединиться надежным и крепким ледяным мостом.

Из-за туч, неожиданно набежавших, скупо и низко показывалось солнце. Промышленники из артели Буторина гребли на маленьких лодочках к ледоколу, который должен был доставить их в Архангельск.

Пять томительных часов ожидания, и вот низко над морем показался самолет. Он сел близко к берегу, у которого стояла рация, и подрулил в тихую бухточку—свое излюбленное место стоянки.

У фактории Гольчихи к снизившемуся самолету набежали

---

[1] Аврал — общая работа всех вахт на корабле. (Прим. авт.)

нещы и на расспросы летчиков оживленно рассказывали о том, что видели такой же самолет, который летел на юг.

— Чухновский где-то сделал вынужденную посадку, затем снялся и теперь летит в Игарку,—так рассуждали летчики «Комсеверпути 2».

Одновременно с прилетом Иванова, по радио пришла весть от самого Чухновского из Усть-Порта:

«Снежная пурга, отсутствие видимости заставили сделать остановку в бухте Север близ Майрановского. Пытались, но безуспешно, вызывать по радио Диксон. Связи ни с кем наладить не удалось»,—сообщал Чухновский.

— Только мы вылетели из Диксона,—рассказывал Иванов,—как навстречу два снежных заряда. Мы их обошли. Летели низко, метров на сто от воды. Местами накрывал туман, и при посадке чуть коснулись грунта в Енисее у Гольчихи. Грунт мягкий, песок, и все сошло ол-райт.

— Хорошо то, что хорошо кончается,—сказал Евгенов, провожая летчиков, уходивших с ледокола на рацию Диксон.

По-зимнему

«Малыгин» пришел с острова Шокальского снова к острову Диксон, к тому месту, где уже несколько раз он гремел своим якорным канатом, но это был уже не тот остров, который мы видели неделю назад. Его занесло снегом.

В бухте едва рябила вода, и чуть задувал ветерок.

К вечеру зюд-ост усилился, закрепчал и погнал воду пенящимися беляками. Ледокол повернуло кормою к проливу.

— Не потравить ли немного канат?—спросил вахтенный штурман капитана Черткова.

— Потравите четыре смычки: спокойнее стоять будет,—согласился тот.—Набежит пурга, ни чорта не разглядишь!

Ветер натягивал неимоверно тяжелый канат якоря. Бывали случаи, когда ветром дрейфовало судно, и оно шло на берег гибнуть на камнях, волоча по дну дрейфующий якорь, который не мог совладать с ветром и брел по грунту. Так

было со шхуной «Житков» в бухте Полынья возле Диксона два года назад.

Чем больше выпускали якорный канат, тем тяжелее было ветру выпрямить его провес в воде, и судно увереннее стояло на якоре.

На спардеке ледокола ветер мешал вахтенному передвигаться.

Синоптики, вооружившись анемометром, определяли силу ветра. Маленький анемометр показал огромную силу ветра, дувшего со скоростью двадцать метров в секунду. Это был девятибальный шторм, а при двенадцати баллах на море бушует уже ураган.

— В такую погоду только и слушать SOS,—говорил радист Никитюков в радиорубке.—Сейчас ответственная вахта. У нас «Зверобоя» не сразу услыхали. Наши приняли его SOS которое репетовало судно «Ленгосторг». Ведь каждый радист, получив SOS, должен немедленно об этом доложить капитану и на большой волне передавать сигнал дальше, чтобы возможно больше людей оповестить об опасности, которая угрожает судну.

— Надо отдать и левый якорь на полторы смычки,—спокойнее будет,—сказал капитан Чертков вахтенному штурману. —Пускай включат огонь на баке, чтобы можно было следить за якорными канатами.

Вахтенный побежал за электриком.

Зажгли огни на баке, и старый капитан долго всматривался вниз, в воду, стучавшую своими накатами о борты ледокола.

— Хорошо. Теперь я вижу, как канаты работают,—сказал Чертков и пошел, чуть отваливаясь назад, в свою походную каюту.

Неожиданно пошел снег зарядами и вмиг накрыл белым саваном спардек корабля.

Закончив погрузку дома в Усть-Порте для зимовщика Пясины, «Белуха» медленно продвигалась вперед к Диксону. В

коварном фарватере. могучего Енисея разбирались только лоцманы. Только они проводили корабли по устью Енисея.

«Белухе» не дали лоцмана, его не было в Усть-Порте, он ушел с кораблями Карской экспедиции, и «Белуха» села на мель. Стащить «Белуху» с мели должен был мощный буксир «Кооператор», но грунт был песчаный, не опасный, и «Белуху» сняло с мели при полной воде ветром. Теперь она, руководствуясь неточными картами, продвигалась вперед по малоисследованному краю, в пургу и в девятибальный шторм.

Видимости на море не было никакой, и люди шли только по счислению, откладывая на карте пройденное судном расстояние, доверяясь показанию лага.

В радиорубке ледокола была получена телеграмма с «Белухи». Шхуна просила ее запеленговать, определить место ее нахождения.

На ледоколе зажгли яркие электролампы, ослепительно замелькали вокруг огней хлопья снега, кружась возле мачты. Какие-то маленькие птицы прилетели на огонь и тоже кружились вместе со снежными хлопьями возле сильных огней ледокола.

Отшумели волны в бухте Диксон. Не показывались беляки. Только чуть зыбилась вода, словно отяжелев. Температура воды и воздуха стремительно падала с каждым днем. Синоптики Карской экспедиции предсказывали дальнейшее похолодание.

Первого октября обледеневший самолет Иванова «Комсеверпуть 2», едва вырвавшись из воды, ушел по направлению к Новой Земле. К моменту отлета в западной части бухты Диксон уже появилось сало-снежура[1]. Термометр показывал минус 3,5°. Начальник Карской Евгенов решил сам полететь в последнюю ледовую разведку. Никогда так поздно в Карском море не летал самолет. Черные скалы Диксона закры-

[1] Сало — скопление на поверхности моря ледяных кристаллов, еще не скрепленных в ледяную корку. Снежура — сало, запорошенное снегом. (Прим авт.)

лись снегом на целых десять месяцев. В ясные ночи разворачивались, словно штуки цветного креп-де-шина, дрожа будто от ветра, световые искрящиеся полосы полярного сияния.

Много снежных зарядов встречал на пути самолет, полчаса летел в сплошном тумане. Глубокая воздушная разведка продолжалось около трех с половиной часов.

— Шапка льдов, нависающая с севера, не продвинулась на юг,—радостно сообщил в кают-компании вернувшийся с разведки Евгенов.—Но в море нам показалось, будто вдали виднелось уже сало. Иванов это утверждал.

Разведка была столь же необходима, сколь и опасна. Накануне Евгенов предупреждал Игарку, где была вся головка Комсеверпути:

«Средний за десять лет наблюдений срок появления сала в Диксоне — седьмое октября. В настоящее время температура поверхностной воды 0,4°. В ночь на тридцатое сентября температура воздуха — 7°. Частый снегопад способствует быстрому охлаждению воды. Нахожу рискованным оставлять самолет на Диксоне позднее четвертого. Иванов согласен со мною».

Так молнировал Евгенов.

Но полярный холод обгонял даже молнии-телеграммы. И снова вдогонку летели в эфир сообщения Евгенова:

«В ночь на второе бухта Диксона покрылась снежурой-салом, местами плотного блинчатого строения. Срочно готовим самолет к вылету»..

— Самолет должен вылететь сегодня, завтра будет уже поздно,—говорил Евгенов.

Самолет рисковал вмерзнуть в бухту. Тонкой оболочке лодки-самолета и самому воздушному кораблю грозила гибель.

На Диксоне стояла ледовая масленица. Вся бухта покрылась блинчатым льдом. Куда только хватал глаз, виднелись круглые блины тонкого нового льда, покрытого снежурой. Вода казалась жирной и густой.

Чтобы выручить летчиков из бухты, затянувшейся салом и блинчатым льдом, начальник Карской послал к ним для буксировки моторный катер.

Самолет вывели в разреженную шугу, по которой он сам подрулил к «Белухе», возвратившейся из Усть-Енисейского порта.

Капитан Бурке спустился по штормтрапу своего судна и перешел на жабру[1] воздушного корабля. Бурке улетал в Игарку, куда его вызывал Лавров—председатель правления Комсеверпути для составления плана промысловых работ на 1931 год в полярном море.

Иванов дал полный газ. Задрожал самолет, заревел моторами на всю бухту и побежал по воде, словно нелетная гусыня. Он тяжело вырвался из воды, снова прикоснулся к ней своей лодкой, будто поцеловав на прощанье, и грузно потянул вверх.

— Поднять сигнал!—скомандовал Евгенов.

— Счастливого пути,—говорили немые толмачи—пестрые флаги с мачты ледокола.

Три белых облачка у свистка «Малыгина» увидели летчики сверху. Ледокол салютовал воздушникам, оставлявшим карские воды.

Весь корпус, крылья самолета, покрытые тонким слоем льда, искрились на солнце. Низко, едва не касаясь крылом снежуры, улетел самолет. Видно было, как воздушники в знак приветствия махали руками, пока не скрылась дюралюминиевая птица, которой они управляли.

Обогнув «Малыгина», самолет пошел, держа курс на остров Диксон.

— Он прощается с островом и рацией,—сказал Евгенов.

«Комсеверпуть 2», сделав круг над Диксоном, уходил на юг к водам могучего Енисея.

Зимовщик Чернобородов долго смотрел вслед гидроплану.

---

[1] Жабра служит для сохранения поперечной устойчивости лодки самолета и для крепления плоскостей. (Прим. авт.)

— И впрямь, как птица, поднимается. Вот у нас тоже гуси, гаги против ветра поднимаются. Тяжелой птице это легче. Замечательная это штука, морской самолет,—говорил зимовщик.

Ночью в радиорубке уже принимали сообщение из Усть-Енисейского порта.

«Комсеверпуть 2» сделал там первую посадку и брал горючее. Экипаж самолета благодарил начальника Карской, так много содействовавшего успехам лётной части экспедиции.

Через два дня после отлета «Комсеверпути 2» бухта Диксон стала.

Солнце еще светило. Несколько недель оставалось ему ходить над этим суровым краем, перед тем как покинуть его на девяносто дней. На смену шли сумерки полярной ночи и волшебные переливчатые огни северных сияний.

Я поднялся на спардек. Недовольные своей новой квартирой, ревели медвежата в деревянной клетке. Быть может, их раздражал писк радиорубки, возле которой квартировали звери. Двух белых пленников доставили в шлюпке с острова Диксон, где их купил экипаж Чухновского, чтобы подарить московскому зоопарку. Медвежат поймали живьем, и хозяин их, зимовщик Диксона, не хотел с ними расставаться. Он решил, когда медведи подрастут, повесить, задушить их, чтобы не портить звериные шкуры пулей. Насилу Чухновский уговорил его отказаться от жестокой расправы.

Их доставили на ледокол снежно-белыми, пушистыми, а через день они до того изнавозились, что стали напоминать бурых медведей. За медвежатами, по поручению Чухновского, присматривал борт-механик Винников, бывший на ледоколе. Он прогуливал их по палубе, распугивая людей, выходивших из душных кубриков смотреть на полярное зверье.

Медвежата подходили к релингу—поручням ледокола—свешивали свою голову через борт и жадно ловили запахи, шедшие по льду с далекого берега.

Только вчера мы проходили на шлюпке к материковому берегу. Мы едва выгребали, так отяжелела вода от игол, сала и снежуры. Сегодня же вся бухта затянулась неровным льдом. Местами он чернел, так был тонок его покров. Неожиданно прорвавшиеся ветры привели в движение подледную воду. Лед на бухте подымался, дышал, словно живой, и, казалось, вот-вот его разломает. По спардеку трудно было передвигаться. Даже медвежатам было холодно на ветру, и они тихо, по-собачьему, скулили.

Ветер трепал брезент на ледоколе, наметал снег на палубу и пронзительно свистел, словно сирена парохода, попавшего в туман. Снегопад усилился, и скоро закрыло острова в бухте Диксон.

Шхуна «Белуха», закончив операции в Пясине, медленно входила в бухту, затянутую льдом. Лед и ветер не давали шхуне подойти ближе к «Малыгину», стать на рейде.

«Белуха» бросила якорь почти у самой кромки. Сплошной молодой лед был крепок для «Белухи». Но против девятибального ветра и он не устоял, захрустел вдруг по всей бухте, заторосился. Разломав лед, ветер словно ополоумел от радости и стал тащить шхуну, стоявшую на якоре, к камням бухты Хеймен, где некогда зимовали норвежцы, отыскивавшие Тессема и Кнудсена.

Радист «Малыгина» Точилов пробежал по спардеку в кают-компанию. В руках у него был желтый лоскут радио:

«Весьма срочная. «Малыгин». Евгенову.

Льдом и ветром несет на мыс бухты Хеймен, необходима помощь.

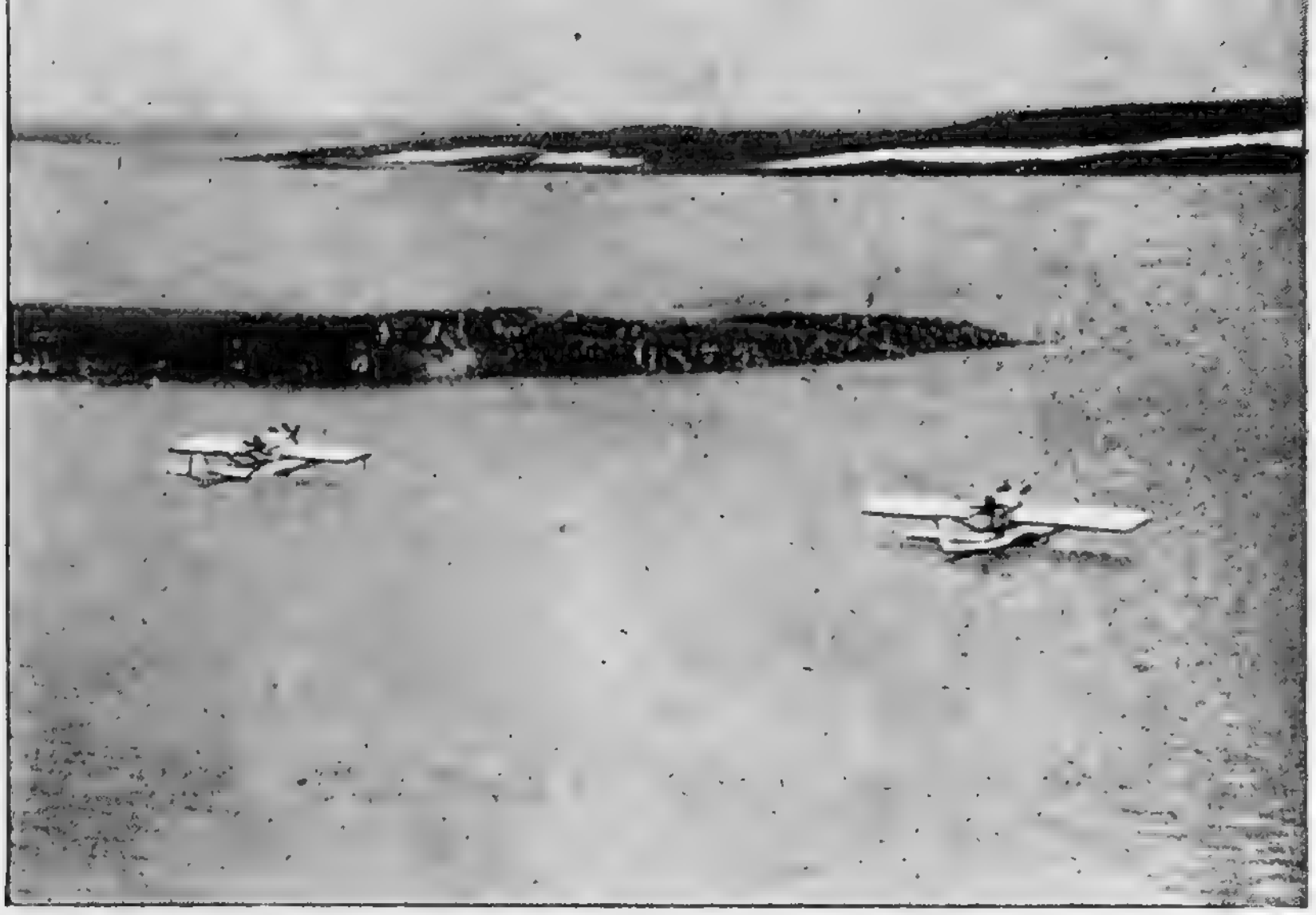
Шарбаронов».

Старший штурман, теперь молодой капитан Шарбаронов, которому вверили на-днях «Белуху», просил о помощи.

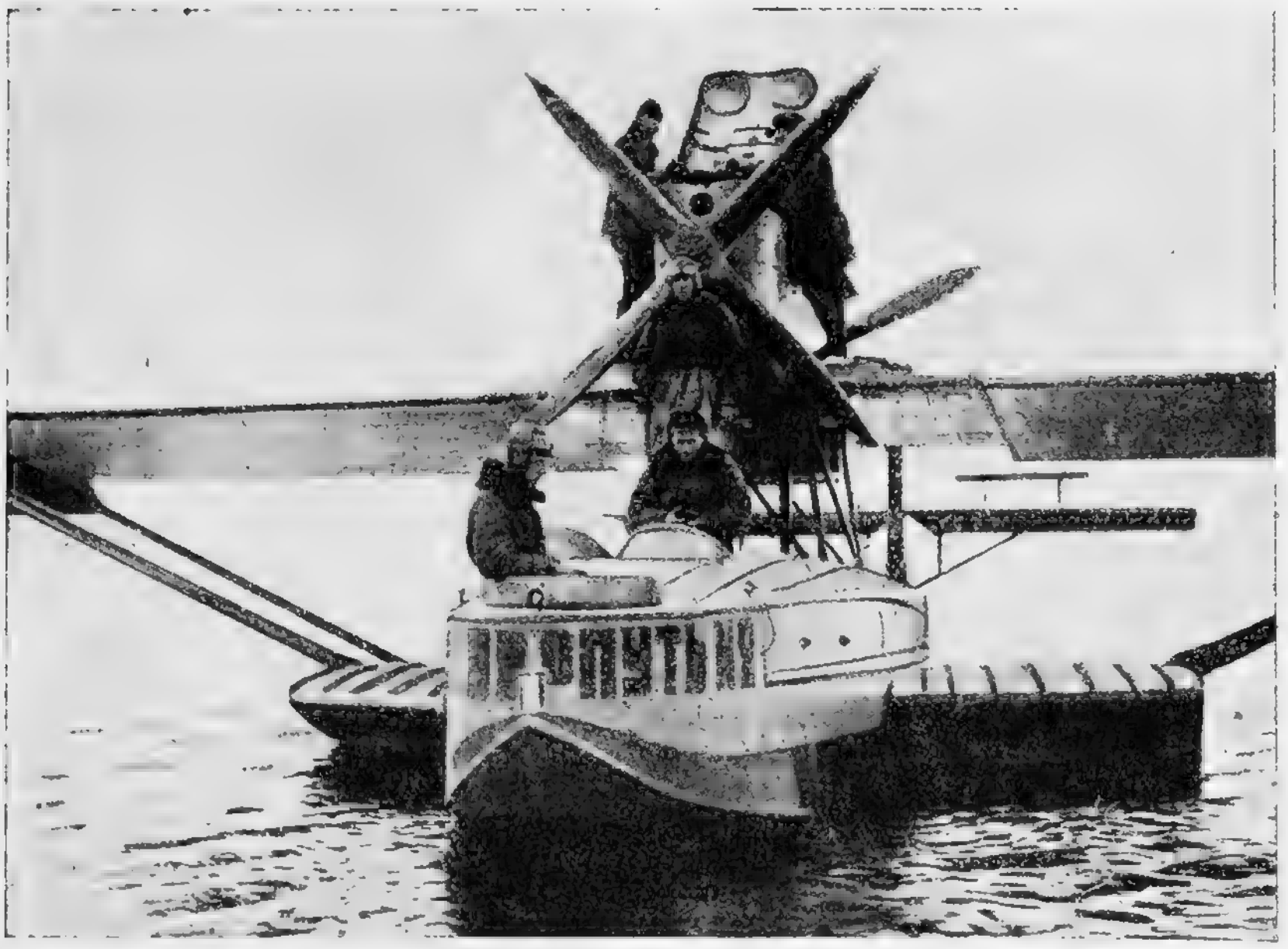
«Малыгин» приготовился сниматься с якоря, как вдруг Точилов принес новый листок Евгенову:

«Сильным напором льда ветра были прижаты к острову Наковальня. Слегка коснулись грунта десяти саженях берега. Повреждений нет. Машиной якорями снялись благополучно. Благодарю за принятые меры помощи.

Шарбаронов».

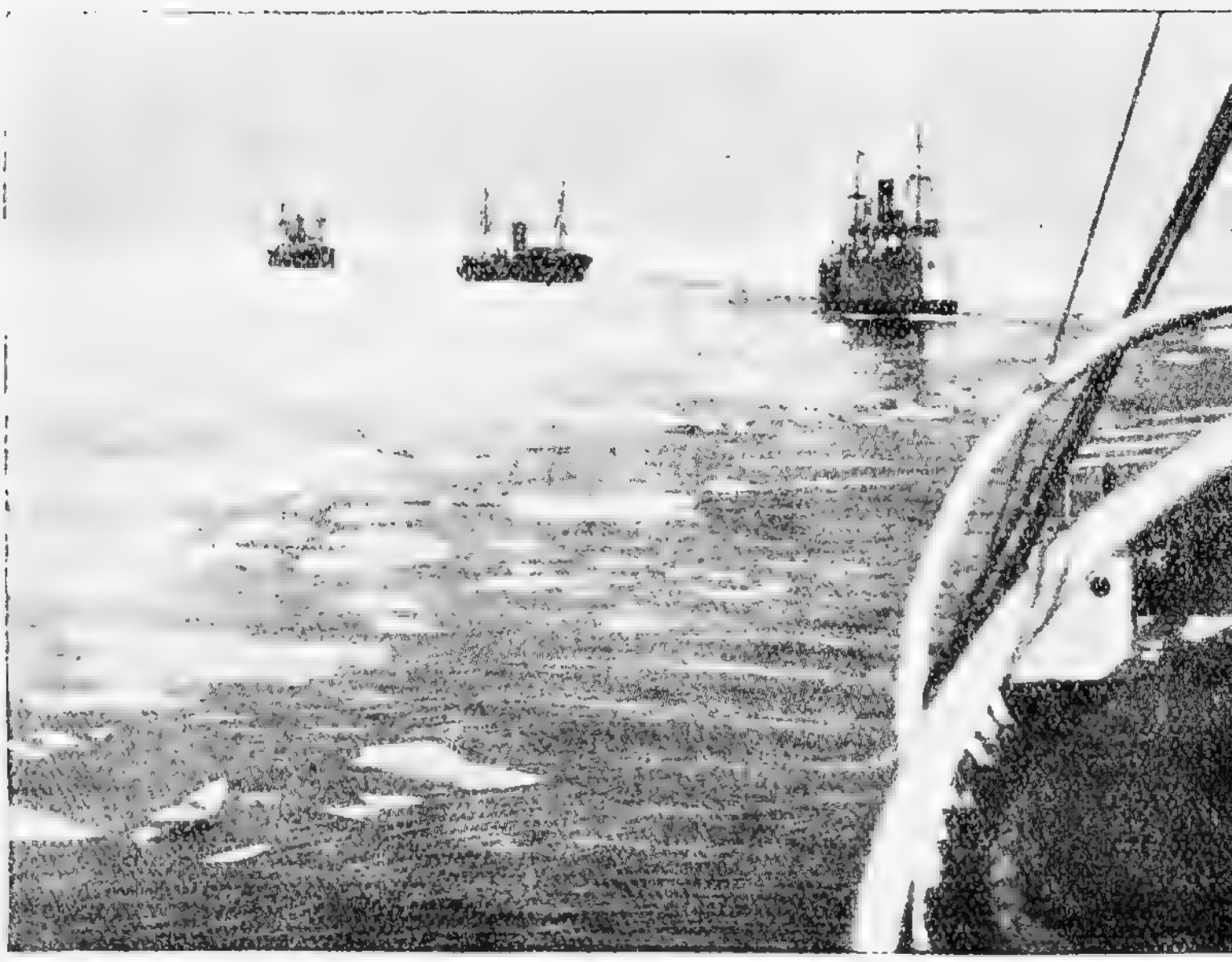


Стоянка самолетов в бухте Диксон.



«Комсеверпуть 2» готовится к отлету из бухты Диксон в Красноярск.

Ветеран Севера — ледокол «Малыгин» в бухте Диксон.



Проводка судов сквозь льды к устью Енисея.

Notes

За час до аврала Шарбаронов получил радостную весть. Зимовка «Белухи» в Карском море отменялась. Лавров и Бурке направляли шхуну на Новую Замлю с поручениями по развозке промышленников и оттуда на зимовку в Мурманск.

«Исполняя работу, берегите судно»,—сообщалось в молнии.

Экипаж шхуны с честью выполнил приказание своего старого командира.

А ветер продолжал свирепствовать. Он разломал весь лед в бухте, всю зимнюю надстройку, которую медленно создавал мороз. Он угнал разбитый лед в море и к ночи очистил бухту под метелку.

Ледокол «Малыгин», которого изрядно болтало на стоянке, отдал для безопасности второй якорь.

До самой ночи была плохая видимость. Синоптики говорили об огромном циклоне, который захватил пространство в тысячу километров. Если бы человек имел машины, которые могли использовать даровую чудовищную силу циклона, то больше чем сотня Волховстроев мог дать энергии для страны могучий полярный ветер.

Гидрологи взяли пробу воды. В посуде, где была морская забортная вода, опять плавали иглы. Зима снова начинала свою стройку.

Последние корабли

Сегодня необычно разбегались по звездному небу переливчатые огни северного сияния: будто змеевидная радуга. С быстротой гигантского прожектора, разбрасываясь, раскидываясь, словно цветной китайский бумажный веер, огни Севера вдруг собирались вместе и затухали, чтоб снова через минуту вспыхнуть неожиданно в другом месте. Полная луна, окруженная венцом, отражалась в густой полированной глади моря, покрытого снежурой. Легкий ветер не возмущал моря, так отяжелели его воды от сала и снежуры. Низко над водным горизонтом стелились темные снежные облака. «Малы-

тин» не дошел до острова Белого. Тяжелых льдов не встретил ледокол, их не пригнали сюда северные ветры, но выбираться давно уже следовало пароходам из моря, которое только и ждало полного штиля, чтобы замерзнуть на большие пространства в один день. Ледокол повернул снова на Диксон, к которому шли последние суда: «Сакко» и «Крестьянин»

Погрузочные операции на реках были закончены. Оставалась проводка последней группы судов из Карского моря с грузом сибирского экспорта.

Местами, где набивало молодой лед, где он становился набивным, как говорили ледокольщики, ветеран «Малыгин» приметно замедлял ход. Льды задерживали разбег ледокола, который торопился к последним двум кораблям в Енисейский залив, где свирепствовала пурга, ложились на целые сутки густые туманы, и под водой караулило добычу костистое дно.

Последний караван иностранных судов был уже за островом Белым, вне досягаемости старого льда. В случае ледовой тревоги на выручку каравану поспешил бы из Югорского Шара ледокол «Ленин».

В Енисейском заливе многомильными шагами подвигался леденящий мороз, и двум судам, шедшим под советским флагом, уже требовалась помощь ледокола.

«Сакко» и «Крестьянин». Вот имена пароходов, которые уходили из Карского моря последними в 1930 году.

Командование ледокола распорядилось поднять пары в третьем котле, чтобы придать больше силы гребному винту корабля. «Малыгин» шел полным ходом к Енисейскому заливу, куда из Игарки подходили последние два лесовоза.

Море затихало и обледенело. А в Югорском Шаре был сейчас жестокий шторм. Он передвигался на северо-восток и собирался назавтра ударить по «Малыгину». Но люди, уходя в коварное Карское море, запаслись всем, что дала наука для борьбы с ледовой стихией. Бюро погоды раскрыло на картах кривыми изобарами планы югорского

шторма. Он пытался налететь неожиданно на ледокол, но «Малыгин» ушел от него к Диксону, к острову Вернс, чтоб оттуда итти к устью Енисея.

Туда же продвигались два последних судна. Их задерживали снежные заряды, туманы и молодой, но крепкий лед. Было уже 10 октября. Начиналась полярная зима. Море замерло. Как перед генеральным наступлением многочисленного и сильного врага эвакуируется население сел и деревень, так и сейчас перед темной порой, перед долгой полярной ночью с пургами, сорокаградусными морозами все живое оставляло полярный бассейн. Три живых существа, три морских корабля «Малыгин», «Сакко» и «Крестьянин», внутри которых бились сердца советских моряков, вот кто так поздно в этом суровом море будоражил лопастями своих винтов, отяжелевших от снежуры и сала, карские воды.

«Малыгин» миновал остров Вернс. Вдалеке, на горизонте, из-за скал, покрытых снегом, высился шпиц радиомачты Диксон. Ледокол не сделал захода в знакомую бухту, где по неделям стоял на якорной привязи в дозоре, патруле, охраняя суда от ледовых набегов. Дюралюминиевые птицы—морские самолеты приносили ему вести о передвижках льда. Служба погоды раскрывала замыслы шторма, и начальник Карской Евгенов, проведший двадцать лет за столами научных кабинетов и у ручки машинного телеграфа в рискованных походах, зычным голосом направлял ледокол туда, где море готовило судам наибольшую опасность.

«Малыгин», не видя в тумане берегов, шел над костистым дном к устью Енисея. «Сакко» несколько раз искрил радиорубку ледокола своими короткими телеграммами. В них говорилось о трудностях пути, снегопадах, тумане, плохой видимости.

Не доходя Сопочной Карги, «Малыгин» загремел якорной цепью. Здесь была назначена встреча с кораблями—рандеву, как говорили моряки.

Ледокол пришел сюда по сплошному молодому льду, покрытому снегом. С верхнего мостика корабля казалось, будто

брел он, этот железный черный богатырь Севера, дымя огромной трубой, в самом сердце тундры. Кругом, куда только мог достать глаз, виднелось сплошное ледяное и снежное поле. Узкая дорожка, черный след шел за кормой корабля.

Полдня простоял «Малыгин» на якоре. Здесь, где кончался Енисей, куда миллионы ведер воды подгонял ежечасно водный гигант Сибири, не было льдов, и мутно желтели пресные воды.

Старший радист ледокола Точилов несколько раз давал радиопеленги «Сакко» и «Крестьянину», и для верности вахтенный начальник протяжно сигналил хриплым гудком «Малыгина».

Вдруг из тумана отделилось темное пятно, через минуту оно стало ясней, и скоро сквозь паволоку, будто кисею, можно было различить высокий корпус парохода, мачты, стрелы, трубу.

Это «Сакко» с грузом леса шел из Игарки, морского порта на реке Енисее. За ним показался и «Крестьянин».

Кольцо тумана скрывало берега, и казалось, что корабли встретились в открытом и безбрежном море.

Круто повернул за кормой ледокола гигант «Сакко». Капитан «Сакко» приветливо махнул рукой Евгенову и первым крикнул в рупор:

— Доброго здоровья!

— Доброго здоровья!—прокричал и начальник Карской.

Это были такие обычные, затертые слова. Но когда их перекидывали с корабля на корабль, в тумане, в нескольких кабельтовах от льда, в Карском море, которое на глазах замерзало, эти простые слова, вырывавшиеся из рупоров, волновали человека.

Из Сибири с грузом леса пришли эти пароходы. Они держали свой путь за границу. Ледокол «Малыгин» был их ледовым проводником.

Никогда Карское море не видело такой поздней проводки. Никогда зимой в этом море никто не проводил из Сибири

кораблей. Это был первый в истории полярного карского плавания зимний поход.

— Какое ваше счислимое место?—прохрипел голос в рупор с парохода «Сакко».

Несколько раз с «Малыгина» передали градусы и минуты, определявшие место ледокола.

Сирена на «Сакко» два раза просвистела отрывисто и резко, будто выстрел. Пароход предлагал «Крестьянину» следовать за собой. Сигнал повторили на ледоколе, и все три судна ушли в небывалый, неслыханный поход.

Впереди прокладывал дорогу ледокол, хорошо собранный, словно тренированный боксер; только показывал он морю вместо огромных кожаных перчаток свой надежный форштевень.

Караван входил в лед. Все трещало, хрустело и шуршало кругом, в море и на судах. Люди долго не расходились с палубы и спардека, вглядываясь в туман и крошево ломавшихся полей.

«Малыгин» терпит бедствие

В штурманской рубке ледокола, согнувшись над тесным столом, два моряка, два старых полярных волка, Евгенов и Чертков, шагая по морской карте ножками блестящих измерителей, решали вопрос о том, начинать или не начинать поворот корабля.

«Малыгин» шел малым ходом, и за ним бодро двигались, светя ходовыми огнями, два советских лесовоза.

— Дмитрий Тимофеевич, ледокол стал, упершись в тяжелое поле!—крикнул в рубку вахтенный штурман Захарьин.

— Подтолкни немного!

Прозвенела ручка телеграфа, требуя среднего хода. Но «Малыгин» не разломал льдины.

— Уж не хватили ли мы грунта?—сказал Евгенов.

Капитан Чертков быстро поднялся на мостик и дал задний ход.

Три раза коротко прогудел «Малыгин», приказывая кораблям не следовать за собой.

Где-то в отдаленной каюте теленькала балалайка и перебирали пальцами надоевшую гитару да слышно было, как в красном уголке отчаянно стучали свободные моряки в «азики» [1].

«Малыгин» впервые за все плавание отказался повиноваться своему командиру Черткову, не двигался ни вперед, ни назад и не ломал ледяного поля. «Малыгин» коснулся грунта. Перед тем, всего за десять минут, ледокол сверял свое счислимое место с судами, которые он патрулировал во льдах. С одним из лесовозов—«Сакко», который шел вторым,—место «Малыгина» не сходилось, но с «Крестьянином» разница была всего лишь в один градус, и ледокол продолжал поход.

В десять часов вечера 10 октября «Малыгин» уперся своим форштевнем в грунт, прошел немного по подводной банке и стал, будто не слыша приказаний своего старого командира.

Серые, едва заметные силуэты огромных лесовозов, приняв сигналы ледокола, повернули в сторону, где должны были лежать большие глубины. Видно было по ходовым огням, как вдруг изменили курс корабли, предупрежденные об опасности. Еще минута, и на грунте сидело бы три судна. Терпя бедствие, ледокол прежде всего помнил о кораблях, которые доверились ему при густом тумане и дрейфующем льде в этом малоизвестном заливе.

Ветер гнал гигантским помелом ледяные поля на корабль, зарывшийся в твердый песок. В тумане нельзя было ничего различить, кроме ходовых огней, отходящих от мели лесовозов. Шуршали, ломились, стучали огромные торосы, взбираясь на борт вздрагивающего ледокола. Он скрипел, не поддавался молодому, но крепкому льду, не поддавался сжатию. Подвижной ледяной покров не позволял людям промерить глубины возле корабля. И люди не знали точно, куда направлять судно, чтобы не вылезти на новые банки.

[1] Азики—род домино. (Прим. авт.)

Отойдя на большие глубины, советские лесовозы легли в дрейф во льду. Назавтра «Сакко» должен был с утра снимать «Малыгина» с грунта.

Всю ночь не спал Евгенов. Он забросал свою походную каюту и капитанский мостик окурками папирос.

Опасаясь за судьбу лесовозов, шедших с грузом экспорта за границу, начальник Карской отправил их с утра в дальнейший поход без конвоя. Навстречу им для проводки был вызван ледокол «Ленин», стоявший в резерве в Югорском Шаре.

В каждую полную воду, которую, задерживая течение могучей реки, нагонял сюда морской прилив, ледокол пенил своей машиной воду залива. Были откачаны балластные цистерны, заводили ледяные якоря, палубная команда выходила на лед для промеров вокруг корабля, но все было тщетно. Ни ум человека, ни героическая работа всего экипажа, ни две тысячи восемьсот лошадиных сил не могли вырвать ледокол из цепкого песка. Экипаж обессилел от бессонных ночей, спасая краснознаменный ледокол, творивший живую легенду у берегов Свальбарда.

Командир ледокола Чертков созвал в кают-компании судовой совет из представителей всего экипажа. Короткими, сжатыми фразами говорил капитан на совете, придя с мостика и еще не отогревшись после леденящего ветра. Один береговой человек, не знавший морского дела, и молодой военный штурман Беликов горячо высказывались за продолжение спасательной работы. С ними не сразу согласились: многие считали бесполезным спасение собственными средствами. Но к концу заседания было решено возобновить работу машины и попытаться ночью при полной воде сняться с грунта. Огромные ледяные поля со скоростью двух миль в час выносились могучим Енисеем в море. Ударяясь о борт присмиревшего «Малыгина», они громоздились, лезли, брали приступом его палубу, образуя причудливые торосы.

В тот день, когда «Малыгин» коснулся грунта, последний караван иностранных судов выходил из карских вод в Баренцово море.

Блестяще закончив карские операции, беспримерные в истории полярного плавания, проведя сквозь льды пятьдесят океанских пароходов, «Малыгин» сам остановился из-за слепого случая, сбитый в тумане дрейфующим льдом и сильным течением сибирской реки.

На сотни километров от места аварии не было поселений. До ближайшей железной дороги было около трех тысяч километров.

На следующий день после аварии вдруг прояснилось и в полутора милях открылся низкий материковый берег, сплошь заваленный плавником, занесенным сюда Енисеем из сибирских лесов во время весенних ледоходов. Жилья нигде не было видно.

Промышленник Кузнецов долго рассматривал унылый берег в свою старинную подзорную трубку, которой пользовались когда-то поморы. На берегу заметил Кузнецов несколько человек, стоявших неподвижно и наблюдавших, очевидно, за ледоколом.

Днем, когда лед сжало, два юрака с малолетними детьми и два русских в одежде из звериных шкур, рискуя жизнью, прыгая по торосам дрейфующих полей, подошли к борту. Оказалось, что здесь на берегу, на семьдесят второй параллели, зимует научно-промысловая экспедиция Турухансоюза.

Начальник экспедиции Демидов долго сидел в походной каюте Евгенова. Из-под звериных шкур глядели черные, чуть детские глаза. Демидов пространно отвечал на расспросы о возможности зимовки малыгинцев здесь у Песчаного мыса.

Перед уходом с ледокола он несколько раз повторил, что окажет всяческую поддержку экипажу «Малыгина».

— Вас могут спасти западные ветры. При западах вода здесь поднимается на полтора метра, так нагоняет воду.

Ночью, когда прибыла вода, снова стала работать машина полными ходами. Двадцать футов была осадка «Малыгина»,

а сидел он на семнадцати футах. Дрейфующим льдом и ветрами его подтащило на мелкие места. «Малыгин» стал, упершись в подводную косу. Поднявшиеся остозые ветры гнали лед по заливу с бешеной силой, и возле ледокола стоял первозданный хаос: горы обломков ледяных полей, торосившихся друг на друга от нажимавшего ветра. Будто бык большого моста, «Малыгина» преграждал своим бортом путь ледяным полям, которые гнал на него сильный остозый ветер. Ледяные поля, ища выхода в морские просторы, всё шли приступом на ледокол и торосились до верхней палубы. Старик «Малыгин» стонал, но выдерживал этот страшный натиск.

Мощный винт корабля размыл под кормой огромную канаву, и корма стала ходить по ней. Вдруг задвигался нос и начал попрежнему, как совсем недавно, еще только вчера, рушить лед дерзко и шумно.

Люди выбежали из помещений корабля на верхнюю палубу, крича от восторга. Но ледокол будто умерил ход и снова стал, уткнувшись в грунт. Меняя ходы, командир Чертков вырвал ледокол из грунта, протащив его всего лишь на несколько метров. И снова гребной винт пенил воду, раскидывал обломки блестевших на солнце полей и намывал на них грязную гущу с грунта. Все льдины почернели от размытого дна, но «Малыгин» не двигался. Ему не хватало, быть может, еще одной тысячи сил, чтоб вырваться, выпутаться из этой песчаной косы, которая вплетала в себя его тяжелые обводы.

Последние советские лесовозы «Сакко» и «Крестьянин» с грузом экспорта благополучно продолжали путь, идя молодым льдом без конвоя к Югорскому Шару, единственным открытым сейчас воротам Карского моря.

Построенные рабочими ленинградской северной судостроительной верфи, советские лесовозы отлично выдерживали ледовое крещение.

Люди на ледоколе ждали «Ленина», который сквозь снежные заряды, ломая лед, шел к ним на помощь.

На зимовку

Судовой врач Чечулин, стоя на полубаке с лотом, следил за тем, не тянет ли лот по грунту, не движется ли ледокол. Вчера вместе с гидрологом Карской экспедиции Алексеевым и малыгинцами Чечулин расхаживал по дрейфующим льдам: брали с кромок глубины коварного залива.

Фигуры доктора и гидролога долго маячили на белых обломках, очерченных темными разводьями. Алексеев несколько раз в день составлял кроки, рисуя цветными карандашами подводную картину по глубинам, которые давали промерные партии вокруг корабля. По этим картам Алексеева командование ледокола решало вопрос о том, что делать и как поступать дальше. Это были оперативные сводки для главного оперативного штаба.

Морская шинель военного штурмана Беликова обледенела на морозе и ветре от соленых брызг во время промера глубин холодным и скользким от забортной воды лотом. Беликов — этот военный штурман, учившийся у Евгенова и малыгинцев искусству полярного плавания, выполнял сейчас, в минуты тревоги, черную работу моряка, ходил на шлюпке с промерами, следил за стрелкой компаса, не двигается ли ледокол.

Синоптики густо расчерчивали карту погоды изломанными линиями циклонов и антициклонов.

Промышленники из диксоновской артели Буторина, возвращавшиеся на ледоколе домой в родное Долгошелье через Архангельск, вызвались сами работать, помогать самоотверженному экипажу ледокола.

Здесь каждый прежде всего являлся членом экспедиции. Здесь каждый отдавал себя для спасения судна, с которым сроднился, которым был горд.

Доктор Чечулин не только был отличным хирургом: как лучший стрелок он добывал экспедиции свежее оленье мясо, как яхтсмен—он участвовал во всех шлюпочных походах, а пока на несколько дней с ледокола уходил на «Белухе» в Пясину Алексеев, доктор Чечулин занимался и гидрологией.

Когда «Малыгин» стал, уткнувшись носом в грунт, на корабле сразу заговорили о зимовке. К ней не был готов ледокол. Его снарядили на три месяца, да притом снабдили негодными продуктами, которые вскоре пришлось выбросить за борт.

Начальник экспедиции Турухансоюза обещал в случае нужды закупить для экипажа оленей у юраков. Кроме того на берегу находились склады комсеверпутьской муки и масла.

Часть людей начкарской Евгенов решил, если будет возможно, сдать на ледокол «Ленин» или отправить на оленях по зимнему пути, а человек десять оставить зимовать на судне вместе с доктором Чечулиным.

Нужно было подобрать таких зимовщиков, которые были бы хорошо настроены, молоды и здоровы. Этот отбор поручено было сделать доктору Чечулину.

В тесном судовом лазарете доктор осматривал команду корабля. На палубе у дверей лазарета вмиг образовалась очередь. Некоторые были веселы, возбуждены, шумели, подшучивали над товарищами, другие же, наоборот, были необычно молчаливы.

— Маслобородов!

— Я,—ответил матрос-беломор.

— На зимовку не боишься оставаться?

— А мне все едино. Оставаться так оставаться.

— Семья есть?

— Жена и трое детишек.

— Так как же с семьею будет?

— А там об них колхоз позаботится как-нибудь, не бросит их на произвол.

Доктор выслушивал его стетоскопом, мял его мускулы, проверял рефлексы, заглядывал в рот. Зубы были дороже всего на зимовке. Людей с плохими зубами караулила цынга.

— Следующий!—высунулся Маслобородов из дверей лазарета, на ходу застегивая брюки.

— Эй, очередь, очередь соблюдай!

— Зимовщики, подходи!—кричали на палубе возле лазарета.

— По глазам освобождают!

— Не по глазам, а по зубам.

— Тебе может и по зубам, а мне-то вряд ли!—говорил здоровый кочегар, выпятив, невзирая на семиградусный мороз, голую, расписанную порохом татуировки грудь.

— Я зимовки не боюсь, душа с нее вон! Все равно, где ни пропадать! Я на всех фронтах семь лет молотил. Мне что!—решительно заявлял кочегар.

— Володенька, ступай на зимовку устраиваться, зовут. Слышишь!—подталкивали товарищи в лазарет молодого кочегара.

В комнату вошел почти мальчик с глазами, горящими задорно и весело.

— Мигалеев, 1909 года рождения,—отрекомендовался кочегар.

— Покажи-ка зубы! Э-э-э... один вырван!

— Можете и остальные повытаскивать. Мне ничего не жалко!

— И на зимовку не боишься оставаться и скучать по тебе никто не будет?—спросил доктор, выстукивая белую спину кочегара, недавно отмытую в бане.

— Скучать не будут. Скажут, хорошо, что остался у чертей на куличках.

— Здоровьем ты хорош, и сердце, как Павел Буре, работает,—сказал доктор.—Да ты, кажется, к тому и спортсмен.

— Я в Мурманск из Восточной Лицы пригнал бот. Один на нем ходил в море и мотористом и рулевым. Мне и винтовка была за это преподнесена.

Но не все так бодро говорили о зимовке. Иные приходили сюда, побледнев, будто перед экзаменом школьник. Они отвечали невпопад, называя вместо отчества фамилию, вспоминали подолгу свой возраст и спрашивали, нельзя ли отправить их зимовать... в Архангельск.

Таких было немного.

— Ну, Мельник,—говорил доктор, осматривая кочегара ледокола,—как ты себя чувствуешь?

— Доктор, у меня мигрень, кушать охота, а работать лень.

— Мне, пожалуй, не поднять тебя?

— Кило восемьдесят пять наберется. Я спал, меня за ноги стащили. Иди,—говорят,—в лазарет. Доктор по стопке спирта всем дает. А вы, должно быть, на зимовку отбираете? Так ее не будет. Я как на вахту ночью заступлю, так и снимемся.

— Ну, и здоров же ты, братец, а мускулы-то какие! И весел ты! Такие и нужны для зимовки, чтобы не нагонять на других тоски.

— Эй, вы, зимогоры [1], подходи!—крикнул Мельник.

В лазарет вошел почерневший от угля машинист, снял пиджак и показал голое, расписанное татуировкой тело. На правой руке его синела женщина в корсете, очевидно, из старого прейскуранта резиновых изделий Руссель.

— Это я, Долинин Петр, 1905 года рождения, лет своих не знаю, со счета сбился. Мы сговорились тут зимовать с Мигалевым да Жоркой,—заявил Долинин.

— Да ты ведь, кажется, женат? А она-то как?

— Она подождет! Зачем за моряка выходила?

— Жалобы у вас есть на что-нибудь?—спросил Чечулин.

— Никаких!—решительно заявил моряк.

Список команды, который держал перед собой доктор, заполнялся пометками о количестве здоровых зубов, о работе сердца, легких, о нервах людей корабля, который льды и подводные банки обрекали на зимовку.

Оправив свой плотный, норвежский свитер, белый, как шкура полярного медведя, доктор продолжал осмотр людей, шумевших у дверей лазарета.

Ледяные поля скрежетали о борта ледокола, покачивая его и сотрясая. Далеко на берегу еще моргал огонек мигалки.

[1] Зимогоры—местное слово, произведенное от «зимовщики». (Прим авт.)

Все на верхней полубе

Старому командиру ледокола «Малыгина» не спалось в эти ночи. Надев вислоухую шапку, он выходил из каюты на спардек посмотреть на море, не принесет ли оно добрых вестей. Старый ледокольщик Чертков следил за дрейфом льда, быстрым ходом течения и тянувшими ветрами. Они также могли помочь ледоколу.

И вот, когда забрезжил скупой рассвет, показалось капитану, что ледокол отнесло за ночь в сторону.

На шлюпке по разводьям дрейфующего льда пошли люди с промерами по всем румбам. Подмерили глубины вокруг корабля: они дали другие показания, отличные от вчерашних. «Малыгин», видимо, стоял на новом месте. Перед ледоколом лежала коса, за ней шли уже такие глубины, где он мог ползти своим днищем по грунту, размывая его винтом. Шлюпку начали поднимать на борт корабля, как вдруг оборвались кормовые тали и шлюпка упала вместе с матросом и зверобоем, сидевшими в ней. Они цепко ухватились за банки. Им подкинули штормтрап и приняли их на ледокол. Через десять минут утопавшие, переодевшись, снова были на работе.

Кубрики и каюты опустели сразу, как только прозвенела ручка машинного телеграфа и, повинуясь ей, взбаламутил воду могучий винт ледокола.

Все люди были на верхней палубе и следили за тем, идет или не идет «Малыгин».

— Стоит, как нанятой!—недружелюбно буркнул почерневший от угля кочегар, выбежав наверх подышать минуту свежим воздухом.

— Идет, идет!—сказал матрос, бросивший лот и следивший за тем, дрейфует ли лот по дну, меняются ли глубины.

— Какое там идет?

— Ходит, ходит!

— Пошел!

— Заело! В грунт уперся.

— Эй, на полубаке! Какая глубина?—кричал с капитанского мостика Чертков.

— Девятнадцать!

— Ол райт!—обрадовался глубине капитан и тихо приказал вахтенному помощнику дать полный вперед.

— Ну, как? Двигается?—спрашивал сверху Чертков.

Все смотрели вниз на воду, на лот, льды, берег и кто кричал, что идем, кто—ползем, а некоторые уверяли, что не двигаемся с места.

Небо было облачно, и хмурился снежными зарядами горизонт. По берегу, у края ледяного поля, запорошенного выпавшим за ночь снегом, ходили два зимовщика. А «Малыгин» дышал густой черной тучей и протравливал белым облачком излишний пар из котлов.

Поход льдов продолжался. Некоторые льдины садились на мель и задерживали собой задние колонны. Эти огромные стамухи сидели на мелях, и ярко-белые с изжелта-зелеными краями они громоздились друг на друга с хрустом и шорохом.

— Честно сидим,—сказал один из матросов.

— На олешках-то, пожалуй, скорее снимемся отсюда, чем на ледоколе,—заметил другой моряк, который в течение летней навигации успел переменить три судна. Он тонул на «Зверобое», плавал на «Красноярском рабочем» до Диксона, затем перешел на «Малыгина» уже в качестве пассажира и громче всех стучал азиками в красном уголке.

Ледокол разглаживал под собой грунт, словно утюг крахмальную рубашку. Полными ходами двигал винт «Малыгина» вперед и назад. Под кораблем образовалась огромная выемина, и «Малыгин» ходил по ней заметно для всех людей, свесившихся с релинга на спардеке и за кормой.

— Бодримся, может быть, выбодримся как-нибудь!—сказал повеселевший Евгенов.

Боцман, стоя на полубаке и закидывая лот, кричал о глубине, полуобернувшись к капитанскому мостику, где ловили его цифры.

— Восемнадцать!

— Восемнадцать с четвертью!

А сам между промерами говорил:

— Вся беда от того, что на корабле шесть женщин. Их ни одной нельзя брать в такое дело.

На баке шла авральная работа: готовили буксир для подачи на «Ленина», который приближался к «Малыгину» десятиузловым ходом, идя на траверзе острова Вернс.

Советские лесовозы выходили уже в чистую воду. Карская экспедиция заканчивалась.

Из Архангельска радио запрашивало о посылке ледокола «Седов» с углем в Карское море для поддержки «Малыгина» и «Ленина» топливом.

«Малыгин» вырвался на полкорпуса вперед и засбоил, как поровистый конь. Невидимыми поводьями дергал судно маленький штурвал, и огромная железная коробка разминала своею тяжестью песчаный грунт.

Вода стала убывать.. Снова накачали цистерны водой и сделали ледокол более тяжелым, чтобы его не смыло, не нанесло течением и дрейфом льдов на новые банки.

Сегодня, в конце третьих суток, когда полная вода поднимет ледокол, люди снова решили биться за старика «Малыгина».

Эфир был полон радиомолниями и аварийными телеграммами. Новосибирск и Архангельск переговаривались с «Малыгиным», сидевшим у мыса Песчаного.

Бурун под носом

Битва с морем за ледокол, за краснознаменный «Малыгин» возобновилась ночью, на третьи сутки после аварии, задолго до полной воды. Это был последний бой людей и машины с грунтом, цепко державшим ледокол. Через несколько часов к месту аварии подходил уже ледокол «Ленин». Об этом сообщало радио. Заполнив все свои балластные цистерны, он должен был подползти по грунту и рыть его,

«Малыгин» терпит бедствие. В ночь на 12 октября дрейфующий лед штурмует «Малыгина».

Обратный поход «Малыгина» в Архангельск по морю, закрытому сплошным десятибальным льдом. Вдали—силуэт ледокола «Ленин».

размывать, углубить дно своими тремя могучими винтами, чтобы стащить с банки, выручить из беды ледового соратника.

Южные ветры постепенно перешли на норды. И море, студеное и льдистое, погнало свои воды в Енисей, сразу подсолив его устье.

«Малыгин» снова вымывал винтом ямы под кормой и заметно пошевеливался. С бортов корабля то и дело закидывали лоты. Вдруг льды поплыли будто назад, против течения, все быстрей и быстрей. Их никогда с такой бешеной скоростью не несло море.

— Идет! Идет!

— Пошел! Пошел! кричали люди, свешиваясь с релинга и забрасывая лоты.

— Бурун под носом!—обернувшись к капитанскому мостику раздельно, отрывисто, по-морскому отчеканил военный штурман Беликов.

— Гут! Набрось! крикнул сверху Чертков.

— Эй, на полубаке, подбрось лот!—командовал с мостика капитан.

— Девятнадцать!

— Двадцать!

— Двадцать один!—звонко выкрикивали люди с бортов ледокола.

— Ол райт! Гут!—одобрял повеселевший Чертков.

Со всех концов корабля слышна была перекличка моряков о глубинах ловушки, в которой трое суток сидел захваченный грунтом ледокол.

И чем быстрей шел от мелей ледокол, тем чаще раздавались крики, и капитан едва успевал бросать свои «ол райт» и «гут».

Под нос корабля попало ледяное поле. Час назад такие поля жали борты «Малыгина», заставляя его скрипеть беспомощно и жалко.

Но сейчас, будто в отместку, по злобе, «Малыгин» так

навернул по первой же льдине, что она захрустела, заторосилась и ушла под воду.

Под килем корабля было уже много футов, и Чертков дал полный ход.

Когда в машинном отделении ручка телеграфа с верхнего мостика прозвенела о полном ходе, из кочегарки, дававшей пары ледоколу, дружно, хором, заглушая шум машины и грохот раскалываемых льдин, по-пионерски прокричали кочегары:

— Ни-ко-ла-ю И-ва-но-ви-чу Ев-ге-но-ву ура-а-а!

Все свободные люди повылезали на палубу.

— Идем!

— Затопали сами!—переговаривались, будто не веря в случившееся, люди на корабле.

— Молодчинище, «Малыгин»!

— Так я же говорил, что в мою вахту сойдем с банки. Мы посадили мы и сняли, - говорил рулевой, следя за компасом.

— Ура! Ура! -переливалось по ледоколу, на верхней палубе, в кубриках, каютах, красном уголке.

В бинокль вахтенный начальник различил ходовые огни «Ленина». Вскоре засияли и круглые огни его иллюминаторов.

Сквозь льды, туманы, снежные заряды пришел сюда на помощь «Малыгину» красавец ледокол.

Но «Малыгин» снялся сам. Помощь ему была теперь не нужна. Он салютовал «Ленину» протяжно и гулко.

Люди обнимались, целовались, поздравляя друг друга.

За столом в кают-компании произносились тосты. Это были обычные речи людей, которые хотят сказать много, но говорить не умеют. Их простые слова в эти минуты казались какими-то необычайными, волнующими и покрывались гулким «ура».

— Товарищи моряки, вы меня поймете, - встав, начал высокий молодой Валинский, старший штурман погибшего «Зверобоя».- Каждый моряк знает, как тяжело бросать судно, на

котором плавал, с которым сжился. Это все равно что хоронить близкого человека. Вы сознаете, как трудно нам, морякам, было оставить наш «Зверобой» и итти с вами в качестве пассажиров. Вам, малыгинцам, угрожала участь Зверобоя», и я вместе с вами страдал душой за ваш славный ледокол. «Зверобой» погиб нелепо и случайно. И вас подстерегала гибель на мелях Енисейского залива. Но вы снялись, и я, как моряк, вас поздравляю. Мы, зверобойцы, понимаем вашу радость и разделяем ее вместе с вами. Мы вместе работали по спасению вашего корабля. Краснознаменному ледоколу—ура!

Моряки понимали эту простую речь, она их волновала так же, как хорошая книга.

Послушная железной воле человека, машина размыла песчаный грунт под кораблем, и «Малыгин» ожил, снявшись с грунта, рассекая носом льды и воду. Люди на ледоколе не могли заснуть в эту ночь.

Огромные поля, гладкие, затянутые снегом, гнал северный ветер туда, где стояли на якорях ледоколы. Лед грозил срезать якорные канаты, и их скоро выбрали. Корабли работали своими надежными машинами, ломая лед, шедший лобовой атакой.

С рассветом начинался обратный поход в Архангельск по морю, сплошь забитому десятибальным льдом.

Опустевший пролив

Дымя желтыми трубами, на которых горели алые пятиконечные звезды, сквозь льды Карского моря шел ледокол «Ленин», а за ним следом поспевал «Малыгин». Зловеще молчало Карское море, закрытое крепким молодым льдом. Оно будто онемело от изумления, видя, что даже полярная зима не смогла остановить советские ледоколы.

16 октября в полдень пришли ледоколы в Югорский Шар. Карское море было уже позади. Скалы Вайгача закрывал

пушистый снег, и снежура, в которой стояло, не падая, весло, густела у заберегов.

Около двух месяцев назад здесь, в Югорском Шаре, проливе, соединяющем два моря—Баренцово и Карское,—было шумно, как на проспекте. В ожидании ясной погоды стояли в Югорском Шаре океанские пароходы, шедшие в Сибирь за советским лесом из-за границы, носились моторные лодки, юлили шлюпки с молодыми моряками. Гулко шумели самолеты, отрываясь от воды, взлетая над островом Вайгач, чтобы показать людям Карское море, его льды и его чистые дороги. А воздух, безмикробный, полярный воздух рассекали радиоволны. Корабли переговаривались друг с другом. На благодатном острове Вайгач, покрытом высокой травой и прямо пахнущими цветами, паслись большие стада оленей, и островерхие чумы высились над замшелыми скалами.

Сюда, на этот остров, выходили участники экспедиции Варнека, экипажи ледоколов «Таймыр» и Вайгач». Здесь стояла заброшенная избушка с забитыми окнами. В ней квартировали эти экспедиции. Об этом говорили проржавленные банки из-под консервов и кучи всякого хлама.

Геолог Кулик обнаружил в 1921 году на скалистом Вайгаче свинцово-цинковый блеск, но не придал этой находке значения. Через четыре года в бухту Варнека на остров Вайгач случайно попал член Комитета севера, энергичный Шенкман, «кожаный глаз,» как его зовут ненцы (он потерял глаз в германскую войну). В 1929 году около ста двадцати тонн было вывезено Шенкманом в Архангельск для обогащения цинково-свинцовой руды.

В 1930 году поставили здесь четыре новых дома, выдолбили в камнях острова три шурфа, три первоначальных шахты и поставили одну буровую вышку.

В один месяц поднялся на этом острове новый городок. Пароходы привезли сюда людей, чтобы они тонну за тонной добывали для Союза ископаемые богатства Вайгача. В пла-

стах Девонской эпохи, где никогда не находили цинка, здесь, на Вайгаче, нашли его.

В бухте Варнека у нового полярного городка стоял ледокол «Сибиряков». Он привез полторы тысячи пробсов [1] для топлива в это безлесное место, куда море не пригоняло от сибирских берегов дарового плавника.

Часовенка в становище Хабарово, которую писал тридцать лет назад художник Борисов, стояла и теперь. Но в ней уж никто не молился, и в становище не жил поп Нарцисс.

На парусной шлюпке «Малыгина» промышленник Кузнецов доктор Чечулин, гидролог Алексеев и я пошли к этому становищу по опустелому проливу.

— Итти шестнадцатого октября под парусом в Югорском Шаре—это не шаблонно,—говорил доктор, сидевший на руле.

Чечулин был капитаном шлюпки.

— Подбери гикшкот!

— Потрави!

— Поднабей кливершкот!—командовал Чечулин.

И его короткие отрывистые приказания мы мгновенно исполняли. Шлюпка быстрей моторной бежала к Хабарову.

Густая снежура у заберегов не позволила подойти к самому берегу на одних парусах, пришлось выгребать веслами.

— В становище никого нет,—встретил нас немец.—Нас только четверо осталось, остальные все в тундру уехали. Теперь не скоро вернутся.

Дома стояли пустые, нетопленые. Хозяева покинули их, ушли в тундру за промыслом.

Вдали виднелся одинокий чум. Мы пошли к нему.

— Залают собаки, кто-нибудь да выйдет,—сказал Кузнецов.

Собаки лаяли лениво, из чума никто не выходил. Откинув шкуру, служившую дверью, мы зашли в это дымное логово. Женщины сидели по-турецки на шкурах возле небольшого

[1] Пробс — лесоматериал. (Прим. авт.)

костра. Они сперва не отвечали на наши расспросы, но потом немного присмотревшись к нам, подтвердили, что все мужчины ушли в тундру.

Прибой затопил нашу шлюпку снежурой, и мы долго ковшом вычерпывали этот неприятный дар моря.

Зигзагами—«галсами», словно молния, летели мы обратно к кораблю, падая в провалы между волнами, принимая в шлюпку соленые захлесты.

Сильным ветром так натянуло паруса, что гик, кототрый я держал за шкот, лопнул, и мы едва добрались к «Малыгину».

Утром 18 октября ледокол вышел из Юшара.

В Карском море больше не оставалось кораблей. Только на рациях и промысловых зимовках в домах, занесенных снегом, жили люди в этом исключительном крае.

Через десять месяцев здесь снова начиналась лихорадочная жизнь.

Редакция журнала
„Морской сборник“

Содержание

	Стр.
Введение	3
Куда идете?	7
Таинственный знак	9
Югорский Шар	11
Люди на Матшаре	14
Черные камни Диксона	21
В темную пору	25
Боцман «Зари» — Бегичев	36
Одометр Амундсена	37
Белушатники	41
Вешний промысел	47
Прощай, «Зверуха»!	52
Путь «Белухе» закрыт	57
Изба Ломакина	61
Недогруз и перегруженность	64
Волхвы Карского моря	68
Под шапкой-невидимкой	71
Магнитная буря	73
За оленями	77
Атакуют Север	80
Первая зимовка на Шокальском	85
Медвежий ход	102
Полжизни на Новой Земле	111
Остров «Безмолвия»	113
«Ну-с, вот и великолепно!	117
Исчез самолет	119
По-зимнему	122
Последние корабли	129
«Малыгин» терпит бедствие	133
На зимовку	138
Все на верхней палубе	142
Бурун под носом	144
Опустевший пролив	147

ЧИТАТЕЛЬ,

сообщите Ваш отзыв об этой книге, указав Ваш возраст и Вашу профессию, по адресу:

Москва, центр,Никольская 10, Государственному издательству художественной литературы, массовый сектор.

Редактор Ю. Лукин. Технический редактор Симонов. Художник П. Урбан. Уполн. главлита Б—6371. Огиз № 552. X—11. Тираж 5000. Заказ 4204. Формат бумаги 82×111 1/32. Бумажных листов 2 3/8 по 129024 зн. Сдана в набор 23 октября 1931 г. Подп. к печ. 8 февраля 1932 г.

A 221.9 (91) D 22.1

КЧ
363
Ш

КЧ 363 Ш

Цена 5 р.

1037/28